Юрий Ильич Скуратов

Путин – исполнитель злой воли

Вместо предисловия

В свое время «МК» предложил список из десяти человек под названием «Злой гений XX века», в который входили Ленин, Сталин, Берия и Ельцин. Первое место занял Ельцин, набрав чудовищно много голосов – 38,8 процента. Вероятно, это – эмоциональная оценка, к тому же не все из жизни этого человека известно людям, но думаю, будет известно все и история воздаст ему по заслугам…

Когда же Ельцин ушел из Кремля, то вместо себя оставил Владимира Владимировича Путина, которого я хорошо знал. Первым указом Путина был указ «О гарантиях президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». Чего тут только не было, в указе этом! И неприкосновенность, распространяющаяся не только на самого «прекратившего исполнение своих полномочий», но и на занимаемые им «жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку». И пожизненное денежное содержание в размере 75 процентов оклада, и пожизненная государственная охрана плюс охрана членов семьи и сопровождающих его лиц…

Тут и пожизненное медицинское обслуживание бывшего президента и членов его семьи, и право на содержание за счет федерального бюджета аппарата помощников, а также «отдельного служебного помещения, оборудованного оргтехникой, средствами связи, в том числе правительственной связью», и пожизненное пользование одной из государственных дач – Ельцин избрал роскошную правительственную резиденцию «Горки-9». И еще – полным-полно различных благ для членов семьи бывшего президента после его кончины…

Некоторые газеты не выдержали, задали язвительный вопрос: а как в данном случае писать слово «семья», с большой буквы или с маленькой?.. Ответ на этот вопрос дает, в какой-то мере, эта книга: в ней я расскажу о той травле, которая была развязана против меня, когда я попытался затронуть интересы «семьи», и в которой я защищался, защищался всеми доступными законом способами…

Вызов к Ельцину

Тот мартовский день был солнечным. С самого утра пахло свежестью, оживающими деревьями, весной, талым снегом, еще чем-то очень вкусным, рождающим доброе настроение.

Но на душе доброго настроения не было. Хотя, если взглянуть на ситуацию с позиций чистого факта, отметая всякие эмоции, поводов для тоски и горя не было. Но человек есть человек. Человек – существо уязвимое, поранить его легко. Иногда ничего не стоит поранить. Я же не был исключением из правил.

Накануне, 17 марта, прошло заседание Совета Федерации, обсуждали мою отставку с поста Генерального прокурора России. Голосование ошеломило всех, кто следил за историей отставки, в том числе ошеломило и меня самого (а я все-таки готовился к худшему): 143 человека проголосовали против отставки и только шесть – за.

На следующее утро меня вызвал президент.

Вот теперь я и ехал к нему. В больницу, в так называемую «кремлевку». Утром, едва рассвело, мне позвонил Владимир Дмитриевич Метелкин – генеральный директор нашего медицинского комплекса на реке Истре, мы с ним каждое воскресенье в одной команде режемся футбол, – и сообщил, что ночью по второму каналу TV показали пленку, на которой человек, похожий на Скуратова, занимается амурными делами с проститутками.

Гаденькая это штука, противная, вышибающая злую слезу обиды, – подобные, тщательно срежиссированные, тщательно склеенные пленки. Людям, что занимаются этим, обычно не подают руки.

Звонок Метелкина светлых красок в настроение не добавил, но хорошо, что Владимир Дмитриевич предупредил меня.

И как только те, кто дал пленку в эфир, не понимают, что ее показ – это уголовное дело, за которое можно получить срок и отправиться в места, не столь отдаленные: ведь речь шла не только о банальной диффамации, но и оказании давления на прокурора в связи с расследованием уголовного дела, что является серьезным преступлением против правосудия…

Президент, казалось бы, по главной своей обязанности должен быть гарантом Конституции и законов, свято оберегать их, наказывать тех, кто преступает их, но, увы, этим гарантом президент наш оказался лишь на словах… К этому времени я уже понимал, что ни в 1993 году, когда танки в упор расстреляли здание парламента, он уже не был гарантом, ни когда отправлял ребят на бойню в Чечню, не был гарантом, ни в событиях весны 1996 года, когда он чуть было не разогнал Государственную Думу, – об этом я еще расскажу, – также не был гарантом. Не был он гарантом и в случае с незаконно уволенным генералом Коржаковым – начальником охраны, и в случае со мной. В основе всей его деятельности лежало, к сожалению, одно пренебрежение к закону, замешанное на осознании вседозволенности – ему, как царю, можно все. Правда, и прокуратура не проявила в этом вопросе достаточной принципиальности. А как он тасовал в последнее время премьеров и правительства?

В машину ко мне каким-то чудом прозвонилась журналистка из телекомпании НТВ, попросила прокомментировать ночной показ пленки по РТР. Я чувствовал, как внутри меня возникло какое-то жжение, едва не перехватившее дыхание, за ним – злость.

Странная сложилась ситуация с показом этой пленки. Решение Совета Федерации состоялось, голосование известно: 143 на 6, аргументы сторон высказаны. По логике, показывать надо было до заседания Совета Федерации… Впрочем, раз давят – значит, был у окружения Бориса Николаевича страх, значит, они боялись. И прежде всего разоблачений, уличений в воровстве, во взяточничестве, в том, что они ободрали страну, сделав людей непомерно нищими, а себя непомерно богатыми…

– Считаю, что это – форма давления в связи с расследованием крупного уголовного дела, – сказал я.

– Какого дела? – заинтересовалась журналистка.

– Дело… – я задержал дыхание, решая, назвать или не назвать фирму, которой это касается впрямую, – швейцарской фирмы «Мабетекс».

Так я впервые на всю страну назвал фирму, связанную преступными нитями с кремлевской верхушкой.

– Давление же на меня оказывают те, кто боится расследования, – добавил я.

Сказать больше я ничего не мог, не имел права…

Вот и ЦКБ. Я поднялся на лифте на этаж, где находилась комната заболевшего президента. Первый человек, которого я увидел, был Юрий Васильевич Крапивин – начальник Федеральной службы охраны. Он пытался переговорить со мной о смене моей охраны. Дело в том, что Генеральный прокурор – один из восьми охраняемых государством лиц. В эту восьмерку входят сам президент, премьер-министр, председатели трех высших судов России – Верховного, Арбитражного и Конституционного, председатели двух палат парламента и Генеральный прокурор… Подобный разговор Крапивин вел со мной еще в феврале, но тогда я резко высказался против: мы начали расследовать дела, связанные с самыми могущественными людьми России, и смена охраны может быть чревата…

Я сказал Крапивину:

– Юрий Васильевич, я уже предупреждал вас в прошлый раз: если вы поменяете мне охрану, я объявлю об этом всенародно и выскажу свои соображения по поводу того, зачем вы это делаете. Вы этого хотите?

Лицо Крапивина сразу сделалось кислым, и он от меня отстал.

Следом в коридоре повстречался Якушкин, пресс-секретарь прошел мимо, не поздоровавшись. Вот – даже не здоровается. В голове промелькнула грустная мысль: «Потомок декабристов… А воспитание недекабристское. Впрочем, человек, который столько лжет, утверждая, что президент работает по шестнадцать часов в сутки, вряд ли может быть потомком декабристов. Он потомок кого-то другого, из породы Хлестаковых».

В палате-кабинете президента находились трое: сам Ельцин, Примаков тогдашний премьер правительства и Путин – в то время директор Федеральной службы безопасности и секретарь Совбеза. «Если Борис Николаевич руки не протянет – я поступлю так же», – подумал я. Президент приподнялся в кресле и поздоровался за руку.

На столе перед ним лежала видеокассета с приключениями «человека, похожего на генпрокурора» и тощенькая папочка с материалами. Он ткнул пальцем в торец стола, где стоял стул. Сам он сидел за столом в центре, вертел в пальцах карандаш, постукивая им по видеокассете. У стола же, по одну сторону, лицом ко мне, сидел Примаков, по другую, как-то странно съежившись и натянув пиджак на сухой спине так, что были видны острые лопатки, – Путин.

За окном занималось солнце. Воздух сделался розовым, бодрящим, на ветках недалеких елей шебаршились птицы, стряхивали с лап чистый свежий снег.

Дверь в соседнюю комнату была приотворена. Мелькнула невольная мысль: «А не сидит ли там Татьяна Дьяченко? Очень может быть, что и сидит. Оттопырила по-крестьянски ухо и приготовилась слушать, о чем пойдет речь». В последнее время ежечасный доступ к «телу» – то бишь к отцу – имела лишь она одна. Значит, она «одна» (плюс незаменимые ее советчики Березовский, Волошин, Чубайс, Абрамович, Бородин, Мамут) и решает наши судьбы. В том числе и судьбы Примакова с Путиным, находящихся здесь.

Ельцин откинулся на спинку кресла, отдышался и произнес:

– Вы знаете, Юрий Ильич, я своей жене никогда не изменял…

Такое начало меня обескуражило, но не больше. Я понял: говорить что-либо Борису Николаевичу, объяснять, доказывать, что кассета вообще не может быть предметом официального обсуждения, бесполезно. Откуда вы взяли, господа, эту кассету? Вы же становитесь соучастниками преступления. Что вы делаете? Со-у-част-ни-ки.

И вдруг до меня, как сквозь вату, доходит голос президента:

– Впрочем, если вы напишете заявление об уходе, я распоряжусь, чтобы по телевизионным каналам прекратили трансляцию пленки.

Это же элементарный шантаж, за это даже детей наказывают, не только взрослых. Я смотрел на президента, но краем глаза, каким-то боковым зрением, заметил, что Примаков и Путин с интересом наблюдают за мной, Путин даже шею вывернул. Только у Примакова этот интерес носит какой-то сочувственный характер – Евгений Максимович понимает, в какую ситуацию я попал, – а у Путина интерес совсем другой…

Итак, первая фраза президента прозвучала, вызвала некий холод в душе, но я молчу, жду, что дальше.

– В такой ситуации я работать с вами не намерен, – произнес тем временем президент, – и не буду…

Я молчу, президент тоже молчит.

– Борис Николаевич, вы знаете, кто собирается меня увольнять? – наконец сказал я. – Коррупционеры. Мы сейчас, например, расследуем дело по «Мабетексу». Там проходят знаете кто?.. – Я назвал Ельцину несколько фамилий. – Это они все затеяли. Они!

– Нет, я с вами работать не буду, – упрямо повторил президент.

В разговор, понимая, что дальше молчать нельзя – я могу перехватить инициативу у Ельцина, – включился Путин.

– Мы провели экспертизу, Борис Николаевич, – сказал он президенту, – кассета подлинная.

Не может этого быть! Я даже растерялся – ведь экспертизы обычно проводятся в рамках уголовного дела… Но дела-то никакого нет.

– Тут есть еще и финансовые злоупотребления, – добавил Ельцин.

Мне вдруг стало обидно – я не то чтобы присвоить чей-нибудь рубль себе, не обязательно государственный, – я даже пачку скрепок не мог унести с работы, если у меня дома их не было, я просил жену сходить в канцелярский магазин. И вдруг – такое

несправедливое обвинение, фраза, для меня страшная: «Финансовые злоупотребления». Я почувствовал, что у меня даже голос дрогнул от неверия в то, что я услышал:

– Борис Николаевич, у меня никогда не было никаких финансовых злоупотреблений. Ни-ког-да. Ни-ка-ких. Можете это проверить!

В разговор включился Примаков. Но он говорил мягко, без нажима. Евгений Максимович, как никто, понимал эту ситуацию, но понимал и другое: его пригласили для участия в этом разговоре специально, чтобы связать руки – ему связать, не мне, чтобы он потом не мог влиять на историю со мной с какой-то боковой точки действия.

Что меня больше всего удивило в этом разговоре? Не кассета. Другое. Первое – игнорирование правовой стороны дела: никакие законы для высшей власти не существуют. Второе: неуважительное отношение к Совету Федерации. Ведь эта разборка происходила на следующий день после его заседания, она возникла как следствие, как сюжетное противодействие, если хотите, тому, что уже случилось. Третье: нежелание «семьи» дать мне возможность переговорить один на один с президентом. Для этого и были подключены Примаков и Путин. Хотя я готовился к беседе наедине.

Тонкие разработчики, конечно же, – Дьяченко, Березовский, Юмашев, Чубайс и Ко.

Очень точно просчитывают свои ходы. Как шахматисты. Особенно Березовский с его системным мышлением. Он, конечно, стоит на голову выше всей этой команды.

– Надо написать новое заявление об отставке, – сказал Ельцин.

– И чем его мотивировать? Совет Федерации же только-только принял решение.

– Пройдет месяц… На следующем своем заседании Совет Федерации рассмотрит новое заявление…

– Но это же будет неуважение к Совету Федерации.

Ельцин в ответ только хмыкнул. Понятно, где он видит этот Совет Федерации. В голове у меня словно бы молоточки какие забарабанили, от их звонких ударов даже заломило виски. «Что делать… что делать… что делать? Надо как-то выиграть время. Это необходимо как воздух. Уже запланирован визит Карлы дель Понте в Россию, она скоро должна приехать. Ее приезд откроет многие карты, которые сегодня закрыты. Во всяком случае, я на это надеюсь. Надо сманеврировать и обязательно выиграть время… Нужно довести дело по «Мабетексу» до такой стадии, когда его уже нельзя «развалить», и подстраховать визит мадам дель Понте».

Вот такая задача стояла передо мною. И еще я понимал, что без очередного заседания Совета Федерации не обойтись. Все решить может только это заседание.

– Борис Николаевич, следующее заседание Совета Федерации запланировано на 6 апреля. Если я напишу заявление сейчас, то произойдет утечка информации, прокуратура за это время просто развалится… – тут я поймал тяжелый, непонимающий взгляд президента, он словно бы не верил в то, что слышал. – Я напишу заявление сейчас, но дату поставлю апрельскую, 5 апреля – самый канун заседания Совета Федерации. За это время я смогу разобраться со швейцарскими материалами… Это очень важно.

Надо отдать должное президенту, он меня поддержал:

– Ладно, расследуйте то, что начато, а заявление датируйте 5 апреля.

Ход был правильный. Если бы я не написал заявления, то против меня были бы приняты резкие меры. Вплоть до физического устранения – от киллерского выстрела до наезда на мою машину какого-нибудь огромного, груженного кирпичами грузовика: эти ведь методы освоены в современном мире, в том числе и российском, в совершенстве. Ну, а уж насчет того, чтобы отстранить меня от должности указом, то тут уж, как говорится, Борису Николаевичу сам Бог велел…

Так с 18 марта по 5 апреля я получил возможность действовать, довести до конца начатые дела, продвинуть вперед историю с «Мабетексом» – пусть люди знают, что делает наша верхушка и как обходится с теми, кто указывает ей на нарушение закона.

Пока мы вели разговор, Борис Николаевич взялся за сердце, вяло приподнял руку, поморщился, одна половина его лица потяжелела, и он, хрипло дыша, вышел из комнаты. За окном продолжало светить, ликовать радостное весеннее солнце. Я заметил, как лица Примакова и Путина напряглись.

Через десять минут Ельцин вернулся, снова сел в кресло.

Когда я написал заявление, Примаков и Путин с облегчением вздохнули.

Выйдя из президентского корпуса на улицу, я хотел было сразу сесть в машину и уехать – слишком муторно, слишком противно мне было, – но Примаков задержал меня:

– Юрий Ильич, вы знаете, я скоро тоже уйду. Работать уже не могу. Как только тронут моих замов – сразу уйду…

В те дни в печати довольно широко обсуждался вопрос об отставке вице-премьеров Кулика и Маслюкова. Кулика, как мне казалось, – за дело. Он недалеко ушел от кремлевской верхушки. Создалось впечатление, что Евгений Максимович пытался этими словами сгладить ситуацию, оправдаться, и я понимал, насколько ему неприятно – ведь он попал между двух огней, – но должность его не позволяла сказать то, что он должен был сказать.

Выходит, Примаков тоже чувствует, что тучи над его головой сгущаются, что «семья» плетет вокруг него паутину, которая, того гляди, задушит премьера…

Я уехал на работу, а заявление, написанное на имя председателя Совета Федерации Строева, осталось лежать на столе у президента, как некий горячий лоскуток бумаги, вызывающий ощущение горечи, одиночества, боли – словно бы некий знак беды, которая накатилась на меня, будто лавина с крутого склона…

Со стола президента заявление перекочевало в сейф.

Президент сказал:

– Пусть оно полежит у меня в сейфе. Здесь не пропадет.

Через две недели заявление вынырнет оттуда.

…У себя на Большой Дмитровке я постарался как ни в чем не бывало начать обычный трудовой день. Я старался держаться, старался не подавать виду, что мне тяжело. Но чего мне это стоило!

Единственные, кто меня поддерживал в те дни, были моя семья – жена, сын с дочкой, теща – и еще несколько близких друзей.

Кое-кто из высокопоставленных особ, которые раньше первыми стремились поздороваться, подобострастно улыбнуться (знают жирные коты, чье мясо съели), сейчас стали проходить в пятидесяти сантиметрах от меня, совершенно не замечая, – похоже, действовали по примеру Якушкина. Видимо, считали – со мною покончено.

Ну что ж, вполне возможно, в этом есть доля истины, но до того, как это произойдет, я еще скажу несколько громких слов, и ворам обязательно скажу, что они воры. И уж потом громко хлопну дверью. Трудно мне было тогда, гораздо труднее, чем сейчас.

В прокуратуре меня поддерживали в основном рядовые сотрудники, с которыми я и знаком-то толком не был, подбадривали, угощали, когда я заходил в кабинеты, – кто чаем, кто тортом, кто бутербродом, – кто чем, словом, и это было очень трогательно. А вот замы мои – те самые, которых я собственными руками сделал замами, повесил на погоны большие генеральские звезды, – все усилия направили на спасение собственных должностей, забыв, как выяснилось позднее, и о чести, и о совести.

Но живем-то мы в одном мире, находимся на одной профессиональной площадке, как же они завтра будут смотреть в глаза своим коллегам?

Исключение составлял только Михаил Борисович Катышев, один из лучших следователей России, принципиальнейший, хотя и жесткий человек, но его вскоре постарались отстранить от командования важнейшим прокурорским хозяйством.

Но пока не отстранили, работа в прокуратуре кипела…

Коррупция и заказные убийства

Когда я еще только пришел в Генпрокуратуру, то понял – если буду разбрасываться, хвататься за одно, другое, третье, как это довольно часто делает начальство, работа просто-напросто съест меня, надо выбрать что-то главное, все остальное этому главному подчинить, распределить: это второй ряд, это – третий, это – четвертый и так далее…

Главными направлениями в борьбе с преступностью я выбрал два: коррупцию и заказные убийства.

«Коррупцио» в переводе с латинского – подкуп, разложение государственного аппарата, продажа чиновниками своих полномочий преступному миру.

Коррупция необходима нелегальному и полулегальному бизнесу, распространению наркотиков, контрабанде, торговле оружием, игорному бизнесу, – необходима как воздух, как вода. Без коррупции эти виды «деятельности», – за редким исключением, – не могут существовать.

Россия оказалась в этом смысле страной чрезвычайно уязвимой – как, собственно, и любая другая страна с экономической системой переходного типа. Если возможна сверхприбыль в сто – сто пятьдесят – двести процентов, то эту сверхприбыль надо получать. Для получения ее все средства хороши: и подкуп, и шантаж, и убийства. Прибылью нормальной, общепринятой в развитых капиталистических странах в три – пять – семь процентов уже не довольствуются. Вот такие в России «капиталисты».

Чиновников в России примерно один миллион. Один миллион человек, которые могут что-то разрушить, а могут и не разрушить – этакое социальное зло, которое криминальные элементы обязательно стараются использовать в своих интересах…

Я знал, что для борьбы с коррупцией нужна серьезная подготовка. И не только нравственная или техническая – нужны специальные подразделения в правоохранительных органах. Да и сотрудники не должны сидеть впроголодь на нищенской зарплате и при этом допрашивать сытого вальяжного чиновника, вызванного в прокуратуру по факту взятки в несколько тысяч долларов. Более того, надо, чтобы следователь был обеспечен не только нормальной зарплатой, но и квартирой, иначе получается нонсенс: молодой человек с женой и ребенком или даже двумя детьми расследует дело о миллионах долларов и не имеет квартиры… Ведь однажды он может не устоять.

Но особенно «ценными» для преступников являются чиновники высокого ранга, это именно их «деятельность» выдвинула Россию в десятку самых коррумпированных стран мира. Криминологические исследования выявили страшную цифру – семьдесят процентов российских чиновников коррумпированы, именно на их подкуп коммерческие структуры выделяют до пятидесяти процентов своей прибыли.

Самые «дорогие» чиновники – те, которые работают в банковско-финансовой сфере и распоряжаются предоставлением кредитов на льготных условиях. Иногда до сорока процентов этого кредита возвращается в карман «благодетелей» в виде «хрустиков», «шуршиков» и т. д. – «живыми» деньгами, наличностью.

Ну а те, которые «высокого полета», те не стесняются – за продажу лицензий на нефть, газ, цветные металлы и другое ценное сырье берут, уже не стесняясь, – счетами в зарубежных банках на сотни тысяч долларов, подарками в виде особняков либо в виде теплого местечка на будущее в прибыльной структуре.

Иногда этих чиновников, что называется, «делают», проталкивая наверх, причем подчас это обычные уголовники, имеющие судимость.

Массовая приватизация «по-чубайсовски», обернувшаяся глобальным воровством государственных ценностей, сплела такой густой клубок, в котором слились воры, взяточники, хозяева «грязных» капиталов, спекулянты, что разбирать его прокуратура будет еще долго-долго.

Коррупция и организованная преступность уже образовали уродливую, опасную для государства структуру. Некоторые идеологи воровского капитализма говорят, что насытившиеся бандиты, устав от грабежей, воровства и убийств, превратятся в добропорядочных буржуа. Как бы не так! Эдит Пиаф однажды сказала, что у поэта никогда не может быть лица подонка и подлеца, так и у убийцы никогда не может быть лица поэта: бандиту не дано стать порядочным человеком.

В прокуратуре мы подготовили специальную антикоррупционную программу, о которой я доложил Борису Николаевичу Ельцину. В программе был намечен целый комплекс мер борьбы с этим злом. Ельцин одобрил программу. Чубайс же в бытность руководства администрацией президента ее благополучно похоронил.

Тогда мы подготовили проект указа по борьбе с коррупцией. До закона, похоже, еще далеко, пусть будет хоть указ. В проекте мы предлагали создать комиссию, в которую вошли бы все правоохранительные и силовые органы, – от службы охраны президента до налоговой полиции, – и передавали бы ей материалы, имеющие признаки преступления, именно по части коррупции.

Ведь руководители министерств часто поступают так: пожурят отечески взяточника у себя и все, этим и ограничатся, тогда как людей этих надо судить, взыскивать с них ущерб, принесенный в результате их коррупционных действий. Нужно было также создавать межведомственную следственно-оперативную группу, которая проверяла бы все факты коррупционных нарушений…

Проект указа, к сожалению, также был похоронен. Думаю – той же командой.

Мы подготовили и серию поправок в законы – например, в законы о выборах и государственной службе, препятствующие проникновению криминала во власть. Они были поддержаны Думой и Советом Федерации. В этом же пакете был и закон о доверительном управлении долями (акциями), принадлежащими государственным служащим. Как известно, закон в России запрещает совмещать госслужбу с коммерческой деятельностью. У нас же к этому относятся непоследовательно, одни выполняют этот закон, другие нет. Причем большинство, конечно же, не выполняют и, находясь на службе в каком-нибудь близком по профилю министерстве, работают на свои личные структуры, обогащаются, как могут. Таких примеров – воз и маленькая тележка.

Прокуратура, к сожалению, не обладала правом законодательной инициативы, а президент, его администрация и правительство не вынесли законопроект в Думу.

Предложили ряд поправок в Уголовный кодекс, предусматривающих ответственность за нецелевое использование кредитов. Много было жалоб на безденежье, много денег уходило в никуда, иногда они просто разворовывались. От этого страдало дело, но виновных никто не наказывал…

Особое вниманиеуделили усилению прокурорского надзора за расследованием преступлений, связанных со взяточничеством. А то ведь что получалось: в Дагестане, например, за год было выявлено всего семь взяточников. В Ингушетии и того меньше. В жизни же ситуация была совсем иной.

Пришлось взяться за это дело серьезно. В результате мы довели количество уголовных дел по взяточничеству до шести с половиной тысяч.

Начали наводить порядок и в прокуратуре. Если видели, что человек ненадежен, может «позолотить себе ручку» – убирали такого «золоторукого». В это время появился указ об обязательном декларировании государственными служащими своих доходов, на судей и прокуроров этот указ не распространялся, но мы у себя приняли решение о добровольном декларировании.

Стало ясно, что все принимаемые Госдумой законы должны проходить криминологическую экспертизу именно на предмет коррупции, чтобы не случилось того, что произошло, например, с блоком законов и указов о приватизации: там было такое раздолье для взяточников и коррупционеров, которое может, наверное, только присниться в нехорошем сне либо привидеться в странной колдовской одури…

По взяткам, например, существует довольно неутешительная статистика: реально только полпроцента мздоимцев попадается – слишком сложное это дело, но чиновника, хапнувшего деньги, довольно легко схватить за руку, когда он начинает «отмывать» их. Вот тут-то и кроется ключевое направление деятельности правоохранительных органов.

Большинство чиновников предпочитает, конечно, «отмывать» свои деньги за рубежом. С учетом этого я выстроил «географию» своих поездок. Я побывал в Швейцарии, Греции, США, во Франции, на Кипре, то есть в тех странах, которые больше всего приглянулись «новым русским». Для решения главной нашей задачи – вернуть российские деньги домой – были подписаны договоры с прокуратурой Швеции, Кипра, Швейцарии, был готов к подписанию договор с прокуратурой Греции, но подписать его я не успел.

Первого февраля 1999 года – перед самым вызовом в Кремль к Бордюже, я направил письмо в правительство, Примакову, где подчеркнул, что в случае возврата в Россию ее валютных средств можно было бы не только решить проблему выплаты внешней задолженности, но и отказаться от финансовой помощи других государств.

В письме, по сути, была изложена целая программа действий по возврату денег из-за рубежа. Я предложил создать специальную правительственную комиссию по репатриации российских капиталов, во главе которой встал бы сам премьер-министр, следом такие комиссии надо образовывать на местах, в субъектах Федерации.

Комиссия могла бы, во-первых, создать сводный банк данных о фактах вывоза денег за рубеж, их размерах, о физических и юридических лицах, имеющих за рубежом возможные счета, виллы, коттеджи, квартиры, культурные ценности; во-вторых, провести проверки фактов вывоза капиталов за границу, ревизовать экспортно-импортные контракты за последние семь лет по таким позициям, как нефть и сопутствующие материалы, газ, металлы, оружие, пищевые продукты, агропромышленное оборудование. Перед этим правительство должно обратиться к тем, кто «грешен», с предложением в течение трех месяцев возвратить незаконно вывезенные капиталы в страну и гарантировать «грешникам» освобождение от уголовной ответственности. Если же «грешники» не вернут капиталы добровольно, то преимущественным методом возврата денег станет репрессивный.

Кроме того, назрела необходимость в Федеральном агентстве по экспортному контролю, которое замкнуло бы на себя вопросы реализации единой государственной политики в области экспортного контроля, формирования списка контролируемых товаров и технологий, порядка передачи их в зарубежные страны.

Не лишним было бы взять под более плотный контроль внешнеторговую деятельность хозяйственных организаций, которые не являются так называемыми спецэкспортерами, а также объявить 90-дневный мораторий на выдачу квот для продажи нефти. Эти меры, как подсчитали специалисты, отсекут криминал и поставят финансовые потоки под контроль государства.

Серьезным пополнением доходной части казны могло бы стать введение государственной монополии на экспорт и импорт высокодоходных товаров (алкоголь, табачные изделия, медикаменты), ограничения на вывоз валюты из России – сегодня ее

можно вывозить сколько угодно, контроль за крупными расходами физических лиц.

И последнее, что я предложил, – ратифицировать подписанные Россией европейские конвенции «О выдаче преступников» и «О взаимной правовой помощи по уголовным делам», а также присоединиться к международной конвенции «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» и вступить в международную координационную группу ФАТФ, чтобы можно было возвращать капиталы, полученные незаконным путем и конфискованные за границей.

В России комиссия по координации борьбы с коррупцией имелась при Совете безопасности, возглавлял ее министр юстиции Ковалев, но работа в ней шла ни шатко ни валко, от случая к случаю. В конце концов руководство ею передали Генпрокурору.

Много внимания мы уделили и связям коррупции с оргпреступностью, эти явления переплетены в жизни очень тесно, ведь чиновники обеспечивают отечественным мафиози так называемую крышу, – все это надо было тщательно изучить, создать методику: как с этой напастью бороться?

В это время в Штатах группа американских исследователей опубликовала доклад, посвященный российской коррупции. Доклад, конечно же, интересный, но чрезмерно идеологизированный. Нас нарекли «империей преступности» (в советские времена мы были «империей зла»), и авторы сделали для себя несколько «открытий». В частности, они почему-то утверждали, что во время распада СССР из тюрем КГБ были выпущены все заключенные (у КГБ тюрем не было ни одной, имелся только следственный изолятор в Лефортове), что для возбуждения уголовного дела раньше было достаточно лишь одного телефонного звонка. Нелепость! Никогда такого не было.

В 1998 году я поехал в Вашингтон на встречу руководителей правоохранительных органов стран «Большой восьмерки»; в делегацию, кроме меня, входило еще три человека: Крашенинников Павел Владимирович из Министерства юстиции, Кожевников Игорь Николаевич из МВД и Особенков Олег Михайлович из ФСБ. В один из дней мне предложили выступить с лекцией.

Я выступил. Одобрив в целом идею, я начал разбирать американский доклад детально и в конце концов не оставил от него камня на камне. Разбил по мелочам. После лекции у меня состоялась беседа с одним крайне обиженным господином… Оказалось, это был один из авторов доклада. Обиды, конечно, обидами, это дело «преходящее», но нам важно было, как на нас смотрят. Национальные интересы страны – прежде всего…

Что же касается уголовных дел по коррупции, то при моем предшественнике Ильюшенко их возбуждали крайне мало – пугались должностей коррупционеров. При мне были возбуждены уголовные дела по вице-премьерам Коху, Давыдову, Чубайсу, по губернаторам Севрюгину и Подгорнову (Тула и Вологда), пришлось отвечать и министрам, и заместителям министров, и генералам. Всем памятны дела Кобеца – всесильного заместителя министра обороны (к слову, за свои деяния пришлось отвечать тридцати генералам), председателей Госкомстата и Госдрагмета, дело первого заместителя министра финансов Петрова, тверское дело, в результате которого посадили двух вице-губернаторов и начальника РУОПа, дела Собчака и Станкевича…

Непросто далось возбуждение уголовного дела в отношении Ильюшенко. Я и тогда, честно говоря, не спал ночами – никак не мог решиться на это… Но, надо сказать, я и сейчас бы принял такое решение. Тем более факты по бывшему генпрокурору сотрудники ФСБ собрали убедительные.

Сам Ильюшенко оказывал сильное противодействие следствию. Если бы не это, его можно было и не арестовывать… Но – пришлось.

К сожалению, часто оперативники добывают добротный материал по части «сильных мира сего» и их грехов, но эти материалы запрещают использовать, они стареют, что называется, уходят в песок. Очень трудно возбуждать дела против высокопоставленных чиновников. Давят все, кто только может давить. Например, когда мы прижали такого матерого преступника, как банкир Смоленский, то нас немедленно стала прессовать президентская администрация и прежде всего – Юмашев, тогдашний глава администрации. Пригласив меня в Кремль, он долго объяснял, что этот ранее судимый банкир был одним из финансистов выборной кампании Ельцина, а значит – хорошо информированным о кремлевской «кухне» человеком.

Юмашев быстро уговорил министра внутренних дел Степашина, тот начал давить на своего зама Кожевникова, руководившего следственным комитетом МВД.

В конце концов Кожевников не выдержал, приехал за поддержкой ко мне.

– Я вас всегда готов поддержать, Игорь Николаевич, – сказал я ему. – Закон есть закон, он для всех одинаков. Надо было думать раньше, когда Смоленского привлекали к избирательной кампании.

Но чем все это кончилось, вы знаете: уголовное дело против банкира было прекращено следственным комитетом МВД РФ, а Кожевникова в МВД не стало.

На периферии, в краях и областях российских тоже хватало дел. Курский губернатор Руцкой, например, всей своей мощью пробовал давить на областного прокурора Николая Александровича Ткачева. Ткачев арестовал двух замов Руцкого – Копончука и Бунчука, которых на курской земле прозвали Чуком и Геком, а также завел уголовное дело на брата Руцкого – заместителя начальника областной милиции… Руцкой несколько раз приезжал ко мне, требовал освободить арестованных, требовал снять прокурора, но я не уступал.

Но вот меня в прокуратуре не стало, и Чук с Геком незамедлительно очутились на свободе.

Чувашский президент Федоров также пробовал «размять» прокурора республики Виктора Александровича Русакова – тот опротестовал несколько указов, возбудил уголовное дело против охранника президента и разом сделался неугодным.

Из-за владивостокского прокурора Валерия Владимировича Василенко возник конфликт даже с администрацией президента, а магаданский прокурор Александр Альфредович Неерди – единственный, кстати, эстонец среди прокуроров, – возбудил уголовное дело, затрагивающее интересы самого губернатора…

Я не «сдал» ни одного прокурора субъекта Федерации. Все увольнения произошли уже после меня.

Второе главнейшее направление в деятельности Генеральной прокуратуры по борьбе с преступностью – заказные убийства, или, как их еще иначе называют, убийства по найму. За годы реформ мы с этим столкнулись очень плотно. Кого только не было среди жертв! Но в основном – банкиры, крупные предприниматели, коммерсанты, потом в этот ряд начали попадать депутаты, журналисты, неуступчивые чиновники.

Как правило, за всяким заказным убийством стоят экономические интересы. Общество же видит в основном внешнюю канву, рисунок убийства, но не видит того, что остается за кадром.

Ельцин, например, после одного громкого убийства – Влада Листьева – снял с должности двух первоклассных специалистов: начальника московской милиции Панкратова и прокурора города Пономарева. Снял практически ни за что. С таким же успехом он мог освободить от должности самого себя: в накате преступности и, в частности, появлении новых видов преступлений, таких, как заказные убийства, виноваты не столько Панкратов с Пономаревым, сколько инициаторы и «технологи» бездумных реформ, и в первую очередь президент…

Громких убийств мы насчитаем немало. Это и убийство Меня, и убийства Кивелиди, Холодова, Сыча, взрыв на Котляковском кладбище, позднее убийства Старовойтовой и Маневича.

Тема заказных убийств очень часто использовалась против меня, постоянно назывались одни и те же фамилии жертв. Но при этом умалчивалось другое. Многие дела были успешно расследованы: убийства депутатов Скорочкина и Айзердниса, убийства председателя Федерации хоккея Сыча и крупнейшего нашего конструктора, отца ракет «С-300» Смирнова, взрыв на Котляковском кладбище, убийство Холодова и многие другие.

Раскрывать заказные убийства сложно – во-первых, часто исполнителями являются профессионалы высокого класса, во-вторых, заказ проходит через несколько посредников.

Например, убийство Смирнова, который являлся генеральным директором крупнейшего оборонного завода, заказал его собственный главный инженер, захотевший обогатиться. Страшный заказ этот прошел через четырех посредников. Иногда посредников бывает пять, иногда – шесть, часто киллера, а также первых одного-двух посредников убирают, часто исполнитель заказа беспрепятственно покидает пределы России. Например, убийца Листьева благополучно отбыл из Москвы на юг, оттуда – за границу, где и отсиживался некоторое время…

Должен заметить, что не только у нас невелик процент раскрываемости заказных убийств. В США он всего 8 процентов. У нас же, особенно в первые годы реформ, оказались слабо подготовленными оперативные работники, не было следователей и прокуроров-криминалистов, ознакомленных с методикой расследования преступлений этой категории, имело место сильнейшее противодействие организованных преступных группировок, располагавших огромными финансовыми и техническими возможностями.

Зачастую неправильно применялись и новые нормы, демократизирующие уголовный процесс. В частности, право обжаловать в суд изменение меры пресечения. Например, один из бандитов – фамилия его Курдюмов, из банды Архипова, – организовал такое мощнейшее давление на суд (даже предъявил фиктивную справку, что он болен раком), что судья не выдержал, изменил меру пресечения, отпустил его домой. В результате «раковый больной» скрылся.

Были и факты предательства. Военная контрразведка, например, по делу Холодова сознательно не передавала нам информацию, которая у нее имелась, а один из оперативников этой службы, сидя у меня на совещаниях, «сливал» потом всю информацию основным фигурантам дела, служащим воздушно-десантных войск.

Часто следователи работали в условиях, мало подходящих для этого. Старший следователь по особо важным делам Леонид Константинович Коновалов, к сожалению, потерял семью – пропадал на работе, ночевал в кабинете, в результате семья распалась… Но дело довел до конца.

Впоследствии он получил генеральское звание, стал государственным советником юстиции третьего класса.

По делу Листьева мы столкнулись с сильнейшим сопротивлением, нечистоплотностью ряда сотрудников МВД, а у одного из «действующих лиц» дела вообще оказались ксерокопии документов, находящихся у следователя. Как он их получил?

Пришлось срочно разрабатывать программу мер по борьбе с заказными убийствами. Для начала укрепили техническую базу следственных управлений, подняли зарплаты следователям, добились выделения жилья. Я занимался даже таким делом, как

освобождение следователей от воинской службы, укрепил службу прокуроров-криминалистов. В Генеральной прокуратуре был создан специальный отдел прокуроров-криминалистов, приравненный к управлению. Возглавил его Вячеслав Николаевич Исаенко…

Работа пошла. Были созданы постоянно действующие группы, специализирующиеся на раскрытии заказных убийств. Вначале их работу мы проверили в ряде регионов, получилось очень даже неплохо. В эти группы входили следователи милиции и прокуратуры, оперативники, прокуроры-криминалисты, эксперты, судебные медики, технический состав. Группам постарались дать постоянные помещения, ведь они же были постоянно действующими, – автомашины, свои компьютеры, надо было создавать собственную базу данных. Свою работу группы начинали с осмотра места происшествия и вели ее до раскрытия преступления.

Так начал накапливаться опыт. Ситуация стала исправляться. В 1995 году уже было раскрыто 55 заказных убийств, в 1997-м – 110, в 1998 году цифра превысила двести.

За каждым громким заказным убийством – своя история, свои нападки, если хотите, на прокуратуру. И, поверьте мне, я много знаю, но не могу назвать фамилии, поскольку это повредит следствию, даже по тем делам, которые расследованы и переданы в суд, также не могу назвать фамилий, поскольку существует презумпция невиновности и пока суд не назовет преступника преступником, никто не имеет права называть его так.

А мастера заказных убийств действуют изощренно. Среди них есть такие специалисты, что нам только удивляться приходится.

Взять, например, дело об убийстве банкира Кивелиди. Можно написать целую книгу. Ядом была обработана телефонная трубка, которая убила не только Кивелиди, но и его секретаршу. Была проделана гигантская работа, чтобы синтезировать яд. Нам здорово помогла экспертиза – она точно расписала по часам и минутам симптомы, которые появляются у людей при отравлении этим ядом. Этот «график времени» мы наложили на рабочее расписание банкира, выяснили, кто у него был в «час икс»…

Дело об убийстве Димы Холодова и Влада Листьева, о которых я уже говорил. Оба дела находились у меня на личном контроле. Раз в два месяца я собирал у себя следственные группы. И по одному убийству и по другому. На этих совещаниях часто присутствовали и министры, и заместители министров.

Входе расследования дела об убийстве Листьева мы раскрыли сорок с лишним преступлений, арестовали банду Барыбина-Шкабары, на счету которой было тридцать убийств. В общей сложности члены этой банды получили более двухсот лет лишения свободы.

Как-то мне позвонил Ястржембский:

– Сегодня Борис Николаевич выступал в МИДе. К нему пыталась пробиться одна женщина, которая говорила, что знает людей, убивших Листьева. Я записал ее координаты. Это интересно?

– Да!

Я передал координаты руководителю следственной группы Петру Грибою. Тот нашел эту женщину. Она рассказала, что в электричке с ней случился приступ. На соседней скамейке ехали несколько молодых людей, которые думали, что она спит, и довольно откровенно рассказывали друг другу, что испытывал каждый ихних, убивая Влада. Женщину эту допрашивали три или четыре дня. Говорила она блестяще – причем говорила то, что нужно следователю, приводила мелочи, детали, которые придавали достоверность сказанному. Одного из убийц она, оказывается, видела на похоронах Влада.

Бригада следователей из четырех человек потратила месяц на изучение этой версии и лишь потом выяснили, что женщина страдает психическим заболеванием.

Иногда оперативники приволакивали какого-нибудь небритого бандюгу, который делал «добровольное» признание:

– Это я убил Листьева!

Но при первом же допросе, когда начинали сопоставлять детали, выяснялось, что Влада Листьева он видел только по телевизору.

В работе над делами об убийстве Холодова и Листьева следователи опережали оперативников, хотя обычно бывает наоборот…

Конечно же, в расследовании фактов коррупции, в расследовании заказных убийств – непочатый край работы, удалось сделать только первые, начальные шаги и надо было идти дальше, чтобы переломить ситуацию. Не позволили, не дали…

Несколько встреч с президентом

Думаю, что о Ельцине еще много будет написано. Всякого, и хорошего, и плохого, как о первом правителе в постсоветском пространстве. Мое видение президента – это мое видение.

Хотя я и много общался с Борисом Николаевичем Ельциным, много читал о нем, я не уверен, что понял до конца этого человека.

Фигура эта – очень противоречивая.

Для меня есть два Ельцина, и я хорошо, без бинокля, с близкого расстояния, наблюдал и того, и другого. Первый Ельцин – это доброжелательный, приветливый, с теплым пожатием руки, с поддерживающими словами, которые, наверное, мог находить только он, и больше никто; и второй Ельцин – это человек, который все делает для того, чтобы удержаться у власти, – властолюбивый едва ли не до патологии, болезненно реагирующий на любую попытку критиковать его, раздражительный. Всякие хвори, о которых очень много писали, конечно же, наложили на него отпечаток.

Всегда, сколько бы мы с ним ни встречались, по голосу – теплому, участливому или, наоборот, холодному, отчужденному – я понимал, в каком состоянии он находится и как его настроили ко встрече со мной, как подготовили. Раньше его готовили Краснов – помощник по правовым вопросам и Орехов – начальник соответствующего управления, позже – это было в большинстве случаев – дочь Татьяна и Чубайс. Последние готовили, конечно, тенденциозно, субъективно, по-своему, как им было выгодно, трактовали некоторые события, связанные с деятельностью прокуратуры. Будучи настроенным против меня, Ельцин всегда вел себя агрессивно, подозрительно. Либо, наоборот, если никто с ним специально не поработал, был дружелюбен, участлив. Очень разным бывал этот человек, любой вызов к нему – это ребус, который до встречи с ним разгадать невозможно.

Последняя деловая встреча в Кремле с ним произошла в октябре 1998 года. Мы планировали – на этот раз с Ореховым – провести разговор по Центральному банку, было еще несколько серьезных вопросов, к которым я тщательно готовился – их надо было обязательно обсудить с президентом, – в общем, предстояла напряженная работа.

Я зашел в кабинет, известный по многим телерепортажам, поздоровался, сел, как обычно, на стул справа от президента, почувствовав некий жар от телевизионных камер – в кабинете было полным-полно телекорреспондентов.

Борис Николаевич, явно обращаясь к телекамерам и почти не видя меня, работая на публику, произнес:

– Давайте мы с вами спросим у Генерального прокурора: какие дела по коррупции, по убийствам он довел до суда? Какие громкие дела вообще расследовал?

И так далее. Поскольку у меня все это довольно плотно сидело в голове, – ведь этим приходилось заниматься каждый день, – я начал перечислять дела, которые мы направили в суд, и те, что еще расследуем не без успеха, в какой стадии они находятся, какие есть трудности… В общем, перечень у меня оказался большой. Борис Николаевич несколько удивился, как мне показалось, тому, что я «сижу в материале», а главное, что сделано немало и речь идет о довольно громких фамилиях и должностях, дал высокую оценку: видите, прокуратура у нас работает, понимаешь, неплохо, особых претензий у меня к ней нет…

И – ни слова о Центральном банке, о вопросах, с которыми я к нему пришел. Такие «проколы» стали случаться все чаще и чаще после дела, связанного с «коробкой из-под ксерокса», с гигантской суммой долларов. Похоже, президент перестал доверять мне. Либо его все время настраивали против меня.

После той октябрьской встречи с президентом я пошел к Орехову:

– Почему не удалось обсудить с президентом вопрос о Центробанке? Вы что, не подготовили его?

В ответ Орехов довольно мрачно сообщил, что президент был полностью подготовлен по ЦБ. Другой же мой знакомый сказал, что перед самой встречей со мной у него побывала дочь Татьяна. Скорее всего, именно она отвела беду от Центробанка, а также сформулировала этот, как она считала, «коварный» для меня вопрос.

Со сложным ощущением уехал я тогда из Кремля. С одной стороны, мне казалось, что меня хотят подловить, поставить подножку, свалить на землю, с другой – это сделать не удавалось. Но, как бы там ни было, становилось все труднее и труднее работать – я перестал находить понимание у Бориса Николаевича.

Конечно, толчковым моментом в изменении наших отношений стала та самая пресловутая коробка с деньгами. Если бы я – в нарушение закона, – сделал вид, что ничего не заметил, – у меня до сих пор с президентом были бы наишоколаднейшие отношения. Но все-таки, коли я служу закону, защищаю закон, я обязан это делать, обязан обговорить и неприятные вещи, дать правовую оценку любому нарушению закона.

Именно из-за этой коробки президент перед телекамерами устроил публичную разборку, спрашивая за дела, которые стали «висячими» давным-давно, за четыре года до моего прихода в Генпрокуратуру, и обвиняя в том, что она управляется не мною, а как-то со стороны.

Честно говоря, мне тогда хотелось встать и уйти. Но это было бы демаршем, а такой демарш – совершенно ник чему прокуратуре.

А телевизионщики, они точно бы показали все однобоко – не в мою пользу. Вот так мы и общались с президентом, он то хвалил, то ругал меня.

Кстати, все каналы все время давали только возмущенную речь Бориса Николаевича, и – ни одного моего возражения ему, ни одного аргумента, хотя у меня и тогда нашлось что ответить президенту.

В тот же раз, в хмурый октябрьский день, когда телевизионщики ушли из кабинета, я сказал президенту:

– Борис Николаевич, у вас возникло недоверие ко мне после коробки из-под ксерокса – будто бы я возбудил уголовное дело на ровном месте… Так вот, я действовал по закону. И вы в этой ситуации не правы. Вы должны доверять и прокуратуре, и мне лично. Нас, конечно, есть за что критиковать, но только не за это…

В общем, слова мои были примерно такими. Воспроизвел бы какой-нибудь телеканал такую мою речь на экране? Да никогда. Никогда и ни за что, а я такие вещи говорил президенту часто. Говорил в лицо.

Должен заметить, что следственным путем раскрываются только десять процентов преступлений, девяносто процентов раскрываются оперативно-розыскными действиями. Так что вопросы об убийстве Александра Меня, Дмитрия Холодова, Владислава Листьева должны адресоваться не столько мне, сколько совершенно другим людям, другим силовым структурам, но президент этого словно бы не ведал и спрашивал с меня.

А вот то, что он должен был спросить с меня – дела о Центробанке, о Чубайсе, Козленке, Березовском, Кохе и других, – не спрашивал. Потому что, я так полагаю, – не велела дочь Татьяна.

Татьяне же он доверяет стопроцентно, полностью, и все свои информационные источники сузил всего до нескольких человек, из которых Татьяна Дьяченко стала главным. Виной всему была, конечно же, болезнь: Борис Николаевич не мог уже работать так, как работал раньше. Возникла некая изоляция, пояс отчуждения, который разорвать очень трудно.

Я не был ни разу ни в семье президента, не был с ним ни на охоте, ни на рыбалке, ни в бане. Но вместе, за одним столом, бывал неоднократно и видел его, что называется, с расстояния вытянутой руки, когда человека и рассмотреть основательно можно, и понять, что он собой являет, можно.

Так, я был вместе с президентом на серебряной свадьбе Коржаковых, вместе мы встречали Новый, 1998 год.

На новогоднюю встречу Ельцин пригласил десять супружеских пар. Были Черномырдин с женой, Куликов, Юмашев, Немцов с женами, а также дочери президента Татьяна и Елена с мужьями. Ничто не предвещало тогда, что Куликов вскоре будет освобожден от занимаемой должности вице-премьера и министра внутренних дел, что Черномырдин через три с небольшим месяца будет отправлен в отставку вместе со своими замами и членами кабинета. Разговоры были совсем иными, и настрой тоже был иным.

– Давайте договоримся – в наступающем году работать дружно, работать вместе, душа в душу, не разлучаться, поддерживать друг друга, – предложил Ельцин, – не то, понимаете ли, надоела кадровая чехарда. Предлагаю за это выпить…

Выпили. Что произошло дальше – вы уже знаете.

По иронии судьбы, на том празднике я произнес тост за президентскую семью, за то, что она является надежным прикрытием человека номер один в нашей стране, в России, оберегает его, создает условия для работы… Словом, обычный доброжелательный тост. Не думал я тогда, что скоро милое, теплое, святое слово «семья» станет нарицательным и будет олицетворять уже совсем иную истину и рождать совсем иные чувства…

Уже предвыборная кампания 1996 года досталась Ельцину очень тяжело. Он, хворый, с надсеченным сердцем, с больным дыханием, вынужден был ездить по городам и весям и веселить разных тинэйджеров, отплясывая перед ними что-то неуклюжее, медвежье. Из последней своей поездки он вернулся, едва дыша; сполз с самолетного трапа на землю и объявил членам выборного штаба, встречавшим его:

– Я сделал все, что мог, теперь дело за вами.

Губила президента и тяга к спиртному. Для России выпивать стопку-другую перед ужином – вещь нормальная, но когда стопку-другую, и не больше. А эта норма не устраивала президента. Мне доводилось быть свидетелем того, когда Коржаков запрещал наливать ему спиртное – вообще ни грамма, ни капли, – и официанты не наливали. Однажды Борис Николаевич очень зло выговорил официанту:

– Ты чего мне не наливаешь? Не уважаешь всенародно избранного президента?

Иногда требовал спиртного в еще более грубой форме.

По характеру Ельцин – лидер. И безусловно, очень интересный человек. Душа любого застолья. Может быть очень обаятельным, способен понравиться кому угодно, даже капризной заморской королеве.

И, конечно же, если бы его не подвело здоровье, он никогда бы не допустил семью к рулю, в рубку управления государством. Я

знаю, что в Свердловске он никогда никого из своих родственников не подпускал к служебному столу, все вопросы решал только сам – домашние всегда старались держаться от него на расстоянии, вернее, он держал их на расстоянии. Но здесь произошло то, что не должно было произойти, – вначале запустили Татьяну Дьяченко в выборный штаб, а потом она просто-напросто окончательно обосновалась в Кремле.

Иногда мне удавалось выкроить минуту-другую в очень плотном рабочем графике и сделать небольшие записи в дневнике, сейчас они помогают мне в работе над этой книгой.

Ну вот, например, запись, сделанная 5 августа 1996 года, уже после выборов, после победы Ельцина в тяжелой выборной борьбе.

«Первоначально наша встреча должна была состояться в 12.00 в Кремле. Однако утром мне позвонили из секретариата Ельцина и сказали, что встреча переносится в Барвиху. Час встречи – тот же самый, 12.00».

В Барвиху я приехал минут за пятнадцать до аудиенции, рассчитывал собраться с мыслями, отряхнуться, но, к моему удивлению, меня сразу же повели к Борису Николаевичу. У дверей я увидел Татьяну и Наину Иосифовну. Лица – встревоженные.

– Борис Николаевич чувствует себя не самым лучшим образом, – сказала Наина Иосифовна. – Он сегодня очень плохо спал. Постарайтесь его не перегружать. Ладно?

Через несколько дней должна была состояться инаугурация, и я понимал, в каком состоянии сейчас находится президент.

Я постарался успокоить супругу президента.

– Не тревожьтесь, Наина Иосифовна, упадок сил после такой гонки бывает у всякого бегуна, некоторые после финиша даже двигаться не могут.

– Эльдар Рязанов тоже рассказывал, что после съемок всякого фильма он делается похожим на выжатый лимон, совершенно без сил. Так, наверное, и здесь, – сказала Наина Иосифовна.

– Да, Юрий Ильич… Закройте же наконец вопрос о коробке из-под ксерокса, – тем временем попросила Татьяна Борисовна, – и… насчет Чубайса. Это очень здорово беспокоит и меня, и…

Она хотела сказать «и – папу», но смолчала, и я прошел к президенту.

Ельцин стоял у стола. Медленно, как-то старчески, боком, развернулся, подал мне руку.

– Поздравляю вас, Борис Николаевич, с победой на выборах, – сказал я.

Он улыбнулся, медленным, заторможенным, будто бы чужим движением показал мне на стул.

Я стал произносить какие-то совершенно необязательные слова, потом добавил, что постараюсь не загружать его делами… В ответ Ельцин посмотрел на меня и одновременно сквозь меня, и сказал, что в принципе его сейчас волнует один вопрос… Он взял папку, лежавшую перед ним на столе, и спотыкаясь, по слогам, безжизненным голосом прочитал, что было написано на обложке: «О неудовлетворительной реализации Указа президента Российской Федерации о мерах по борьбе с фашизмом и другими проявлениями политического экстремизма». Он еле-еле справился с текстом, спотыкался, останавливался, глотал буквы… Половину слов он просто не выговорил.

В ответ на мои возражения президент картинно, будто русский богатырь, подбоченился:

– Я неудовлетворен вашим докладом.

Ну что ж, он – президент, он имеет право так говорить. А с другой стороны, кто-то постоянно подсовывал ему эти бумаги, кто-то специально подкладывал топлива в костер, на моей памяти это уже второй разговор с Ельциным на эту тему. На одной из прежних встреч он прямо, без всяких лишних слов, предложил «бартер»: он подписывает указ по освобождению Паничева, главного военного прокурора, а я в ответ возбуждаю уголовное дело против партии коммунистов. В «Независимой газете» в то время как раз прошла большая публикация о вооруженных формированиях коммунистов – якобы появились такие…

Но это были всего лишь слухи. От «бартера» я отказался.

Могло быть и другое объяснение недовольства президента. В частности, я, например, не согласовывал с ним возбуждение уголовного дела о «коробке», возбудил уголовное дело по своей инициативе, и это могло заесть президента, вот он и решил одернуть меня, поставить, так сказать, на место.

– А теперь давайте ваши вопросы, – сказал мне президент.

У меня было несколько вопросов, которые мне надо было обсудить, но я помнил о предупреждении Наины Иосифовны и Татьяны и честно говоря, хотел было воздержаться. Согласую, мол, их в другой раз, либо по телефону…

– Давайте, давайте, – повторил Ельцин.

Я попросил «добро» на проведение совещания по коррупции, сказал, что при обновлении правительства надо будет избавиться от недобросовестных, мягко говоря (а на деле от обычных воров и хапуг), чиновников, затем доложил о проблемах, связанных с правами военнослужащих, а также с предстоящим 275-летием российской прокуратуры…

Президент слушал, не перебивал меня, – вообще создавалось впечатление, что он «вчитывается» в текст, который слышит, анализирует его по ходу, но когда я перешел к конкретным делам и начал говорить о «коробке», он неожиданно тихим твердым голосом произнес:

– Может, хватит?

Я тут же свернул разговор. Подарил ему книгу по истории прокуратуры «Под сенью русского орла» и собрался уходить. Он пытался взять мои бумаги, книгу и папку с «мерами по борьбе с фашизмом», сложить в одну кучу, но не смог – у него тряслись руки, у него сильно тряслись руки. В конце концов все-таки собрался, встал, попрощался со мною – причем сделал это довольно дружелюбно.

Возвращался молча. Должен признаться, разговором и увиденным я был удручен, если не сказать больше – подавлен. До инаугурации остается всего несколько дней, а президент в таком состоянии. А если он упадет во время церемонии?..

Мои опасения усугубились после встречи с Бородиным. Павел Павлович сказал, что было уже несколько моментов, когда президент терял контроль над собой и погружался в состояние полной прострации. Миронову, начальнику медслужбы, он сказал: «Мы с тобою знаем друг друга уже сорок шесть лет!» Хотя знакомы они были от силы лет пять.

При встрече с Черномырдиным он все время твердил о каком-то сервизе. ЧВС никак не мог понять и потом долго пытал Бородина: что за сервиз? Тот тоже ничего путного не мог сообщить, он просто не знал, о чем идет речь.

Намечалась встреча с белорусским президентом Лукашенко, и Черномырдин, видя немощность Ельцина, предложил:

– Может, я заменю вас, Борис Николаевич?

Ельцин враз потяжелел лицом, в глазах у него возник беспокойный свинцовый блеск.

– Вначале я, а уж потом – вы… Понятно?

Да, все было понятно. Куда уж больше! Ельцин не хотел ни на мгновение, ни на секунду упустить власть…

Но вернемся на «круги своя». Паничева, конечно, освободили – об этом, кстати, я до сих пор жалею, но уголовное дело по коммунистам я возбуждать не стал. Не за что возбуждать. Из разговора того я сделал вывод, что бывший коммунист Ельцин стал патологическим антикоммунистом, преображение завершилось. Хотя это было печально: Борис Николаевич, как президент, должен был ко всем относиться одинаково ровно.

К разговору о «коробке» в доме Ельцина возвращались, как я понял, периодически, «коробка» уже навязла у него в зубах, поэтому и реакция была такая негативная: «Может, хватит?» Раньше, когда мы это обсуждали, он всякий раз говорил: «Как решит прокуратура, так и будет». Мне он сказал совершенно однозначно: «Действуйте по закону…»

Но всякий раз дома, за обедом, в дело вновь включалась «тяжелая артиллерия» – Татьяна и Наина Иосифовна. И так раз за разом, заход за заходом. Они добивали его. И, конечно же, дома, под рюмочку, не раз звучали слова: «Папа, а Скуратов твой – нехороший. Бяка! Не хочет дело о «коробке» закрыть». Но на попрание закона я идти не мог, не мог и не хотел.

На разных приемах, при большом стечение народа Татьяна трижды подходила ко мне с просьбой закрыть дело о «коробке», и я всякий раз отвечал ей: «Татьяна Борисовна, закрыть это дело можно только со скандалом, а скандал сейчас нам не на руку, его немедленно использует оппозиция».

И все-таки они – Татьяна, Юмашев, Березовский – додавили президента. При оценке деятельности прокуратуры все чаще и чаще против меня пускались в ход не «мои» аргументы: Мень, Листьев, Холодов – эти дела, мол, не раскрыты…

Чубайс, тот действовал вообще нахраписто, внушал президенту: «Прокуратурой руководит Илюхин». Да, Илюхин действительно приходил в прокуратуру. Ну и что? А как иначе? Он председатель профильного думского комитета. Ко мне приходили и Лебедь, и Жириновский, и Аушев, и Наздратенко – прокуратура для всех открыта…

Часто вспоминал я и другую встречу с президентом, в один из воскресных весенних дней 1996 года, еще до выборов. Об этой встрече я хочу рассказать особо.

Меня неожиданно пригласили приехать в Кремль – аудиенцию назначили на одиннадцать часов дня. Аудиенция эта была внезапной, в выходные дни… Значит, что-то произошло. Или происходит.

Я приехал в Кремль. Передо мной в кабинете Ельцина побывал Ковалев, министр юстиции.

– Президент настаивает на роспуске Государственной Думы, – сказал он.

– Г-господи! – невольно вырвалось у меня.

– Я пытался его убедить, что этого делать нельзя, он – ни в какую. Так что будьте готовы к нелегкому разговору. Проект указа уже отпечатан, лежит у него на столе.

– Чья это инициатива?

– Сосковца.

Я слышал уже не раз от первого вице-премьера: что нам Дума! Тьфу! Разогнать ее пинком под зад – и дело с концом. Тем более Сосковец, как руководитель предвыборного штаба, видел – президент не в форме, популярность его упала донельзя, здоровье стало совсем слабым – ситуация очень опасная.

Вот в один из наиболее выгодных моментов он и доложил президенту: давайте перенесем выборы! Думу распустим. Все равно она – коммунистическая. Эта мысль и запала Ельцину в голову.

Тут меня позвали в кабинет. Я вошел. Президент поздоровался со мной и затем произнес необычно быстро:

– Юрий Ильич, я принял решение распустить Думу… в ответ на ее решение денонсировать Беловежское соглашение. Подскажите, какие для этого могут быть юридические основания?

Я стал говорить, что задуманное сделать трудно – довольно четко прописано это юридическое действие в законе, ни одно из перечисленных в Конституции оснований не подходит для данной ситуации.

Но Ельцин действовал в своем стиле, говорил напористо, жестко, и я понял – для себя он все уже решил. Как понял и другое – разъяснять ему юридическую несостоятельность вопроса бессмысленно, и перевел разговор в политическую плоскость:

– Борис Николаевич, зачем вам это надо – распускать Думу? У вас и без этого есть все шансы выиграть выборы. А Запад поймет роспуск Думы негативно. Да потом Дума все же, какая она ни есть, была избрана в соответствии с Конституцией, распускать ее – значит нарушить Основной Закон России…

Привожу аргумент за аргументом, вижу – не действует. В конце концов я сказал:

– Борис Николаевич, я бы десять раз подумал, прежде чем это сделать.

– Ваша позиция мне понятна, – произнес президент, и мы с ним распрощались.

Следом за мной в кабинет зашел Куликов, потом приехал Туманов… Всем президент говорил, что предыдущие посетители (в том числе и я) были согласны с разгоном Думы.

В тревожном, каком-то надломленном состоянии я уехал к себе в прокуратуру, на Большую Дмитровку. Надо было что-то делать. Пока я сидел, раздумывал, раздался телефонный звонок по вертушке. Звонил Анатолий Сергеевич Куликов. Он также находился в каком-то тревожном, подвешенном состоянии.

– Я, – сказал он, – собрал своих замов, и все они в один голос заявили: «Это – авантюра! И вообще, это приведет к непредсказуемым последствиям. У нас не хватит ни сил, ни средств, чтобы удержать страну в ровном состоянии. Вдруг начнутся волнения? МВД просто не справится со своей задачей…»

Решили поступить так – вызвать Туманова, председателя Конституционного суда, и переговорить втроем.

Собрались у меня на Большой Дмитровке, все трое. Туманов – хотя и довольно вяло – нас поддержал: не дело это – разгонять Госдуму. Решили ехать к президенту. Втроем.

Было понятно, что президенту вообще мало кто говорит правду. Ни помощники, ни советники. Никто не говорит ему, как воспринимаются его реформы, что говорят о нем. Это давняя болезнь российского чиновничества замазывать глаза начальству, черное выдавать за голубое, а фиолетовое (фиолетовый цвет на Востоке – цвет траура) за розовое. Туманов – человек, который стоял на страже Конституции, должен был действовать более жестко.

Приехали в Кремль, у Ельцина кто-то сидит. Помощник доложил о нашем приезде. Мы договорились, что первым начинаю я, затем Куликов и последним самый нерешительный, Владимир Александрович Туманов.

Президенту не понравилось, что мы приехали втроем. Встретил он нас настороженно, взгляд недобрый, исподлобья – у него всегда было великолепное чутье, у нашего Бориса Николаевича. Хмуро кивнул, усадил нас в кресла:

– Ну?

Я, как и договорились, начал первым. Привел, как мне кажется, все доводы из тех, что имелись в нашем законодательстве, – ничего постарался не упустить. Нельзя разгонять Думу, мы этим ничего не приобретем, только потеряем…

Ельцин отрицательно покачал головой:

– Нет, вы меня не убедили.

Мою речь продолжил Куликов. Он очень доказательно и очень взвешенно говорил о том, что у МВД не хватит сил и средств не только денежных, но и технических, чтобы удержать ситуацию под контролем, что мир в России может рухнуть в один момент и тогда все покатится в тартарары. Но Ельцин и на это ответил:

– Нет!

Следом выступил Туманов. Выступил, увы, очень робко. Реакция президента была прежней.

Так ни с чем мы и покинули кабинет президента.

Я уже знал, как собирались технически совершить роспуск Думы. Очень просто: закрыть двери и не пустить депутатов в здание. А уж потом разбираться со всеми поименно…

Втроем мы зашли к Илюшину, у него находились Шахрай, Орехов, еще кто-то. Все трое тоже были против роспуска Думы.

Из кабинета Илюшина позвонили Черномырдину. Вначале с ним переговорил Куликов, потом я. Черномырдин несколько удивленно сообщил, что Ельцин ему очень кратко, мимолетно сообщил о роспуске Думы, сообщил как-то поверхностно, сказал также, что все, кого он вызывал «на ковер», с этим были согласны…

– А вы, значит, не согласны? – спросил у меня ЧВС.

– Нет.

Потом мне Черномырдин так рассказывал об этом разговоре: «Я сказал: «Борис Николаевич, я все-таки у вас премьер, почему вы решаете такие важные вопросы без меня? Зачем вам это нужно? Это вас Сосковец подбил? Он? Знаете, почему он это сделал? Завяз в предвыборных делах, завалил их… Но все еще можно, Борис Николаевич, поправить…»«

Отвлекаясь, скажу, что Черномырдин обладал очень важным качеством, отличающим его от Степашина и даже Примакова, – он умел спорить с президентом. А когда кругом вата, все потакают и готовно смотрят в рот, такое качество обращает на себя внимание. И Ельцин, который хорошо знал правило, что опереться можно лишь на то, что сопротивляется, ценил за это Черномырдина.

Потому ЧВС так долго и держался на своем посту.

Но Ельцин не принял и возражения Черномырдина.

– Ничего отменять не будем, – сказал он, – завтра утром собираемся в шесть ноль-ноль.

Хотя президент встает обычно рано, но в шесть утра рабочий день свой не начинает, здесь ранняя явка была обусловлена одним обстоятельством: Государственная Дума начинала свою работу в понедельник в девять. До девяти утра надо было все решить.

На этот ранний сбор я приглашен не был. Были Куликов Анатолий Сергеевич и другой Куликов, Александр Николаевич, генерал-полковник милиции, начальник Главного управления внутренних дел Московской области. Ход был разработан такой: если Анатолий Сергеевич заартачится, будет стоять на своем – немедленно освободить его от занимаемой должности и тут же подписать указ о назначении министром внутренних дел другого Куликова, Александра Николаевича. А уж тот сделает все, что нужно.

Я сказал Анатолию Сергеевичу:

– Будете выступать у президента, выступайте и от моего имени, от имени Генеральной прокуратуры.

Анатолий Сергеевич так и сделал.

Президент резко оборвал его:

– Вы за себя только говорите, не за других!

– Тем не менее мы оба считаем, что роспуск Думы противоречит Конституции – это раз, и два – у МВД, как я уже говорил, Борис Николаевич, нет ни сил, ни средств, чтобы обеспечить порядок в стране в случае волнений. Это слишком серьезно…

Вскоре президент пошел на попятную, его сумели убедить, что Госдуму разгонять нельзя. Ситуация была критическая, мог повториться 1993 год… А я лишний раз убедился в том, что у президента никогда не было уважения к Конституции, к законам, все это для него являлось обычными игрушками, с которыми можно поступить так, а можно поступить и эдак, сломать и выкинуть, и ощущение это рождало чувства не самые лучшие.

Говорят, что каждый народ достоин того правителя, которого он выбрал, но я считаю, я убежден, что русский народ не заслуживал того, чтобы им управлял такой человек.

В этом в те весенние дни 1996 года я убедился окончательно.

Первое заявление об отставке

Первого февраля 1999 года мне позвонил Бордюжа. Попросил подъехать. Сговорились, что в шестнадцать ноль-ноль я буду в его кабинете.

Повесил трубку на рычаг, почувствовал – что-то больно вонзилось в сердце. Одиноко сделалось, так одиноко, что, поверьте, и пером не опишешь, и словом не обскажешь – будто бы очутился посреди огромной пустыни, посреди многих ветров, и все ветры дуют, все стремятся сбить с ног, засыпать песком.

Неурочный вызов в Кремль, к главе ельцинской администрации, ничего хорошего не предвещал.

И вообще, я кожей своей, спиной, затылком, кончиками пальцев, висками чувствовал – готовится что-то недоброе. А что могло быть доброго, когда я 8 января возбудил дело против Березовского! Все газеты поведали сотни раз о том, что Березовский является и кормильцем, и поильцем, и кошельком «семьи», и предупреждали недвусмысленно: трогать кошелек столь высокой «семьи» опасно.

Да, было тревожно. Президент, во-первых, не поздравил с Новым годом. Все поздравили, а он – нет. Такого быть просто не должно, а раз «должно», значит, у этого «не должно» обязаны иметься свои причины. В моем положении несложно было понять, откуда ноги растут. Во-вторых, Бордюжа, когда мы общались, что-то недоговаривал…

Последний раз мы сидели рядышком дней десять назад на расширенной коллегии МВД. Я спросил его без всяких экивоков и вежливых пассажей, что называется, в упор:

– Николай Николаевич, ко мне, к моей работе, есть какие-нибудь претензии?

Бордюжа задумчиво приподнял одно плечо:

– Да нет… Нет претензий. Одно время были по части политического экстремизма, но сейчас вы вроде выправляете ситуацию.

И опять возникло то самое, знакомое, тревожное чувство: Николай Николаевич что-то недоговорил.

И я вспомнил: такое же ощущение было у меня и после последней встречи с Примаковым. Мы всегда общались с ним без всяких проблем, стоило мне поднять телефонную трубку – он ни разу не отказал во встрече, всегда находил время. И всегда разговор с ним был очень откровенный, я всегда получал у него поддержку.

А последняя встреча оставила какое-то невнятное ощущение. Словно бы Евгений Максимович, – так же, как и Бордюжа, – что-то недоговаривал. И вот какая странная штука: что-то в интонациях голоса у него было общее с Бордюжей.

В начале января я пришел к нему и сказал:

– Я возбуждаю уголовное дело против Березовского.

– В связи с чем? – спросил Примаков.

– В связи с тем, что Березовский прокручивает деньги Аэрофлота в швейцарских банках. Прошу вашей поддержки, прежде всего – политической.

Тогда Примаков заявил не колеблясь ни секунды:

– Обещаю!

И все равно в этой искренней интонации Евгения Максимовича уже было что-то не то. Чего-то не хватало, я даже не знаю – чего… Участливости, что ли. Или тепла. Или уверенности.

Это тоже послужило мне сигналом: что-то сгущается над моей головой, собирается в тяжелое пороховое облако, вот-вот, еще немного – и из этого облака блеснет молния. С ощущением того, что эта молния, расколов облако, выплеснулась, я и уезжал к Бордюже.

Были и еще кое-какие сигналы, этакие приметы надвигающейся грозы. По линии Совета Федерации состоялась конференция по вопросам федерализма, на которой мне было предложено выступить с докладом. Я выступил. Выступление было вроде бы удачным, но после конференции я пожаловался Строеву:

– Егор Семенович, кожей чувствую: вокруг меня заваривается какая-то неприятная каша…

Он не стал опровергать, произнес коротко и совершенно определенно:

– Да… Мы с Примаковым это знаем, потому и решили поддержать вас и предоставили на конференции слово в числе первых.

Тучи продолжали сгущаться. Имелась и кое-какая оперативная информация, подтверждающая мои опасения. Татьяна Дьяченко

обронила небрежно: «Скуратова будем убирать».

Это было обидно: Дьяченко хоть и дочка президента, но всего лишь дочка. Что позволено Юпитеру, то не позволено быку, и уж тем более дочке. Как она может убрать Генерального прокурора страны, когда это не только не ее прерогатива, это не прерогатива даже ее отца? Но, видать, Татьяна знала, что говорила…

Главный военный прокурор Демин встречался с Виктором Михайловичем Зориным – первым заместителем директора ФСБ, позже Зорин работал в Управлении спецпрограммы – самом таинственном, пожалуй, управлении в службе президента. Так генерал Зорин, услышав мое имя, произнес недовольно:

– Напрасно он высовывается. У нас есть пленка… – Зорин недоговорил, замолчал.

Недовольство Зорина было понятно: он дружил с первым заместителем министра финансов Петровым, а Петрова мы арестовали за взяточничество. Что же касается пленки, я даже не подозревал, что это такое, и спросил у Демина:

– Ты знаешь?

– Нет.

– И я не знаю. Прошу тебя, поговори с Зориным предметно: вдруг что-нибудь прояснится?

Демин пообещал, но обещание не выполнил.

Еще один источник обнаружился в администрации президента. Уже позже, когда я был отстранен от должности, оперативники передали мне следующую расшифровку. В разговоре с заместителем председателя Госдумы Юрьевым 3 февраля этот источник тоже дал понять, что меня будут снимать. Вот диалог. Ю – это Юрьев, И – источник.

«Ю. Я, говорит, разберусь. Это не проблема, тем более это сейчас легче, поскольку их главного-то (директора Федеральной службы налоговой полиции Алмазова) снимают, снимают и тех, кто это ведет.

И. Да.

Ю. В смысле не того, кого уже сняли, а в той структуре.

И. Тоже, да?

Ю. Да, все уже. Они и были запланированы. (Я и Алмазов.) А ты не знал этого?

И. Нет, мне говорили, но я думал, что знаешь как…

Ю. Я об этом знал месяц назад, даже полтора.

И. Ну, да об этом все говорили, но это не происходило.

Ю. В конце декабря уже об этом знал, что вот эти двое… У меня даже свидетели есть, я об этом Пархаеву сказал, а он мне не поверил. Потому, что эти двое как раз его главные друзья.

И. Да?

Ю. Он говорит, да не может быть. Я говорю, увидишь, еще как может быть».

Разговор, повторяю, шел обо мне и Сергее Николаевиче Алмазове.

Это тоже оптимизма не добавляло, тревога временами становилась зримой, едва ли не материально ощутимой. Держаться в ровном состоянии было трудно, и когда стало понятно, что обвал все-таки произойдет, я сказал жене:

– Лена, хочу предупредить тебя: у нас могут наступить плохие времена. Мы возбудили уголовное дело по Березовскому. Березовский, конечно, нажмет на все кнопки, приведет в движение все колеса, чтобы уничтожить меня. Война будет нешуточная. Приготовься к ней.

Таким образом я постарался подготовить жену, и это было очень важно: не дай бог, если бы все случившееся обрушилось на нее, как лавина с крутой горы. А так она была спокойна, подготовлена к беде и в самые трудные минуты даже постаралась поддержать меня…

По поводу Березовского я написал письмо Ельцину и передал письмо опять через того же Бордюжу:

– Николай Николаевичу вряд ли смогу увидеть президента в ближайшее время, поэтому передайте ему письмо. Не информировать президента я не могу, поскольку здесь речь идет не только о Березовском, но и об Аэрофлоте. А Окулов, глава Аэрофлота, как известно, является затем Бориса Николаевича…

Бордюжа письмо президенту, естественно, передал, поэтому первое, что он спросил, когда я вошел к нему в кабинет, было:

– Что с Березовским?

Я ответил спокойно:

– Дело находится в стадии расследования, – затем коротко изложил фабулу дела.

И тут Бордюжа задал второй вопрос, который для меня был неожиданным:

– А что с «Мабетексом»?

Я удивился: откуда Бордюжа знает о «Мабетексе»? Это же пока еще не обнародовано. Грязное дело это касается управления делами администрации.

– Дело серьезное, – сказал я. – И неприятное. Слишком много в нем непростых моментов – замараны наши высшие чиновники. Особенно в документах, которые передала нам швейцарская сторона… Так что дело расследуем, Николай Николаевич.

У Бордюжи сделалось такое лицо, будто воротник давил ему на шею.

– Мне принесли тут один видеоматериал, – проговорил он с видимым трудом, – давайте его посмотрим вместе.

Приподнял лежавший перед ним на столе пульт и нажал на кнопку пуска. Замерцал экран телевизора, стоявшего недалеко от стола.

В видеомагнитофон уже была вложена кассета. Неужели это та самая пленка, о которой Зорин говорил Демину? Тут я увидел человека, похожего на меня, и двух голых девиц – те самые кадры, которые потом обсуждала вся страна.

Состояние, в котором я пребывал в те минуты, можно сравнить разве что с ошарашенностью. И одновременно с каким-то странным горьким ощущением, когда от неверия даже начинает останавливаться сердце – неужели можно так грубо, так неумно действовать? Ведь это же все уголовно наказуемо. Неужели Бордюжа, могущественный чиновник, этого не понимает? Или ничего не знает и, как и я, видит эту пленку в первый раз?

Я оглянулся на Бордюжу. Лицо Бордюжи было спокойным, на нем лежала печать некой бесстрастности и отрешенности очень усталого человека…

Так до сих пор, спустя много времени, я и не понял, искренен ли тогда со мною был Бордюжа или нет? И все-таки я пришел к выводу: не был искренен, он подыгрывал компании, окопавшейся на Кремлевском холме…

Невольно, каким-то вторым, совершенно отстраненным сознанием отметил: а ведь дядя, который снят на видеопленке, действительно очень похож на меня… Кому это нужно, кому на руку вся эта гадость?

Прежде всего, конечно же, Березовскому. Он постарается кадры из этого гнусного ролика, за который явно заплачены немалые деньги, запустить в подведомственные – свои до мозга костей, купленные газеты, потом прокрутит по своим телевизионным каналам – и все, «успех» обеспечен.

И как ты ни оправдывайся: это, мол, не я, показ подобных пленок непроверенных, оскорбительных, порочащих, как принято говорить, честь и достоинство, – уголовно наказуем, – все это будет гласом вопиющего в пустыне.

Да и потом, когда будет решение разных независимых экспертов, когда суд признает, что лицо, изображенное на пленке, ничего общего не имеет со Скуратовым, все равно останется некий шлейф отрицательной молвы. У нас ведь всегда так бывает: обгадят человека, а потом забудут перед ним извиниться. То ли он красного петуха под крышу кому-то пустил, то ли ему пустили, никому не ведомо, на самом деле, что было, но на всяких случай надо держаться от этого человека подальше: а вдруг он виноват?..

Главное, Бордюжа прокололся, назвав имя «грешной» фирмы «Мабетекс». Проговорился он, сплоховал, – ведь никто, кроме меня да двух-трех человек в прокуратуре, не знает, что это за фирма и сколько чиновников из ельцинского окружения получили от нее взятку за заключение выгодного контракта по ремонту кремлевских покоев.

Сведения он получил явно от Пал Палыча Бородина, управляющего делами президентской администрации. А тот – от главы «Мабетекса», человека с криминальным душком, косовского албанца Беджета Паколли, поскольку тот почувствовал опасность.

И за всем этим стоят все те же знакомые лица. В первую очередь Березовский. Вот сейчас и Бордюжа начал говорить голосом Березовского…

Страна голодает, холодает, старух мы хороним в полиэтиленовых пакетах, потому что нет денег на гробы, учительницы стоят в областных городах на базарах с протянутыми руками – собирают милостыню, прокуратура возбуждает уголовные дела по фактам гибели детей от голода, а наши кремлевские небожители уже объелись, тратят миллионы и миллиарды долларов на европейские ремонты и роскошные апартаменты. Пир во время чумы!

Дела насчет умерших детей надо обязательно брать на контроль в Генпрокуратуре, брать на контроль самому Генпрокурору, – и

спрашивать с виноватых строго. В Сыктывкаре, я знаю, у работницы целлюлозно-бумажного комбината умерла от голода пятилетняя дочка. Из Бурятии мне пришло письмо с жалобой на то, что дети там спасаются от голода комбикормом. Есть смертельные случаи – комбикорм в желудке разбухает, превращается в крупную тяжелую массу, и желудок разрывается. Так погибло уже несколько человек.

Знаю случаи, когда в желудках умерших детишек находили опилки – больше есть им было нечего. И это – в конце двадцатого века, в стране, которая может прокормить весь мир, но вместо этого сама протягивает руку: «Подайте, Христа ради!» И стоит на коленях, никак не может подняться на ноги. Пир во время чумы продолжается, и никто не хочет его остановить. И Бордюжа, к которому я раньше испытывал симпатию, – тоже не хочет. Он с ними заодно.

Для того чтобы отвлечь внимание от голода, холода, нищеты и бед, затевают разговоры о политическом экстремизме, о запрете компартии (вот она, окончательная победа горбачевского плюрализма, оказавшегося в итоге не таким пустым, как мнилось вначале), о тюрьме для генерала Макашова и руководителя «Памяти» Васильева, кормят народ «завтраками» и выдавливают из него последние соки, последнее терпение…

Состояние ошарашенности сменилось чувством некой усталости, безразличия – да пошли вы все! – но с этим состоянием надо было бороться. Надо было брать себя в руки. Хорошо, я жену успел предупредить о надвигающейся беде.

– Все ясно, – сказал я. – И что дальше?

А ведь пленка сделана здорово. И здорово смонтирована. И голос на видеоряд наложен такой, что очень точно повторяет мои интонации. Прижимают меня, здорово прижимают… Буквально коленом к стенке. Завтра, послезавтра, послепослезавтра, – совсем немного пройдет времени, – и эти кремлевские «пуритане» запустят машину. И доказать, что ты не верблюд, будет невозможно.

Но что нужно сделать верблюду, чтобы не проскочить в ушко иголки? Завязать на конце хвоста узел. Вот такой узел придется завязывать и мне.

– Вы понимаете, Юрий Ильич, – нерешительно начал Бордюжа, – в этой ситуации… вы в таком виде… Вам надо подать заявление и уйти.

О таких методах воздействия, о шантаже на таком уровне я раньше читал только в книжках, но чтобы самому сталкиваться – не сталкивался никогда.

– Николай Николаевич, а для чего вы все это устраиваете?

В голове возникла боль, в виски, в затылок натекло что-то тяжелое, горячее.

– Я даже не знаю, как себя вести, Юрий Ильич, – сказал Бордюжа, – какие слова подобрать для этого момента, но я хорошо знаком с настроением президента… И я повторяю, что в этой ситуации вам лучше уйти.

Конечно, я без работы не останусь, свет клином на прокуратуре не сошелся, в конце концов, я – профессор, доктор наук, не пропаду, – но если уж судьба отвела мне возможность сыграть два тайма, весь матч целиком, то оба тайма и надо играть, а потом еще и вышибать дополнительное время. И я эти таймы сыграю, чего бы это мне ни стоило.

– Заявление пишите на имя Строева Егора Семеновича, – подсказал Бордюжа, – в Совет Федерации.

– Это я знаю, – сказал я.

Действовал я почти автоматически. Придвинул к себе протянутый Бордюжей лист бумаги, достал из кармана ручку.

– Какую причину отставки указывать?

Мне показалось, что в глазах Бордюжи мелькнуло что-то сочувственное. Конечно, существует одна неписаная истина: если начальство отказывается с тобою работать, надо уходить, иначе работа превратится Бог весть во что, пойдут сплошные черные дни… А с другой стороны – с чего уходить-то? Только из-за того, что этого захотела правая нога Бориса Николаевича, даже не самого БН, а его дочери Татьяны, – только из-за этого? Мне сделалось обидно. Показалось, это не со мною происходит, а с кем-то другим, я же все это вижу со стороны – вижу и очень сочувствую человеку, который находится на моем месте. А чтобы я не брыкался – вон какую гнусную пленку состряпали.

В принципе до меня доходили слухи, что на руководящие должности, особенно в силовые структуры, – сейчас берут только людей, на которых есть компромат, чистых же не берут совсем… Чтобы силовики эти потом не поднимали головы. Слухи об этом у меня всегда вызывали неверящую улыбку: не может этого быть! Оказывается, может…

—…Думаю, по состоянию здоровья, – сказал Бордюжа.

«Интересно, кто же в это поверит? Пару дней назад я выступал по телевидению в программе Сорокиной, был вроде бы жив, здоров – и нате-с! Впрочем, по состоянию здоровья так по состоянию здоровья. Все равно работать противно. Жалко только прокуратуру, жаль годы, потраченные на то, чтобы сделать в ней все, как надо, – ночами ведь не спал, думал, как лучше наладить

работу… Лучше бы, сидя в институте, написал пару книг…» И я так позавидовал тому Скуратову, который работал в институте, что у меня даже горло перехватило. И пожалел того Скуратова, который согласился перейти на должность Генерального – он здорово подставил меня, Скуратова нынешнего.

– По состоянию здоровья так по состоянию здоровья, – пробормотал я и в следующий миг выругал себя: а ведь я проявляю слабость, я сдаюсь без боя, поднимаю руки перед беззаконием…

– Да, по состоянию здоровья, – подтвердил Бордюжа.

– Николай Николаевич, извините, а откуда у вас взялась кассета?

– Нашел у себя на столе. В конверте. Не знаю, кто положил.

Вот он, еще один прокол, еще одно вранье… Разве можно к главе администрации президента зайти в кабинет, как в каморку к дворнику дяде Феде или в подвал к слесарю-водопроводчику дяде Коле… Кто-то заглянул с улицы, завернул от станции метро «Александровский сад» и по протоптанной тропке добрался до кабинета Бордюжи. Тут, не застав владельца на месте, оставил кассету в конверте, – дойдет, мол, до хозяина…

Вот пленка и дошла. Самым невероятным способом. Ах, Николай Николаевич, Николай Николаевич! Не научили вас в погранвойсках врать. До этого генерал-полковник Бордюжа был директором Федеральной пограничной службы.

Невидящими глазами я прочитал заявление, вспомнил о последнем докладе, который я так тщательно готовил, но с которым так и не выступил – он лежит у меня на рабочем столе, – и мне вновь сделалось жаль себя, своей работы, расстрелянной вот так, влет, службы.

– Николай Николаевичу нас 3 февраля состоится итоговая коллегия Генпрокуратуры. Я там должен выступить с докладом. Дайте мне провести коллегию, я ее проведу и уйду. Это в интересах системы. Ведь нонсенс же, если на коллегии не будет Генерального прокурора…

Бордюжа, словно бы обдумывая ответ, помедлил немного, потом сказал:

– Те люди, которые добиваются вашего ухода, ждать не будут, – они вбросят кассету на телевидение.

«Ах, Николай Николаевич! Вы ведь только что говорили мне, что обнаружили кассету у себя на столе. Принес, дескать некий незнакомец. А незнакомец этот очень даже – знакомец!»

– Хорошо, вот вам заявление, – я отдал листок бумаги Бордюже, – итоговую коллегию проведет мой первый зам Чайка, а я тем временем лягу в больницу.

Бордюжа одобрительно усмехнулся. Там же, не отходя, как говорится, от кассы, я написал вторую бумагу на имя Строева: «Прошу рассмотреть заявление в мое отсутствие». Подписался и поставил дату: «1 февраля 1999 года».

Не помню, как я приехал на Большую Дмитровку, – хотя расстояние от Кремля до прокуратуры в несколько прыжков может одолеть даже ворона… Первым делом вызвал к себе Чайку:

– Юрий Яковлевич, я что-то неважно себя чувствую. Возможно, сегодня лягу в больницу. Доклад на итоговой коллегии придется делать тебе.

Чайка затоптался на месте, задергал плечами, словно бы протестуя, и я, чтобы придавить его, повысил голос:

– Доклад придется делать тебе. Тебе, и никому иному.

Следом я вызвал Розанова. Поскольку Александра Александровича я знал лучше всех, – и дольше всех, то я решил поговорить с ним без утаек. Сказал, что произошло нечто чрезвычайное.

– Александр Александрович, меня начинают шантажировать. Делается это методами, с которыми никто из нас никогда не сталкивался…

Я вкратце рассказал ему о встрече с Бордюжей, о пленке, о заявлении. У Розанова даже лицо стало другим, непонятно только, отчего – то ли от неожиданности, то ли от страха, то ли еще от чего-то; он вжался в кресло и слушал, не перебивая. Так ни разу и не перебил меня.

– Давай сделаем так: соберемся и поедем в «Истру». Ты, я, Кехлеров, Демин, Чайка… В общем, все близкие мне люди. Там нам никто не помешает все обтолковать и разобраться в обстановке.

Розанов вскочил с кресла:

– Все ясно! Так и будем действовать! – и побежал к себе в кабинет.

Через некоторое время он вернулся и сообщил мне понуро:

– Демин против. Резко против. И вообще он говорит: «Вы что делаете? Разве вы не понимаете, что все мы сейчас находимся под колпаком? Любой наш сбор сейчас воспримут как факт антигосударственной деятельности… Собираться нельзя!»

– Но в этом же нет ничего противозаконного!

Мне сделалось противно. И этого человека я сам, собственными руками усадил в то кресло, которое он сейчас занимает. – Мы же не собираемся нарушать закон, я просто хочу обсудить все с вами и получить дельный совет. Что тут плохого?

– Нет, нет и еще раз нет, – сказал Розанов. – Демин, например, не поедет. Никогда не поедет. Никогда и ни за что.

Тут я невольно подумал: а не вызывал ли Демина к себе Бордюжа или кто-нибудь из администрации? С чего бы Демину так воинственно противиться?

«Эх, друзья, друзья… Друзьями вы оказались только до определенной отметки, до определенного порога… Вас и друзьями уже звать совсем не хочется. Раз так все складывается, придется ложиться в ЦКБ…»

Я позвонил своему лечащему врачу Ивановой и сказал ей:

– Наталья Всеволодовна, я неважно себя чувствую, мне надо лечь в больницу.

Надо заметить, что все лечащие врачи, абсолютно все, – бывают рады, когда их пациенты неожиданно принимают такие решения. Иванова не была исключением из правил.

Вечером я приехал в Архангельское, на дачу, и там постарался проанализировать ситуацию, сопоставив только голые факты и отбросив в сторону всякие эмоции и прочую «клюкву», которая мешает спокойно и холодно соображать. Ведь когда шла живая беседа с Бордюжей, когда крутилась пленка, моему внутреннему состоянию вряд ли кто мог позавидовать, – любой, окажись на моем месте, запросто потерял бы способность соображать, в этом я уверен твердо, – не очень соображал и я. Мне просто хотелось, чтобы все это поскорее кончилось… А сейчас надо точно вычислить, что именно за всем этим скрывается? И кто конкретно?

Пока понятно одно: состоялся, скажем так, показательный сеанс шантажа, один из участников сеанса известен – Бордюжа. Волю он исполняет не свою – да Бордюжа и сам этого не скрывает, – чужую волю… Ответ я уже себе дал: волю Березовского и К°. Но этот ответ был бы слишком поверхностным, тем более что последующие шаги Бордюжи показали – он враг БАБа. Что же касается моей скромной персоны, то Бордюжа здесь выступает обычным соучастником преступления. Довольно рядовым.

Но от этого роль его становится еще более неприглядной, более противной – как мог боевой офицер, генерал опуститься до этого?

И все-таки откуда он узнал о «Мабетексе»? Ведь информация об этом не просочилась пока ни в одну щелку. Щелки такие маленькие, что не только информация – клоп не пролезет.

Тут я вспомнил, что генеральный прокурор Швейцарии Карла дель Понте звонила мне в январе. Госпожа дель Понте рассказала, что по просьбе нашей прокуратуры она провела выемки документов в штаб-квартире «Мабетекса» и что обнаружились очень любопытные документы. В частности, кредитные карточки, выписанные на имя Татьяны Дьяченко, Елены Окуловой и самого российского президента, что двумя карточками из трех пользовались. Это были банковские карточки дочерей президента.

Звонила госпожа дель Понте по обычному городскому телефону, разговор этот явно засекли, записали и доложили о нем наверх. Если не президенту, то как минимум Дьяченко, Бордюже и Бородину. Значит, уже тогда мой телефон прослушивался…

Дело хотят замять, а меня в этой ситуации убирают как человека, который «непонятлив до удивления» и не хочет это дело замять. Пленка же, сфабрикованная, смонтированная, склеенная – обычный инструмент шантажа, и Бордюжа – обычный соучастник преступления, я все квалифицировал правильно.

Ночь та у меня выдалась бессонная, я так и не смог заснуть до самого утра.

Утром я сказал жене:

– Лена, похоже, началось… Помнишь, я тебя предупреждал? Против меня раскручивается грязная провокация.

– Уже? – недоверчиво спросила жена.

– Уже. Держись, Лена! И будь, пожалуйста, мужественной!

Легко произносить эти слова, когда над тобой не висит беда, когда находишься в нормальном состоянии и не воспринимаешь все происходящее обостренно, но можете представить, каково было в те минуты мне, моей жене? Пока это касалось только нас двоих, но через несколько дней это будет касаться всего моего дома, всей семьи.

Им, нашим родным, нашим домашним часто наши победы и наши поражения достаются гораздо тяжелее, чем нам. Ну что мне могла ответить жена?..

Утром я собрался перебираться в ЦКБ, взял с собою необходимые вещи, спортивный костюм, вызвал машину. Бессонная ночь меня подтолкнула еще к одному выводу: вновь надо встретиться с Бордюжей.

По дороге, прямо из машины, – на часах было восемь утра, – я позвонил ему в кабинет. Бордюжа находился на месте.

– Подъезжайте! – коротко сказал он.

– Николай Николаевич, – сказал я ему в кабинете, – то, что вы совершаете, – преступление, для которого предусмотрена специальная статья Уголовного кодекса. Независимо от того, каким способом была состряпана эта пленка – это особая статья и подлинность пленки еще надо доказывать, – вы добиваетесь моего отстранения от должности и тем самым покрываете или, точнее, пытаетесь покрыть преступников. Делу о коррупции – в частности, делу, связанному с «Мабетексом», – дан законный ход. Я говорю вам это специально, чтобы вы это знали.

– Юрий Ильич, поздно, – сказал мне Бордюжа. – Ваше заявление президент уже подписал. Так что я советую вам спокойно, без излишних резких движений уйти.

В тот момент я еще не был готов к борьбе, сопротивление еще только зрело в душе, оформлялось, нужно было время, чтобы оно созрело окончательно, да, кроме того, я, честно говоря, не думал, что президент подпишет заявление «втемную», не вызвав меня, не переговорив, не узнав, в чем дело. Я во время встречи многое бы объяснил ему, постарался открыть глаза, но… Честно говоря, я не думал, что с чиновником такого ранга, как действующий Генеральный прокурор, могут обойтись так, как со мною обошелся Ельцин. Он даже не позвонил, не спросил, в чем дело. А я-то считал, что нас связывают не только добрые служебные, но и добрые личные отношения.

– Ну что же, раз президент такое решение принял, значит, ему виднее, – сказал я.

Надо было покидать этот «гостеприимный» кабинет:

– До свидания. Но вы, Николай Николаевич, совершаете ошибку…

Я уехал.

Это был еще один удар. Позже, уже лежа в больнице, я понял, что президент находился с этими людьми заодно – действует так, как скажет ему Татьяна, а значит – как скажет Березовский. Вот кто реально управлял в те минуты государством, вот кто совершал поступки, за которые в нормальном обществе положен приличный срок. Значит, напрасно я уповал на президента, как на последнюю свою надежду – он-де все поймет и все поправит. Ничего он бы не понял и ничего не поправил.

Но надежда тогда еще была жива, она вообще, по старой мудрой истине, умирает последней. Подавленный и словно бы выпотрошенный, выскобленный изнутри, я поехал в больницу, не ощущая ничего, кроме боли и какой-то странной внутренней усталости.

Тогда я еще не думал, не гадал, что вскоре начнется жесточайшее противостояние, что главная борьба еще впереди. Пока хотелось одного забыться. Отдохнуть. Может быть, по-настоящему выспаться. Хотя бы один разок за последние три с половиной года.

Волновало и то, что завтра, 3 февраля, в Генпрокуратуре должна состояться коллегия. Как она пройдет, как воспримут главного докладчика Чайку? Ведь съедутся прокуроры со всей России, и это не просто прокуроры. Это юридическая элита, великолепнейшие имена, блестящие практики. У писателей есть выражение, что литература – это штучный товар, а каждый творец, художник слова – это самостоятельный завод по производству штучного товара, так и российские прокуроры… Не подведет ли Чайка?

В общем, голова за завтрашний день болела здорово: все ли будет в порядке?..

Но главный сюрприз ожидал меня вечером. По телевидению прошло короткое сообщение – естественно, с моим портретом на заставке, как это и положено у телевизионщиков: «Генеральный прокурор Скуратов подал заявление об отставке. Сегодня он госпитализирован в Центральную клиническую больницу».

Еще один удар. Безжалостный, кинжалом в спину, подлый. Удар не только по мне лично – по всей прокурорской системе.

В Москву уже съехались мои коллеги со всей страны, сейчас они прослушали это сообщение… И что же? Это же завтра на коллегии будет твориться неведомо что!

Бордюжа и тут обманул меня, пообещав, что до того, пока не пройдет коллегия, ни одно слово о происходящем не дойдет до средств массовой информации. Не сдержал своего слова Николай Николаевич, не сдержал… Бог ему судья!

Прокуратура наконец-то начала становиться на ноги, поверила в свои силы, все знали, что есть генеральный Скуратов (а в тридцати регионах я побывал лично), знали, что есть лидер… И прокуратура работала на лидера. И вот – ни лидера, ни Скуратова, ничего. Хотелось плакать, хотя совсем не мужское это занятие – плакать. Но что было в тот момент, то было.

В прокуратуре, как мне потом рассказывали, царило не то чтобы уныние, – царило некое непонимание. Чайка прочитал доклад,

обсуждение было скомкано.

Обстановка была бы совсем иной, если бы Бордюжа сдержал свое слово.

Мне в больницу позвонил Швыдкой, руководитель одного из главных российских телеканалов, позвонили Сванидзе и многие другие. Не позвонил, к сожалению, мой ученик – министр юстиции Крашенинников, человек, которого я почти всегда, особенно в неофициальной обстановке, называл Пашей. Увы!

Приезжал Пал Палыч, – так мы звали Бородина, – лучась улыбкой, доброжелательностью, еще чем-то, чему и названия нет, – пытался выяснить ситуацию с моим настроением и планами. Я же хотел прояснить вопрос насчет костюмов, которые совсем недавно пошил с его помощью. Приезд Пал Палыча, замечу, оставил впечатление этакого разведывательного визита. Приезжал Степашин, приезжали многие другие.

Позвонил Евгений Максимович Примаков. Человек умный, информированный, сам проработавший много лет в спецслужбе, он прекрасно понимал, что телефон прослушивается, поэтому не стал особенно распространяться и вести длительные душещипательные беседы. Он сказал:

– Юрий Ильич, надеюсь, вы не подумали, что я сдал вас?

– Нет!

– Выздоравливайте!

Звонок Примакова поддержал меня, премьер – тогда еще премьер – дал понять, что находится рядом со мною…

Пока я лежал в «кремлевке», вопрос о моей отставке был внесен на рассмотрение Совета Федерации, и Совет Федерации неожиданно для кремлевских властей уперся: рассматривать вопрос без присутствия Скуратова не будем, это неэтично. Заочно такие вопросы не решаются.

Мне стало ясно, что Совет Федерации захочет серьезно во всем разобраться и вряд ли вот так, «втемную», сдаст.

Я внимательно прочитал стенограмму заседания. Неожиданно нехорошо задело высказывание Строева.

Кто-то из зала произнес:

– Да Скуратов же болеет! Как можно рассматривать вопрос, когда человек болеет?

Строев не замедлил парировать:

– Он здоровее нас с вами!

А ведь Егор Семенович ни разу мне не позвонил, не поинтересовался, как я чувствую себя, не спросил, удобно ли в мое отсутствие выносить этот вопрос на заседание… А чувствовал себя я очень неважно. Во сне у меня начало останавливаться дыхание, я давился им, будто костью, – с остановкой дыхания казалось, что останавливается и сердце. В таких случаях невольно даже во сне боишься умереть, – за ночь я просыпался раз двадцать-тридцать. Было тяжело…

Вечером ко мне приехал Владимир Викторович Макаров, заместитель руководителя администрации президента:

– Напишите еще одно заявление об отставке.

Перед его приездом, кстати, позвонил Бордюжа, попросил сделать то же самое. И еще звонил Путин. Путин был, конечно, в курсе всех шантажных дел и вообще в курсе игры, которую вела «семья», держал соответственно равнение на Кремлевский холм, и сказал:

– В печати уже появилось сообщение насчет пленки… Это стало известным, Юрий Ильич, увы… Говорят, что на меня также есть такая же пленка.

В общем, он подталкивал к мысли: чем раньше я уйду, тем будет лучше. И вообще будет меньше шума… Звонки Бордюжи и Путина были этакой предварительной артиллерийской обработкой, которая всегда проводится перед всяким наступлением, а с появлением Макарова я понял: наступление началось!

Я сказал Макарову:

– Членов Совета Федерации я знаю хорошо: к ним придется идти и объясняться. Заочно они меня не отпустят. В Совете Федерации народ сидит серьезный… Заявление я писать больше не буду.

Честно говоря, именно в тот момент я твердо решил бороться. Бороться до конца: ну почему я должен уступать этим номенклатурным искривленцам? Ведь не я нарушаю закон, а они… Они! Все-таки я юрист, и не самый последний юрист в России… Неужели меня эта публика сломает?

Утром мне сказали, что по телефону меня разыскивает Строев.

Раз разыскивает, значит – припекло. Да и зол я был на него в ту минуту… Попросил передать, что я нахожусь на процедурах, и ушел на эти самые процедуры.

В этот же день, следующий после голосования, губернатор Магаданской области Цветков вновь поднял вопрос о моей отставке: чего, мол, человека поднимать с постели и вызывать на заседание? Он болеет и пусть себе болеет… Давайте удовлетворим его заявление, освободим, и – дело с концом.

Но Совет Федерации не пошел на поводу у Цветкова, в голосовании ему было отказано.

Начался этап изнурительной, тяжелой, длительной борьбы. Как ни уговаривал меня Макаров написать второе заявление об отставке, так я его и не написал.

Газетная атака

Когда лежишь в больнице, когда свободного времени не счесть, можно хорошенько обмыслить и собственные поступки, и собственную деятельность, и собственные планы с рабочими «сюжетами».

Конечно же, разговор об отставке был начат не сейчас и не в кабинете Бордюжи – он, судя по всему, произошел на Кремлевском холме еще в 1998 году, в декабре.

В декабре 1998-го у меня должна была состояться встреча с Ельциным, я к ней готовился, – и, вполне возможно, там бы зашел вопрос и о моей отставке, – но вскоре мне объявили, что встреча в декабре не состоится, президент срочно ложится в больницу.

Поскольку я уже физически ощущал, как сгущаются тучи над моей головой, это сообщение я воспринял с облегчением.

В январе ко мне пришел Хапсироков… Кто такой Хапсироков? Как я узнал позже, в Генпрокуратуре его все звали Хапсом, и в этой кличке, похожей на хватательное движение, Хапсироков не видел ничего оскорбительного, наверное, потому, что она соответствовала его сути.

Про себя Хапсироков говорил: «Я, конечно, не первое лицо в Генпрокуратуре, но и не второе…» А был-то Хапсироков всего-навсего управделами на Большой Дмитровке. Но суть не в этом. Управделами во всякой крупной организации – это главный завхоз, и, как всякий завхоз, естественно, имеет доступ к первому лицу. Так и Хапсироков. Он пришел ко мне и сказал:

– Юрий Ильич, разговор наш – под секретом. У меня есть точная информация: на вас собран большой компромат, поэтому вам надо из Генпрокуратуры уходить.

Час от часу не легче. В этом предложении было что-то беспардонно кремлевское: вот ведь – завхоз предлагает руководителю организации добровольно распрощаться со своим креслом.

Я ответил Хапсирокову довольно спокойно:

– Ничего противоправного я не совершал, наоборот, всегда старался этого избегать, поэтому о толстой папке компромата и речи идти не может… И уходить я никуда не буду. И не собираюсь.

– Жаль, Юрий Ильич… – Хапсироков вздохнул. – Очень жаль.

– Кто вам сказал о компромате?

– Большие люди под большим секретом. Если я проболтаюсь, то мне… – Хапсироков выразительно провел пальцем по горлу.

Мне сделалось противно. Понятно, что и Хапсироков принимает участие в этой большой и отвратительной игре.

Через некоторое время мне стало известно о разговоре Дубинина с одним человеком, телефон которого находился на прослушивании.

– Скуратов никуда не собирается уходить, – сказал он собеседнику.

Откуда он это узнал? Откуда сведения? Разговор этот был зафиксирован буквально через день после моего разговора с Хапсироковым.

Может быть, поэтому, зная мое мнение, они не припугнули меня для начала (так эта команда действует обычно), а решили с ходу начать атаку, которую, собственно, и провел 1 февраля Бордюжа?

Тридцатого января ко мне пришел писатель Анатолий Алексеевич Безуглов. Была суббота. Я, как обычно, работал у себя в кабинете на Большой Дмитровке.

Безуглов совершенно неожиданно сказал:

– Юрий Ильич, вы подошли к такой черте, когда у вас есть два варианта поведения: либо вы становитесь национальным героем, продолжая то, что делаете сейчас, либо… А вы посягнули на святая святых тех, кто нами правит, – на их кошелек. В общем, либо вы прорываетесь, как в бою, вперед, либо вас освобождают от должности и смешивают с грязью. Вам ни в коем случае нельзя останавливаться. Сейчас вперед и только вперед!

Вещие слова!

СМИ – наши родные средства массовой информации, – все время нагнетали обстановку. Все время, не останавливаясь ни на час, ни на минуту. Можете представить себе, как оживилась их работа, когда прошел слух о моей отставке и я лег в больницу! Надо отдать должное: никто из них – ни одна газета, ни один телеканал, ни один журналист – не поверил, что причиной моего ухода стала болезнь.

И имели для этого все основания. Светлана Сорокина с НТВ, помню, говорила: Скуратов, мол, только что побывал на передаче

«Герой дня», полон сил, ничто не предвещало о болезни – и вдруг! Нет, причина здесь в другом, не в болезни! Она была права.

Сразу же после моего отъезда в больницу прокуратура произвела несколько решительных акций. Совместно с «Альфой» мы произвели обыски в «Сибнефти», в скандально известном частном охранном предприятии «Атолл», родном детище Березовского, которое прослушивало семью президента, был арестован бывший министр юстиции Валентин Ковалев… В ряде организаций, сотрудничавших с Аэрофлотом, также были проведены обыски.

Некоторые газеты – в частности, «Сегодня» – высказали версию, что я устранился от решительных действий, свалив все на своего зама Катышева. Ложная версия, я ни на секунду не устранялся от работы, хотя и лежал в больнице. И действовали мы – что верно, то верно, – вдвоем с Михаилом Борисовичем Катышевым.

Важно было, чтобы машина эта ни в коем разе не останавливалась. Газета «Слово» не замедлила сделать вывод, что я «первым увяз в политическом болоте». «За сутки до обыска в «Сибнефти» Скуратов самоустранился от санкционирования этих обысков, за него эти санкции дал Михаил Катышев; скорее всего, Юрий Ильич не осмелился пойти против Березовского и открытому конфликту с ним предпочел уход с политической арены».

Опять все то же, опять в ту же дуду.

Впрочем, версия, что я бездействовал, а прокуратура начала активно работать вопреки мне, долго не продержалась. У нее просто не было реальной подпитки, она не получила ни одного факта, ни одного подтверждения и умерла.

Дальше газеты стали рождать одну версию за другой.

«Комсомольская правда» в номере от 5 февраля предположила, что Скуратова сняли из-за того, что он оказался плохим политиком. Это утверждал Чугаев, корреспондент «КП». Он подчеркнул, что есть две версии. Первая: Скуратов работал слабо, неэффективно, многие дела при нем застряли на мертвой точке, и вторая – от обратного: Скуратов стал копать слишком глубоко и залез в запретную зону, действия Генпрокурора стали представлять опасность для «семьи» и вообще ближайшего окружения президента.

Вторая версия, кстати, стала появляться все чаще и чаще, и шла вразрез с точкой зрения тех кремлевских сотрудников, которые пытались меня скомпрометировать в печати. Вообще, люди, которые работали над моей отставкой, прекрасно понимали, что такое СМИ в этой ситуации и что могут сделать вовремя опубликованные страницы или брошенный с экрана телевизора компромат, и делали колоссальные усилия, чтобы это произошло. В общем, говоря старым языком, занимались идеологическим обеспечением наступления на Генпрокурора, ставшего неугодным.

Когда же сделалось известно, что «уйти» меня спокойно не удастся и вообще я так просто не уйду, начали атаку. Первым сигналом стала статья в «Комсомолке» от 17 февраля 1999 года, где утверждается, что «Скуратова сняли из-за анонимки». И далее: «Прояснить ситуацию могла бы гуляющая по коридорам администрации докладная записка – без подписи и других опознавательных знаков». В статье утверждалось, что я защищаю своего любимчика Хапсирокова – управделами Генпрокуратуры, замешанного в ряде финансовых скандалов, что на деньги, добытые с помощью некого «авалирования векселей», оплачивались поездки руководителей КПРФ с семьями на юг Франции, в Англию, Швейцарию, Австралию и другие «лакомые» – для отдыха, естественно, – страны. Стоимость этих поездок якобы обошлась в 450 тысяч долларов США. Дело вообще дошло до грязи: в этой записке утверждалось, что мой сын работает в Моснацбанке и также замешан в афере с векселями.

Далее автор материала Юрий Юсупов пишет: «Верны ли эти факты или налицо очередная «деза», подброшенная в Кремль некими силами, заинтересованными в том, чтобы Скуратов был отстранен от должности? Вероятно, объективный ответ на этот вопрос могут дать лишь правоохранительные органы. Но само появление безымянной «записки» (по-старому – анонимки), ставшей катализатором решения президента по Скуратову, в очередной раз демонстрирует масштабы той грязи и нечистоплотности, которые сегодня царят в российских властных структурах».

Через три дня «Комсомолка» сообщила, что кремлевская записка – это еще цветочки по сравнению с теми ягодками, которые в массовом количестве начали забрасывать и в «Комсомольскую правду», и в ряд других газет. «Столько всевозможной мерзости не выдавалось на-гора, пожалуй, еще ни на одного госдеятеля».

В общем, и пошло, и поехало, и пошло… Появилась версия и о моих финансовых злоупотреблениях. Я знал, что был создан специальный штаб, который решал, как действовать дальше, прорабатывал ходы, варианты, формулы поведения… Противостоять этому штабу было непросто.

Были и другие версии. Одна из них была вброшена в Интернет в США 17 февраля 1999 года в 11 часов 38 минут и по электронной почте передана всем крупным российским газетам. Я эту бумагу цитирую полностью, без сокращений…

«Внезапная отставка Генпрокурора Скуратова продолжает порождать многочисленные версии, которые в основном связываются с интригами в высших эшелонах политической власти или финансовыми злоупотреблениями. Однако, как стало известно из конфиденциальных источников, близких к руководству Генпрокуратуры, причина отставки Генпрокурора на самом деле более прозаична и связана с очередным сексуально-«банным» скандалом.

По информации тех же источников, Юрий Ильич имеет одну личную слабость – любит позволить себе отдохнуть от

напряженного труда в компании представительниц прекрасного пола. Установлено, что в свое время на Полянке в доме, где располагается ресторан и торговый дом «Эльдорадо», «Уникомбанком» была снята квартира, которая использовалась для эксклюзивного отдыха как банкиров, так и высокопоставленных госчиновников. Квартира была оборудована видеотехникой для скрытной видеосъемки. Как-то Скуратов провел там вечер с «девушками по вызову». Организатором вечеринки и негласным режиссером видеозаписи являлся родственник банкира Егиазаряна А. Г. (бывшего главы Московского национального банка, а затем «Уникомбанка», также имевшего удостоверение советника Генпрокуратуры).

Впоследствии об этом был проинформирован начальник управления делами Генпрокуратуры Хапсироков, с которым Егиазарян поддерживал тесные личные и деловые отношения. Также ему были переданы на хранение копии видеозаписей. Известно, по информации СМИ, в частности «Новой газеты», что Хапсироков, являвшийся со времен Ильюшенко своего рода «серым кардиналом» Генпрокуратуры, находился в не лучших личных взаимоотношениях со Скуратовым, который явно тяготился тем, что управделами фактически негласно контролировал все основные направления деятельности Генпрокуратуры, неоднократно вмешивался в ведение конкретных дел, например по махинациям Федеральной продовольственной корпорации, возглавляемой Абдулбасировым (в настоящее время главный советник Строева, секретарь Межпарламентской ассамблеи СНГ). В последнее время отношения Скуратова и Хапсирокова явно обострились и Генпрокурор наконец-то решился на открытые действия. В этой связи управделами Генпрокуратуры передал видеопленки одному из возможных кандидатов на пост Генпрокурора Олегу Кутафину – ректору Московской юридической академии, председателю комиссии по гражданству при президенте (кстати, Кутафина уже однажды прочили на пост председателя Конституционного суда, но не сложилось. Кроме того, Кутафин входил в руководство скандально известного фонда «Россияне», в котором в 1996 году исчез 1 миллион долларов, предназначенный на помощь русским в ближнем зарубежье).

Кутафин, используя свои отношения с управделами президента Бородиным, проинформировал его о имеющихся пленках. К коммерческой деятельности Бородина и его ближайших родственников правоохранительные органы и Генпрокуратуры проявляли повышенный интерес, поэтому он воспользовался случаем и доложил о пленке президенту, который якобы лично ознакомился с ее содержанием. После этого участь Скуратова была решена.

Не исключается, что компрометирующие Скуратова видеозаписи могут быть реализованы через СМИ. Кстати, гостем в квартире на Полянке был не только Скуратов. Как утверждают информированные источники, там отметился в свое время и нынешний директор ФСБ Путин».

В чем особенность этой бумаги? Она была вброшена в игру, когда стало ясно, что вопрос о моей отставке в Совете Федерации не пройдет. Вот тогда-то и был запущен этот, извините за выражение, поклеп: а вдруг получится?

Бумага эта послужила основанием для возбуждения уголовного дела – тут были названы конкретные имена… Близкими к Кремлю людьми была вброшена еще одна версия отставки. Сделано это было в «Литературной газете». Там увидела свет большая статья, которая называлась «Тайна Скуратова». Автор – Павел Никитин.

Никитин брал у меня интервью, «Литературкой» в ту пору руководил уже Гущин – давний друг и сослуживец Юмашева, еще по «Огоньку», где они работали вместе. Поэтому, как говорится, почему б не порадеть родному человечку… Вот Гущин и порадел. Команда-то ведь одна.

Процитирую пассаж, приведенный в статье. «Скуратов арестовал Ильюшенко, а потом выпустил – и не потому, что хотел, а потому, что пришлось. И это не стало единственной прокурорской неудачей. На Кавказе ему не повезло с Басаевым, в Альпах – с Михасем, в Польше – со Станкевичем, в Париже – с Собчаком».

Ну, неудача с Ильюшенко – это неудача всей нашей уголовно-процессуальной системы, когда у обвиняемого есть возможность растянуть сроки ознакомления с уголовным делом до размеров резины, превратить их в виртуальное пространство… Ильюшенко вышел на свободу и теперь знакомится со своим уголовным делом. И будет знакомиться, видимо, столько, сколько его душе будет угодно – делать выписки из толстых томов, используя пробелы в уголовно-процессуальном законодательстве.

А расследование – то, чем занималась прокуратура, – закончено. Если бы Ильюшенко чувствовал свою невиновность, то ему совершенно незачем было бы затягивать процесс ознакомления с делом… Какие в данном случае могут быть претензии к прокуратуре?

Дальше. Мне не повезло с Басаевым. Что значит, не повезло с Басаевым? Идиотизм какой-то! Санкцию на арест Басаева прокуратура выдала незамедлительно, а вот сам арест – это уже дело спецслужб – Куликова, Барсукова, Степашина, Путина, Рушайло, Патрушева, бывших и настоящих руководителей МВД и ФСБ. Но прокуратура-то здесь при чем? Это им не повезло, спецслужбам нашим, а не мне. Не повезло, в конце концов, президенту, который, как неумелый руководитель, профукал чеченскую кампанию и унизил этим Россию.

Михась… При чем здесь Михась? Его к уголовной ответственности привлекала не российская прокуратура, а прокуратура Швейцарской Конфедерации, и промахи швейцарского правосудия – это не есть промахи правосудия российского. В огороде бузина, в Киеве дядька.

В Польше не повезло со Станкевичем… Дело по Станкевичу было возбуждено до меня и благополучно заглохло. Мы же посчитали необходимым вернуться к этому делу и потребовать от Польши выдачи Станкевича. Но со Станкевичем работали польские спецслужбы, и вопрос приобрел международный резонанс. Я думаю, что вопрос со Станкевичем не закрыт, об этом

еще пойдет речь… Но при чем здесь прокуратура? Больше «при чем» – слабость нашего государства, а не слабость прокуратуры.

Дальше Никитин пишет: «…в Париже – с Собчаком». Тут тоже другая ситуация. Все дело в том, что усилия, которые приложили питерцы Степашин, Путин, приложил сам президент, оказались мощнее усилий прокуратуры. Собчак вернулся.

Дальше написано: «Каждое второе прокурорское обвинение разваливается в судах – такого еще не было». Ну, это опровергается легко, это – обычная ложь. Даже если взять суды присяжных, которые оказались очень уязвимыми в смысле подкупа и очень часто заворачивают нам дела, все равно получается, что в судах разваливается не более десяти процентов дел. Это нормальный показатель. Да потом ведь в суд направляются не только дела, которые вели мы – направляются и те, что вели милицейские следователи, прокуроры же только утверждали на них обвинительные заключения, как и положено, – так что цифра получается очень даже приемлемая.

Но откуда Никитин взял, что каждое второе прокурорское обвинение разваливается? Это же абсолютная ложь!

Дальше в статье красной линией проходит сюжет с Коржаковым и делом Петелина. В кремлевском кабинете Коржакова встретились трое: Валерий Андреевич Стрелецкий, которого Никитин почему-то упорно называет Виталием (хотя бы удосужился проверить, это ведь несложно), Александр Васильевич Коржаков и я. Мне действительно была передана папка с документами, свидетельствующими о неких неблаговидных деяниях начальника черномырдинского секретариата Петелина. Я бегло просмотрел документы и попросил написать на мое имя письмо.

Позже мы проверили эти документы, многие из фактов, что были изложены в бумагах, не подтвердились, и мы не нашли оснований для ареста Петелина. Но тем не менее это также ставилось мне в вину. Видно было невооруженным глазом, чьи уши торчат из статьи Никитина. Не исключаю, что ему за этот заказной материал очень неплохо заплатили.

В общем, началось тяжелое идеологическое наступление, чтобы обеспечить мою отставку, иначе это расценить нельзя.

Самые серьезные, на мой взгляд, публикации были в «Новой газете». Вообще «Новая газета» тесно связана с Лебедевым, главою НРБ «Национального резервного банка», он проплачивал многие публикации газеты и вообще поддерживал ее. Тем не менее газета эта относилась ко мне довольно лояльно. Но как бы лояльно она ко мне ни относилась, на ее страницах в конце марта появилась статья «Как они подбирались к Генпрокурору». Здесь даны некоторые цифры и вообще нарисована некая картина, как меня подкупал Хапсироков, наш управляющий делами – «Бородин» Генпрокуратуры.

«Покупка квартиры генерального – 2 205 456 руб. (приблизительно 360 тысяч долларов). Отделка и мебель – 1 931 085 руб. (320 тыс. долл.). Коттедж на обнаглевшей Рублевке – 2 533 050 руб. (420 тыс. долл.). Еще маленькая квартира для родителей. Всего – 6 980 151 рубль. Или приблизительно один миллион сто шестьдесят тысяч долларов».

Это было опубликовано, повторяю, в марте, в ту пору я уже вышел из больницы, появился на работе и первым делом дал поручение Розанову провести проверку по этой публикации. Он написал письмо в редакцию «Новой газеты», попросил выслать документы, которые у них есть: ведь бездоказательно-то такие статьи публиковать нельзя.

Редакция выслала документы (к сожалению, позже они совершенно незаконно были изъяты у меня при обыске). Я посмотрел эти бумаги. В них действительно оказалась платежка на коттедж, построенный на «обнаглевшей Рублевке» – на два с половиной миллиарда рублей старыми деньгами, по-нынешнему два с половиной миллиона, оплата мебели на сумму два миллиарда рублей (без малого), документы на оплату «разных штукенций» (иначе не назовешь) по обустройству квартиры на 320 тысяч долларов и так далее.

Хотелось бы мне увидеть коттедж на Рублевском шоссе, который, как было сказано в тех бумагах, приобретен (или построен) лично для меня. Но у меня никогда никаких коттеджей не было! Ни-ко-гда! Ни-ка-ких! И тем более на престижном Рублевском шоссе. Дальше – мебель. Мебель я покупал за свои собственные деньги, помню даже магазины. Что же касается «разных штукенций», то я выезжал из благоустроенной, обжитой, прекрасной квартиры в четырехкомнатную. Но когда я посмотрел новую квартиру, мне едва плохо не стало – в ней нельзя было жить: ни дверей, ни сантехники, ни кранов, ни ручек на окнах, – ничего. Поэтому я сказал, что в голые стены въезжать не буду, я же отдаю не голые стены. Была сделана, скажем так, доводка до стандартного уровня, когда в квартире можно было жить.

Я посмотрел документы: сколько же там было истрачено? Не триста двадцать тысяч долларов, а всего восемьдесят тысяч. 80!

Я попросил адвоката Прошкина в рамках уголовного дела (а к той поре уже было открыто уголовное дело в связи с незаконным вмешательством в деятельность прокурора, расследующего уголовное дело, а также в связи с вмешательством в частную жизнь) проверить факты, опубликованные в газете… Это нужно было для того, чтобы потом, опираясь на материалы этого уголовного дела, предъявить иски к «Новой газете». К сожалению, до сих пор проверка этих фактов идет в рамках уголовного дела, возбужденного против меня. Это первое. Второе – я написал письмо Волошину, который возглавил комиссию по проверке моей нравственности, где попросил официально проверить эти материалы. Как и на каком основании они увидели свет в печати?

Волошин ответил, а точнее, прислал справку – в Совет Федерации, в Комиссию по борьбе с коррупцией, – где было написано, что нарушения в связи с изложенными в «Новой газете» фактами не обнаружены, единственное нарушение, которое я сделал, так это при обмене трехкомнатной квартиры на четырехкомнатную получил доход и с этого дохода не уплатил налоги. Факты проверялись Главным контрольным и правовым управлением администрации президента РФ.

Это была правда – не уплатил… Только Волошин, судя по всему, не знал, что я не единожды обращался в органы налоговой инспекции, где просил внести ясность: должен ли я при заполнении декларации платить налог с разницы в стоимости квартир или нет? Мне был дан официальный ответ, что действующим на тот момент законодательством такой налог не предусмотрен. Поэтому я никаких налогов и не платил. Обвинение, увы, необоснованное.

Что еще интересно. Следствие потом выяснило, что платежки были фальшивыми, – но никто не разобрался до сих пор, кем же были подделаны эти платежки (думаю, что это еще впереди), и вообще все эти липовые документы были разосланы в десять-двенадцать газет, не менее. Точное число их знает только тот, кто рассылал эти бумаги, но большинство газет отнеслось к ним, как к обычной грязи; одна лишь «Новая газета» объявила, что проводит собственное расследование, и опубликовала эту грязь.

Ангажированность, односторонность взглядов газеты была подтверждена и тем, что она опубликовала письмо прокурора швейцарского кантона Тичино Жака Дюкри от 16 марта 1999 года, который написал, что «не открывал никакого расследования относительно «Мабетекса» и в связи с этим не делал никаких официальных сообщений. Я произвел выемку в офисе г-на Франко Фенини (один из руководителей «Мабетекса». – *Ю. С.*) – и ничего более».

Следом в том же материале было опубликовано короткое письмо помощника генпрокурора Швейцарии Дотта Хансйорга Штадлера, в котором тот сообщал, что со стороны швейцарской прокуратуры никакого уголовного дела в отношении «Мабетекса» не возбуждалось. Правильно. Оно возбуждалось не нашими швейцарскими коллегами, а нами, российской прокуратурой…

Раз это сделала российская прокуратура, раз это сделал сам Генеральный прокурор – значит, надо призвать его к порядку.

А к порядку в России призывают одним способом – убирают. Так решили убрать и меня. И прежде всего люди, имеющие прямое отношение к разным темным делам, в том числе и с фирмой «Мабетекс». Абсолютно убежден в том, что за рассылкой документов, якобы порочащих меня, в московские газеты стояли люди из управления делами президента.

С одной стороны, они открыли шлюз и пустили поток грязи на меня, а с другой – распространили документы, которые якобы подтверждали их невиновность. Видно было, очень хорошо видно, чьи лапки торчат в данном деле. Увы! Как в игре в «очко», получилось 22. Если уж решили смешать с грязью Скуратова, то не надо было так настойчиво обелять себя. Переиграли, господа картежники, перегнули лямку!

Понятно было одно: атака началась глубоко эшелонированная, как принято говорить у военных, – это была именно такая атака, раз в Интернет закидывали материалы даже из Америки, сделали рассылку по электронной почте, подготовили ряд фальшивых платежек, оформили все это соответствующей, в юмашевском духе, «публицистикой» – чтобы газетчикам было легче справиться с материалом, разжевали его.

Мое же ходатайство о проверке всех этих фактов в рамках возбужденного по моей просьбе уголовного дела удовлетворено не было. Но потом, когда дело возбудили против меня, квартирный вопрос незамедлительно был вытащен на поверхность.

Увы, что ни делали, как ни придирались – придраться было не к чему. Потом кремлевская команда стала доставать из своего арсенала кое-что еще. На поверхность всплывало все, вплоть до костюмов, которые я-де пошил бесплатно, но ничто не подтвердилось. Придраться, повторяю, было не к чему.

Было бы, конечно, несправедливо утверждать что вся печать, все газеты без исключения, заняли именно такую позицию. Были и другие публикации – в мою защиту, – и их было не меньше, чем публикаций, в которых меня старались опорочить. Это хоть как-то вселяло в душу надежду: не все было так плохо, как кажется с первого взгляда.

Вновь всплыл Собчак со статьей из Парижа. Статья вроде бы новая, а идеи старые: Собчак пекся все о том же, о чем пекся раньше, – о немедленном реформировании прокуратуры по западному типу: ликвидации надзорных полномочий, функции расследования уголовных дел и др.

…В общем, жизнь продолжалась, а вместе с нею продолжалась и борьба.

Визит Карлы дель Понте

Карле дель Понте долго не давали визу… За два дня до прилета беспрецедентный случай! – у нее еще не было визы – у нее, одного из крупнейших государственных чиновников Швейцарии! Такого еще в истории отношений наших двух стран не бывало – я, во всяком случае, не слышал…

Я позвонил Примакову.

– Евгений Максимович, будет большой ошибкой, если вы откажете госпоже дель Понте во въезде в Россию. Визит срывается.

А Москва, естественно, очень не хотела, чтобы Карла дель Понте приезжала к нам. И понятно, почему не хотела: на Кремлевском холме ясно представляли, какие сенсационные документы она может привезти…

– Впервые об этом слышу, – совершенно искренне сказал Примаков, – сейчас я свяжусь с Ивановым, узнаю, в чем дело.

Вскоре мне позвонил Иванов – министр иностранных дел, начал путано и длинно объяснять, что никто не препятствует, что происходит какая-то странная накладка и заверил:

– Все будет нормально: это недоразумение, мы его быстро сведем на нет…

Встал вопрос об охране. Карла дель Понте в своей стране – единственное лицо, охраняемое государством, тем более что в Швейцарии за ней идет прочная слава стойкого борца с мафией, с бандитизмом, с коррупцией, – и там на нее уже было несколько покушений. Поэтому госпожу дель Понте берегут и почитают. То же самое должно быть и у нас. И бронированный автомобиль, и ребята в строгих темных костюмах… Связались с ФСО – Федеральной службой охраны и, увы, получили отказ…

Стало понятно: администрация президента чинит препятствия и здесь… Прошлый раз, когда госпожа дель Понте приезжала к нам, ей нашли и бронированный «мерседес», и крепкоплечих ребят – все было как положено… А сейчас? Госпожа дель Понте – умная же женщина, она все поймет…

Оставалось одно – обойтись тем, что имелось в прокуратуре, в частности моей машиной и моей охраной.

Служебный автомобиль у меня был бронированный. После того как мне поступило несколько угроз из Германии, от наших мафиози, окопавшихся там, служба охраны выделила мне такой автомобиль, – на нем действительно, как на танке, было нестрашно ездить, имелась машина сопровождения, поэтому решили в ФСО больше не обращаться…

Встал вопрос: где будет жить прокурор Швейцарии? Пришла идея: лучше всего поселить в нашем комплексе на реке Истре – здесь имелись и апартаменты подходящие, и хорошая охрана. У нас в ту пору была довольно сильная служба безопасности, которой руководил Олег Александрович Хондошко. Да и Метелкин Владимир Дмитриевич – истринский хозяин, человек очень гостеприимный, никогда не ударит в грязь лицом. В этом я был уверен твердо…

Карла дель Понте прилетела в Шереметьево на специальном самолете, я ее встретил в аэропорту… Не могу не отдать дань мужеству этой женщины. МИД Швейцарии не рекомендовал ей ездить в Россию – там хорошо знали, что творится в Москве, как глубоко бациллы коррупции проникли в организм страны, что может здесь случиться и вообще насколько опасна эта поездка, предложил ей воздержаться, но госпожа дель Понте поступила так, как ей подсказывала совесть: она поехала в Россию.

Запугать такого человека, как Карла дель Понте, невозможно. Можно унизить, можно убить, можно подвергнуть пыткам, но запугать невозможно: она принадлежит к той самой когорте благородных служителей Фемиды, на которых держится право. Даже больше, если хотите, – держится мир.

И будет держаться. Не станет этих людей, не станет и мира нашего, планеты людей – планета рухнет, в этом я убежден совершенно твердо. Под стать Карле дель Понте были и ее спутники: Жак Дюкри – прокурор кантона Тичино, Дотт Штадлер – помощник генерального прокурора Швейцарии и другие. В кантоне Тичино – это италоязычный кантон, – находится город Лугано, а в Лугано, в свою очередь, расположена штаб-квартира «Мабетекса». Наши российские чиновники, кстати, прочно облюбовали итальянскую Швейцарию, так что связи у Москвы с этим кантоном тесные. До назначения на должность генпрокурора Швейцарии госпожа дель Понте была прокурором в этом кантоне.

С нашей стороны в делегацию на переговорах, кроме меня, входили Михаил Борисович Катышев – главный следователь России, Георгий Тимофеевич Чуглазов, расследовавший дело по «Мабетексу», Исса Магомедович Костоев начальник международно-правового управления и Игорь Воронов – начальник протокольного отдела.

Переговоры были плодотворными. Мы получили материалы и по «Мабетексу», и по Аэрофлоту с «Андавой», и по «Меркате-трейдингу» (эта фирма еще более «интересная», чем «Мабетекс», деятельность ее пока совсем не расследована)… Обсудили общие проблемы, в частности вопросы отмывания преступных доходов и возможного возвращения незаконно вывезенных из России денег, обсудили, как лучше сотрудничать российско-швейцарской группе по борьбе с коррупцией – а группу такую мы создали, с нашей стороны ее сопредседателем стал Катышев.

Да-а, недаром российские власти не давали визу Карле дель Понте… Если бы они знали, что она привезет столько материалов, никогда бы не допустили ее приезда.

Но вернемся к исходной точке, благодаря которой состоялся этот визит.

Первое посещение России генеральным прокурором Швейцарии Карлой дель Понте состоялось в мае 1998 года.

Визит тот был коротким и, как мы считали оба, – успешным. Меня здорово выручал мой немецкий язык – хотя и не самый блестящий, я, конечно, не могу говорить, как говорят настоящие переводчики, – но вполне сносный, чтобы объясняться. Там, где по протоколу требовался переводчик, к нам присоединялся переводчик, там, где не требовался, – говорили без свидетелей. Сотрудничество со швейцарской прокуратурой намечалось очень тесное.

Когда госпожа дель Понте уезжала из Москвы, то в моем кабинете отвела меня в сторону и неожиданно сказала:

– Юрий Ильич, у меня есть материалы, разоблачающие людей, близких к окружению вашего президента. Как, будете работать с этими материалами? – и выжидательно, словно бы что-то проверяя, посмотрела на меня.

– Будем, – твердо пообещал я. – У нас перед законом все равны. И люди, близкие к окружению президента, и люди далекие, и сам президент.

– Хорошо, – сказала дель Понте.

Я заметил, что взгляд у нее потеплел, исчезла из него некая суровость и строгая выжидательность, что была видна еще минуту назад.

– Но имейте в виду, речь идет о людях, очень, очень, очень близких президенту.

– Исключений нет ни для кого. И быть не может. Закон есть закон.

– Хорошо, – еще раз повторила Карла дель Понте, – я пришлю вам кое-что из этих материалов. Но чтобы они не попали в другие руки, пришлю их по дипломатическому каналу.

На том мы с госпожой дель Понте и расстались.

В начале сентября 1998 года ко мне в прокуратуру приехал господин Бюхер – посол Швейцарии в России и из рук в руки передал пакет. С теми самыми материалами, что обещала Карла дель Понте.

Мы немного побеседовали с господином Бюхером, выпили по чашечке кофе и очень дружелюбно, с симпатией друг к другу, распрощались.

Я прочитал материалы, и настроение у меня сразу испортилось. Правда, речь о причастности семьи президента к коррупции в тех бумагах еще не шла, но люди, близкие к нему – особенно из числа руководителей управления делами, – были замешаны очень сильно.

Там были данные о чиновничьих счетах, о механизме хищений, о взятках и так далее. Тогда-то первый раз и всплыло название фирмы «Мабетекс». В общем, материалы были серьезные, но уголовное дело мы возбуждать не стали… Пока не стали. Надо было произвести тщательную доследственную проверку и уж потом, когда факты подтвердятся, приступать к следствию и возбуждению уголовного дела.

Проверку я поручил проводить Мыцикову Александру Яковлевичу, советнику Генпрокурора. Можно было бы дать Катышеву, но на него и так на Кремлевском холме смотрели косо, при упоминании его фамилии морщились, будто от зубной боли, поэтому Михаила Борисовича подставлять было нельзя.

Более того, мне неоднократно предлагали его уволить, в том числе и Черномырдин в бытность свою премьером. Так что пусть проверкой займется Мыциков. Мыциков был человеком опытным. Прокурорский генерал, он много занимался следствием, был когда-то заместителем прокурора Омской области, затем начальником управления в Генпрокуратуре…

Материалы я передал Мыцикову из рук в руки. Знали о них только мы двое.

Работа шла в обстановке глубочайшей секретности. Мыциков подготовил ряд запросов в ФСБ, МВД… Увы, пусто. Ни ФСБ, ни МВД ничего по «Мабетексу» не дали.

Выручил Владимир Семенович Овчинский – руководитель российского национального бюро Интерпола. Это очень знающий, очень грамотный человек, доктор наук. Сейчас Рушайло, нынешний министр внутренних дел, убрал его из системы МВД. Овчинский прислал мне кое-какие материалы, в которых неожиданно всплыла фамилия Паколли. Вместе, естественно, с «Мабетексом».

Информацию по Паколли НЦБ расширило, и на поверхность всплыл следующий факт: еще в 1997 году, осенью, Беджет Паколли прибыл в Москву на своем самолете. Приземлился во Внуково-2. С собой Паколли привез крупную сумму денег, которую не задекларировал в документах и не предъявил таможне – по сути, это была контрабанда, – чемодан с деньгами кинул в машину и поехал в город.

По дороге машина была остановлена сотрудниками милиции, обыскана, они имели такое право, в результате контрабанда в виде валюты, хорошо известной всем (писатель Юрий Нагибин называл ее валютой цвета щавелевых щей), очутилась в районном отделении милиции.

Беджет Паколли в тот раз прилетал в Москву со своим братом Ахримом (их много, братьев Паколли, косовских албанцев, и все кормятся около Беджета), оба они были задержаны… Сотрудники милиции начали было работу, но тут последовал телефонный звонок одного из заместителей руководителя администрации президента: прекратить разбирательство!

Звонок сработал: братьев Паколли отпустили.

А еще говорят, что у нас отменено телефонное право. Как бы не так!

Братья уехали, но документы о задержании их остались. Мы эти документы затребовали к себе в прокуратуру – хотя их нам и не хотели давать, – и провели служебную проверку: почему эти документы оказались не отработанными до конца?

Вот тогда-то и всплыла фамилия высокого покровителя братьев Паколли.

Я думал, что не только в МВД и в ФСБ, но и в Службе внешней разведки должно быть что-то по «Мабетексу», но СВР мне тоже ничего не дала, понимала, куда ведут нити, и просто-напросто боялась этого.

Осенью я попал в кремлевскую больницу с пневмонией, – странная это оказалась болезнь: температуры совсем не было, только пот, кашель, слабость и боли, видимо, ослабленный перегрузками организм перестал бороться, – а хрипы, те были такими, что все легкие выворачивало наизнанку, особенно в нижней части легких, – но я должен был ехать во Францию. Визит этот я не стал отменять, – там меня малость подлечили наши посольские врачи, – и на обратном пути завернул в Швейцарию.

Об этом визите мало кто знает. Меня встретила госпожа дель Понте, выделила бронированный «мерседес» и охрану, – встретила много теплее, чем, допустим, в первый мой визит, – наверное, поняла, что я действительно стараюсь служить закону, – поэтому так и изменилось ее отношение ко мне.

Госпожа дель Понте показала ряд дополнительных материалов по «Мабетексу», познакомила с Филиппом Туровером – самым важным свидетелем по этому делу, по характеру – этаким «возмутителем спокойствия». Мы провели с ним разговор, и я понял – человек этот действительно знает очень много. Корни у Туровера – российские, мать у него русская, отец – испанец, один из лучших ученых-испанистов, под его редакцией выходили многие словари в России. Мы договорились, что он приедет в Москву и даст в прокуратуре России показания.

Вот тогда-то у нас и сложился с Карлой дель Понте прокурорский тандем, появился настоящий контакт. Мы договорились с госпожой дель Понте бороться с русской мафией до конца.

Я рассказал госпоже дель Понте, что происходит у нас в России, стране, ставшей страной бесправия, разительно отличающейся от европейских государств, где все без исключения, от дворника до президента, уважают законы. У нас все сложилось по-другому…

Вскоре я улетел в Россию. Через некоторое время в Москве появился Туровер и дал показания. Очень интересные, замечу, показания, очень убедительные, раскрывающие глубину воровства и коррупции кремлевской верхушки.

Показания Туровера, плюс показания других свидетелей, плюс бумаги, имевшиеся у нас на руках, дали нам возможность 8 октября 1998 года возбудить уголовное дело по «Мабетексу». Расследовать его решили в конфиденциальном режиме.

Я направил в Швейцарию два международных поручения с просьбой провести в штаб-квартире «Мабетекса» обыски и выемки документов.

25 января 1999 года госпожа дель Понте провела эти обыски. Информация немедленно просочилась в печать – там же, за рубежом… Такие слухи распространяются мгновенно, многие корреспонденты бросились к нам, но я сказал Звягинцеву, старшему помощнику Генпрокурора по связям с прессой: пока никаких комментариев!

Тут госпожа дель Понте, как мне кажется, допустила ошибку: вместо того чтобы Беджету Паколли показать выписку из моего ходатайства об оказании правовой помощи, показала целиком мое письмо, отпечатанное на немецком, французском и русском языках.

Я не думал, что так все произойдет, – для меня это было неожиданностью: ведь в международном поручении был перечислен список лиц, которых мы подозревали, были перечислены фирмы и так далее. Я-то писал это поручение для госпожи дель Понте, а попало оно к Паколли.

Паколли немедленно схватил это поручение, прыгнул в самолет и примчался в Москву.

Вот тогда-то моя участь и была решена. Была решена людьми, которых и в глаза и за глаза называют Таней, Валей, Борей, Сашей, Ромой… Эти люди немедленно помчались к Самому и заявили: «Скуратов работает против вас, всенародно избранного президента». Решение, что было принято, оказалось, что называется, окончательным.

Проведя обыски, госпожа дель Понте позвонила мне в Москву и сказала:

– Господин Скуратов, мы изъяли документы, свидетельствующие, что за счет Паколли открыты кредитные карточки для президента и его дочерей Татьяны Дьяченко и Елены Окуловой. Президент карточками не пользовался, дочери его – пользовались активно.

Звонок был сделан по обычному телефону, прошел через несколько стран, и думаю, через очень короткое время расшифровка нашего разговора легла и на соответствующие кремлевские столы. Просто госпожа дель Понте очень плохо ориентировалась в российских реалиях – тех самых, для которых законы не существуют вовсе.

Тогда же она мне сообщила и о злополучных костюмах, которые я, к своему несчастью, сшил с помощью Пал Палыча Бородина. Произошло это совсем недавно, и сама эта история у меня никаких опасений тогда не вызывала.

Человек я – государственный, Россию мне приходится представлять в самых разных углах земли, на самых разных мероприятиях, и, естественно, как всякий чиновник, который служит своей родине, я должен был и одет соответственно. Ведь человека, как известно, встречают по одежке, особенно, если этот человек является Генеральным прокурором. Должность, хочу заметить, немаленькая, в России она приравнена к посту вице-премьера. Шил я эти костюмы через управление делами президента, через Пал Палыча Бородина, денег с меня не взяли – за счет государства шьем, мол… Только при чем здесь Паколли?

За счет государства – да, я это допускаю, – должность к тому обязывает, но Паколли! Нет, что-то тут не увязывается. Одно не увязывается с другим… Никак не увязывается.

Но Карла дель Понте произнесла довольно внятно:

– Паколли утверждает, что пошил для вас костюмы.

Не верить ей у меня не было никаких оснований.

Хоть и был я готов ко всяким неожиданностям, но чтобы к такой… Нет, к этому я все-таки готов не был.

Неужели не только Пал Палыч, но и наш президент связан с «Мабетексом»? Во все этом надо было разбираться. По нашим понятиям, взятка – это преступление, по швейцарским же – человек, давший взятку, просто заносит ее в налоговую декларацию, «озвучивает», – и преступлением это совсем не считается – проходит под графой «комиссионные». Наверное, в условиях Швейцарии это такая же необходимость, как в наших – потребность каждый день есть хлеб: фирмы конкурируют друг с другом, стремятся перехватить заказчика, подманивают его и так и этак, потому взятка и считается там обычным «капиталистическим» явлением. Может, Ельцин вообще ничего не знает об этих кредитных карточках, а? Но то, что знали Татьяна и Елена, – это совершенно однозначно. И суммы, что были сняты с двух карточек, приличные. Очень приличные…

В общем, теперь, спустя время, я могу сказать, что самые чувствительные удары мне были нанесены из-за «Мабетекса». Один олигарх сказал мне совершенно откровенно:

– Главная причина атаки против вас, Юрий Ильич, – то, что вы начали работать против «семьи».

Не против «семьи» я начал работать, и уж тем более не против семьи президента – я начал работать против преступников, против «большого кармана».

В документах, изъятых из штаб-квартиры «Мабетекса», надо было разобраться. До конца разобраться. Перед законом, полагал я, все должны быть одинаковы… Наивный я был человек.

– Что значит, я работаю против «семьи»? – сказал я тому олигарху. – Я расследую уголовное дело, и если в нем оказалась замешана семья президента, то значит, это она, а не я работает против «семьи».

Закон, повторяю, один для всех, нас этому учили еще в школе, и оттого, что изменилось время, вряд ли изменилась эта истина. Пока мы не научимся соблюдать законы, нас просто не будут уважать нигде, ни в одной цивилизованной стране. И пока мы не научимся это делать, порядка в России не будет, и государства крепкого не будет, и веры правителям нашим не будет. Не может так быть, чтобы для них существовали одни стандарты, а для народа другие… Человека, укравшего в деревне курицу, бросают в каталажку, а тут что происходит? Целые заводы крадут! Прииски, месторождения! То, что обнаружилось, было крайне неприятно для меня, и я, невзирая на лица, был готов расследовать это дело до конца.

Произошла некая концентрация грешных сил, я нарушил принцип критической массы, врагов набралось столько, что я уже не мог с ними бороться. Против меня выступили не только те, кто был замаран «Мабетексом», замаран преступными деньгами, против меня начали выступать те, кто в силу своих служебных обязанностей вынужден был брать под козырек. Тот же Бордюжа, например. К его рукам ничего не прилипло, я в этом уверен стопроцентно, но он пошел против меня.

Очень активную роль в моем освобождении от должности сыграл Березовский. Это безусловно. Без его участия не решался ни один важный вопрос в стране. Велика в этом деле и роль Дубинина, бывшего председателя Центробанка, который был очень обеспокоен тем, что прокуратура заинтересовалась деятельностью этого главного денежного ведомства страны. Суть их «взаимодействия» в деле моего освобождения от занимаемой должности очень наглядно отражает расшифровка телефонного разговора Березовского с Дубининым. Материал этот, который был опубликован в «МК», я привожу полностью.

«17:54. Входящий звонок: номер не определился.

Березовский Борис Абрамович (Б) разговаривал с Дубининым (Ъ):

Б. Приветствую тебя.

Ъ. Привет. Я хотел бы быстро по теме наших боданий с прокуратурой. Сейчас на телевидении все благополучно проходит, я думаю, что… в этом плане спасибо…

Б. За спасибо ничего (…).

Ъ. На самом деле меня что тревожит: он явно не случайно предложил перенести всю эту дискуссию на Совет безопасности. Я думаю, что там у силовиков некая согласованная позиция и они хотят из этого сделать (…) политические выводы, потому что на уголовное у них не тянет, а политические там как раз раздуть да еще от имени президента. Это же Совет безопасности, понимаешь? Такая идет подтасовка – и самого президента, и вас всех под монастырь.

Б. Я не знал развития событий, так как я не в Москве, я еще в Швейцарии.

Ъ. А, понятно.

Б. Я думаю, что вообще есть возможность (…) на этот процесс.

Ъ. Мне кажется, что никому сейчас это судилище над рыночной экономикой на Совете безопасности не нужно (видимо, речь идет о делах Центробанка, кредитах МВФ и обвале пирамиды ГКО. – Ю. С.)

Б. Это нужно. Это нужно Примакову, это все прекрасно понимают. Примаков же играет совсем другую игру, это всем ясно… Здесь как бы позиция Примакова, моя и других членов (коллегии?) расходится кардинально. Поэтому я бы (…) на все рычаги, чтобы это останавливать.

Ъ. Лучше это, грубо говоря, не принимать на Совет безопасности, сказать, что это не то место, куда надо тащить.

Б. А откуда у тебя информация, что это на Совет безопасности?

Ъ. Он заявил в печати. Он заявил, что предлагает, что обращается к президенту с этим. Видимо, туда отправил какой-то документ.

Б. Дело в том, что его дни тоже сочтены, Скуратова.

Ъ. Ну он, насколько я знаю, собирается по-другому себя повести. Не подавать заявления.

Б. Не будет подавать заявления, создаст для себя колоссальную проблему.

Ъ. Тем не менее.

Б. А у тебя (…) информация есть? Если президент ему предложит – он не подаст?

Ъ. Да. Он уходит в такую четкую оппозицию.

Б. Очень хорошо, это как раз нас устраивает.

Ъ. Черт его знает. По-моему, лучше, чтобы там был бы нормальный, вменяемый, грамотный, честный человек.

Б. Последнее особенно важно, потому что эта скотина полностью коммунистическая. Спасибо, что сказал. Я тоже там передам по цепочке. И я думаю туда (…), чтобы не рассматривали.

Ъ. Да, надо отбиваться».

Редакция сопроводила этот разговор следующим комментарием, с которым трудно не согласиться:

«Мы сознательно не хотим комментировать разговор двух потенциальных клиентов Генеральной прокуратуры. А всего лишь привели его в том виде, в каком он фигурирует в материалах уголовного дела. Разговор очень коротенький, но весьма показательный. Из него можно сделать как минимум пять выводов.

1. Дубинин с Березовским находятся в особо доверительных отношениях.

2. Истинной причиной отставки Скуратова стали общие дела Березовского и Дубинина. При этом непонятно: то ли общие дела Дубинина с Березовским по «Андаве» (напомним, именно Сергей Дубинин по личной просьбе БАБа выдал валютную лицензию «Андаве». – *Ред.),* то ли общие дела Березовского с Дубининым по «перевариванию» российской рыночной экономикой кредитов МВФ.

3. Отставка Бордюжи была предрешена в тот момент, когда Скуратов предложил рассмотреть материалы доследственной проверки по Центробанку, «Мабетексу» и Аэрофлоту на Совете безопасности.

4. Березовский знал о существовании скандальной видеокассеты еще до ее демонстрации по РТР и сознательно вел дело к ее обнародованию.

5. Евгений Примаков теперь знает, кого ему благодарить за свою отставку…»

К той поре Евгений Максимович еще не был снят со своей должности.

Но вернемся к памятному визиту генерального прокурора Швейцарии в Россию.

Из Шереметьева мы поехали в наше загородное хозяйство, на реку Истру. Одни называют это хозяйство медицинским центром, другие пансионатом, третьи зоной отдыха, четвертые еще как-то, но суть нашей «Истры» от названия не меняется: это прекрасное место. И корпуса здесь прекрасные, и природа – дивный хвойный лес и знаменитая река под боком.

Прежде всего, как и положено по российским обычаям, пообедал и. Лишних вопросов госпожа дель Понте не задавала. Она имела хорошую, хотя и не полную информацию о том, что происходит у нас, и, честно говоря, сочувствовала мне – прекрасно понимала, что означает оказаться в моей шкуре.

Первый день мы провели в переговорах – продолжительных, они шли пять часов без перерыва. И хотя госпоже дель Понте были приготовлены апартаменты на Истре, она решила все-таки уехать в Москву, в резиденцию посла.

Слово гостьи – закон для хозяев. Я сам повез госпожу дель Понте в Москву.

Второй день переговоров был также плотным и трудным. В основном шел разговор о возврате незаконно перекачанных за кордон денег в Россию. Этих денег было много, очень много, они перекрывают все кредиты, которые мы, как жалкие нищие, выклянчиваем у Запада, стоя с протянутой рукой.

Унижаемся, просим, преданно заглядываем в глаза… Противно.

А ведь деньги эти можно вернуть, и унижаться ни перед кем не надо, и долги можно отдать, и кредиты вернуть, и проценты выплатить. Механизм возврата денег хотя и не прост, но реален: необходимо решение российского суда.

Вот тут-то и вся загвоздка. Будет ли такое судебное решение? Скорее всего, нет. Кремлевские богачи вряд ли это допустят, уберут любого судью и с любым прокурором поступят точно так же, как со мной, если те станут покушаться на «большой карман». Прокуратура на нынешний день возбудила уголовные дела – те, что связаны с «Андавой», «Мабетексом», фирмой «Нога» и другими фирмами. Но дойдут ли эти дела до суда, не ведомо никому.

Как только мне окончательно отобьют руки и перестанут пускать в прокуратуру, так эти дела быстренько спустят на тормозах. И никаких судебных процессов, естественно, не будет.

И останутся кровные денежки россиян за кордоном.

Конечно же, высокопоставленные жулики, размещая ворованные деньги на счетах в Швейцарии, надеялись, что это никогда никому не станет известно, кроме них, родных и любимых, и членов их семей – ведь банковские тайны в этой стране покрепче тайн государственных, их не раскрывают даже под пытками, но одного не учли отечественные казнокрады: на преступные деньги в Швейцарии банковские тайны не распространяются. Скорее даже наоборот…

И вообще, швейцарские правоохранительные органы прекрасно понимали, что за деньгами, которые в эту страну перекачали мошенническим путем, придут сами бандиты и превратят маленькую процветающую Швейцарию в некое исчадие ада, в котором самим швейцарцам будет жить тошно.

Работал я в те дни в страшном напряжении, совершенно не думая о том, что наступит 6 апреля и меня снова потащат на Голгофу – ведь заявление-то мое, «недобровольное», лежит в сейфе у президента. Я постарался вырубить эту дату из себя, не оглядываться на нее, не думать о ней.

А ведь 6 апреля мне придется уйти из Генпрокуратуры уже окончательно. Тяжело было…

После двух дней работы в Генеральной прокуратуре устроили обед. Во время визита Карла дель Понте не давала никому интервью. В прокуратуру тем временем чудом пробрался Александр Хинштейн, встретился нам по дороге. Я увидел его молящие глаза и решил помочь:

– Госпожа дель Понте, у нас есть один очень незаурядный журналист Александр Хинштейн, ответьте, если можно, на несколько его вопросов.

Так Хинштейн оказался единственным из российских журналистов, кому госпожа дель Понте дала интервью. Хотя ажиотаж вокруг ее визита был страшный, к генпрокурору Швейцарии пытались прорваться сотни журналистов, но не прорвался никто.

В тот же день госпожа дель Понте улетала к себе домой. В аэропорту я подарил ей большой букет цветов, наши хозяйственники устроили чай.

Как выяснилось позже, славные российские спецслужбы очень боялись, что я улечу вместе с госпожой дель Понте в Швейцарию – запрыгну в самолет и буду, как говорится, таков. И всякие грузчики, носильщики, водители автокаров, находившиеся около самолета швейцарского генпрокурора, были переодетыми работниками соответствующих служб.

Наши кремлевские горцы боялись, что я вступил с Карлой дель Понте в сговор и, оказавшись на территории иностранного воздушного судна, постараюсь улететь за рубеж и оттуда вести разоблачительную кампанию против президента и его семьи.

Информация эта – стопроцентно верная. Один человек даже предупредил меня:

– Юрий Ильич, не пытайтесь зайти в самолет.

Стало понятно, что если бы я попытался проводить госпожу дель Понте не до трапа, а, скажем, до салона, до кресла, то самолет в ту же минуту начали штурмовать спецназовцы.

Да-а, публика кремлевская, похоже, совершенно не знала меня. Я никогда, ни на каком этапе жизни, даже в трудную пору не представлял себя в роли диссидента и не мыслил себя им, никогда не собирался, не собираюсь и вряд ли в будущем соберусь куда-либо эмигрировать. Это совершенно исключено. Россия – моя страна, моя родина.

Странно даже, что они могли предположить, будто я пойду на такой шаг, очень странно.

От военного самолета, на котором прибыла госпожа дель Понте, откатили трап, завыли стартеры запускаемых моторов.

Через несколько минут Карла дель Понет улетела. Я остался один. Было грустно.

Когда остаешься один, это печально и плохо, в душе ералаш, в голову приходят тяжелые мысли. В общем, любой может понять состояние, в котором я находился. Россия по сравнению со Швейцарией – совершенно дикая, неправовая, почти неуправляемая страна. То, что происходит у нас, для Швейцарии – нонсенс. Карла дель Понте не могла понять – и вряд ли когда поймет, – разве можно себя вести так по отношению к прокурору, как ведут у нас? Особенно по отношению к тому прокурору, который начал расследование в отношении президента и его окружения? В Швейцарии, в США, в Германии, во Франции любой чиновник, какого бы высокого полета он ни был, мигом бы слетел со своего кресла! А если бы вмешался президент, то слетел бы и президент. У нас же нет – один беспредел покрывается другим.

С тяжелым чувством я вернулся в город. Я понимал – нахожусь под колпаком, меня прослушивают, за мной следят, каждый шаг засекают. Уже, по сути, началась подготовка к заседанию Совета Федерации.

Если мне надо было с кем-то переговорить, я выходил из кабинета, старался провести разговор в коридоре либо в другом кабинете.

Когда-то кабинет Генпрокурора был прекрасным – дубовые панно, старая мебель, великолепный наборный паркет… Ведь в кабинете этом работал не только Вышинский, не только Руденко – работал когда-то сам Сталин. В пору, когда он возглавлял Наркомнац – Наркомат по делам национальностей. Занимал его около года.

Здание прокуратуры на Большой Дмитровке – историческое, кабинет – тоже исторический, и, по моему глубокому убеждению, ломать что-либо в нем, менять, переиначивать было нельзя.

Но после ухода Степанкова из Генпрокуратуры в бывшем сталинском кабинете появился Ильюшенко. Как всякий новый господин, потребовал переделок. Хапсироков кабинет перелопатил, сломал в нем все, сделал очень длинным, объемным, это уже был не кабинет, а какой-то зал. Чтобы добраться до стола Генпрокурора, посетитель должен был пройти длинный путь, метров пятнадцать, не меньше.

Новый кабинет Ильюшенко был сделан в каком-то легкомысленном итальянском стиле, с розовой сухой штукатуркой, со шторами, больше подходившими для совершенно другого заведения, непуританского, скажем так, типа. В общем, кабинет превратился в то, что когда-то демонстрировалось в серии «Нарочно не придумаешь».

Кабинет переделывать я не стал – просто не мог, не имел права, на это надо было потратить денег не меньше, чем потратил Ильюшенко. Надо было обойтись малыми потерями. На стены я повесил несколько старинных гравюр с изображением Верхнеудинска, как раньше назывался Улан-Удэ, Екатеринбурга и Москвы.

Повесил также очень хорошую карту России. Собственно, раньше это была карта Советского Союза, но поскольку полотно это было жаль терять, то из него сделали карту России. С новой границей. Старые же контуры тоже остались. И служили они неким грустным напоминанием: какую же все-таки великую страну мы потеряли! Одной трети нету – какой-то огрызок Союза…

Конечно, работать надо было так, чтобы на оставшейся территории люди жили нормально.

Попытался я найти старые дубовые панели, которые Ильюшенко содрал со стен, но не тут-то было – их и след уже простыл, наверняка они были вывезены на свалку либо за бесценок проданы на сторону.

В общем, порою я чувствовал себя в этом чужом кабинете неуютно. А сейчас стал чувствовать себя еще более неуютно. Кабинет этот всегда был на особом счету, прослушивался вдоль и поперек, сотрудники из группы технического контроля нашли в нем старые прослушивающие устройства – еще времен Ильюшенко, через аппараты правительственной связи вообще проводился съем любой информации, – о чем шла речь в кабинете, становилось тут же известно в другой части Москвы, поэтому говорить теперь я старался немного и крайне осторожно. А если надо было посекретничать, то, повторяю, вообще покидал кабинет.

Это здорово нервировало кремлевских обитателей. Неведение вообще всегда беспокоит. А этим людям было чего бояться и о чем беспокоиться.

Напряжение нарастало.

Но работа шла.

Одновременно я готовился к 6 апреля, к заседанию Совета Федерации.

Этот день неуклонно приближался. Все ближе и ближе…

Но состоялось заседание не 6 апреля, а 21-го. И 22-го. Оно шло два дня.

Прокуратура действует

Кремлевские стратеги слишком поздно поняли, что допустили ошибку, дав мне своеобразный «тайм-аут» с 18 марта по 5 апреля. За это время я рассчитывал продвинуть шумные уголовные дела дальше. Меня уже ничто не могло остановить. Недаром Евгений Киселев в одной из своих передач сказал, что прокуратура ныне напоминает корабельную пушку, отвязавшуюся во время шторма: ей все нипочем.

За две недели мы сделали столько, сколько потом Генеральная прокуратура не смогла сделать за срок, во много крат больший. И вряд ли когда сделает.

Я оставил у президента в ЦКБ второе заявление об отставке, приехал к себе на работу и созвал совещание. Мне надо было держаться, нельзя было показывать, что на душе тошно – иначе раздавят, точно раздавят… Одно я понимал твердо: что бы я ни делал, что бы со мной ни делали, что бы вокруг меня ни крутилось, вопрос мой так или иначе будет обсуждаться Советом Федерации и судьбу мою будет решать Совет Федерации, только этот Совет, и никто больше.

Если бы президент действовал честно, не был бы заодно с этими игроками – сложилась бы одна ситуация, если бы не применялось никакого давления – все бы произошло по-другому и финал был бы другой: мы бы спокойно разобрались и с пленкой, и с нашим отечественным ворьем, и со счетами высокопоставленных особ, и – если бы того потребовали интересы дела – я бы ушел в отставку, не задумываясь. А сейчас – нет!

Меня пытались шантажировать, повели со мной недостойную игру, и мне, чтобы не быть уничтоженным, надлежало в эту игру вступить.

С Кремлевского холма стали раздаваться голоса: я не сдержал слова, не ушел… Не я не ушел, а меня не ушли, – вот так будет правильно. «Не ушел» и «не ушли» – это разные вещи. Совет Федерации не дал мне уйти, именно СФ решил разобраться, понять, что происходит. Игру со мной кремлевские моралисты повели без правил.

Но вернемся в 18 марта 1999 года. Я созвал совещание и спросил у своих замов, что будем делать.

Первым высказался Чайка. Он был очень осторожен:

– Может быть, есть смысл уйти в отпуск, Юрий Ильич?

Кехлеров сказал, что надо активизировать работу и действовать четко, жестко, показывая, что прокуратура не сломлена, она работает и сдавать своих позиций в борьбе с коррупционерами не собирается.

Розанов еще раз подтвердил свою верность:

– Юрий Ильич, я буду с тобой до конца…

Ни одни из замов не сказал мне, что нужно уйти. Может быть, мужества недостало сказать мне в лицо, что я в этой ситуации должен уйти? Не знаю.

Лучше всех выступил Катышев, который точно подметил, что начинается рукопашный бой, надо сконцентрироваться, что мы имеем дело с наглыми людьми, с преступниками, занимающими государственные должности и в силу своих должностей подключившими государственную машину…

– За нами система, Юрий Ильич, – сказал он, – бояться не будем. Рукопашная так рукопашная. Я с вами, что бы ни случилось.

Колмогоров, Давыдов, Демин тоже поддержали меня. Наметили конкретный план действий. В первую очередь решили резко активизировать расследование. И вовсе не потому, что моим врагам после этого будет худо – совсем нет, просто я понимал, что, кроме меня, этого не сделает никто, ни один человек в прокуратуре: у меня и пакет информации собран соответствующий, и власти, прав побольше, чем у других.

Но, кроме всех этих соображений, были и другие резоны. Это резоны конечной истины: ведь должен же кто-то в этой стране сказать ворам, что они – воры… Независимо от того, кто они – близкие родственники президента или обычные жулики, которые заползли в приоткрытую дверь, будто дым. За это мне простые люди, «россияне», как выражается президент, только спасибо скажут. Ну а если удастся вернуть несколько десятков или даже сотен миллиардов долларов в страну, в Россию, скажут спасибо вдвойне, втройне…

Только ради одного этого стоило жить и работать. И драться, невзирая на каток государственной машины, что набирал обороты, крушил, давил все попадающееся на его пути и грозил размять меня…

Первым делом мы провели выемки документов по «Мабетексу» из Кремля, в 14-м корпусе, где находились службы управления делами, на Старой площади и в других местах, я дал команду начинать допросы тех, кто подозревался в преступной связи с этой фирмой, а мы начали готовиться к визиту прокурора Швейцарии Карлы дель Понте. Активизировали расследование по «Андаве» и Аэрофлоту, запланировали ряд акций по расследованию деятельности швейцарской фирмы «Нога», в ближайшее же время собирались активизировать работу по Центральному банку, провести выемки документов и обыски в «Атолле»…

«Атолл» – это личная охранная фирма Березовского, напичканная современным подслушивающим оборудованием, которая, как принято говорить в среде оперативников, «пасла» «сильных мира сего». В том числе занималась и прослушиванием разговоров президентской семьи.

Это была личная силовая структура Березовского, и как тот ни пытался от нее откреститься, делая вид, что никакого отношения к «Атоллу» не имеет, ему этого не удалось.

Надо сказать, оперативники из регионального управления по борьбе с организованной преступностью случайно наткнулись на нее, заинтересовались, и когда копнули, то пришли в состояние некоего столбняка: слишком много высоких имен обрабатывали люди, снявшие под свои производственные нужды помещение в подвале жилого дома на 13-й Парковой улице.

Обозначилась и новая фирма с криминальным душком, также работающая на «большой карман», – «Сибнефть», возглавляемая человеком, широкой публике пока мало известным, – Романом Абрамовичем. Возникла необходимость заняться и этой фирмой.

Стали мы готовить обыски и в Национальном резервном банке, тесно связанном с Центробанком, заинтересовались нарушениями ЦБ, подпадающими под статьи Уголовного кодекса, а также охранным агентством «Конус», обслуживающим Национальный резервный банк, – структурой с грязной репутацией.

Эх, если бы прокуратура все время работала в таком режиме – сколько бы дел нам удалось сделать! Но, увы… Для этого нам надо было бы иметь в три раза больше сотрудников.

Кроме того, события последнего времени невольно наводили на мысль, что на всех силовиков у окружения Бориса Николаевича были свои пленки с компроматом. К этому выводу пришли многие журналисты после того, что случилось со мной. Иначе ведь силовиков не удержать в руках, они могут начать «неуправляемую» войну с беспределом. А это, как показывают события, Кремлю как раз и не нужно. Всех, кто сумел приблизиться к тайнам заоблачных счетов и их владельцам, убирают. Убрали Алмазова – честного налогового полицейского, убрали Кожевникова – честного главного следователя МВД, и так далее. Список этот можно продолжить.

Путин, находясь в свое время во главе ФСБ, постарался особо – расформировал самые опасные для всякого супер-крупного ворюги управления – экономической контрразведки и контрразведывательного обеспечения стратегических объектов. Первое раскручивало все самые громкие экономические дела последних лет, второе – не давало, чтобы предприятия, составляющие славу России, позволяющие ей защищаться, не уходили за бесценок в руки иностранцев. Теперь этих управлений нет. Похоже, что Путин выполнял чей-то заказ. Чей?..

Я понимал, что времени мне отведено совсем мало, я спешил… Мне было приятно отмечать, что многие сотрудники были рады моему появлению в прокуратуре, их лица при встрече светлели, каждый стремился сказать хотя бы несколько поддерживающих слов, меня останавливали в коридорах, желали удачи.

Это очень, очень поддерживало. Ведь поймите, мне было крайне трудно: я появлялся на работе примерно в восемь тридцать утра, покидал здание в одиннадцать часов ночи, все время находился в огромнейшем напряжении, все время на людях. Ведь я знал, что любой из этих дней может оказаться для меня последним. Хотя можно было послать, конечно, все ко всем шутам, закрыть глаза на коррупцию и кремлевское воровство и пойти на компромисс, который мне постоянно предлагали Путин и Степашин – дать, например, согласие войти в состав Конституционного суда (должность очень почетная) вместо умершего Олейника или уехать послом в Финляндию. И все бы мигом забылось, и сам бы был целее, не рвал бы себе нервы и сердце. Но этого я не мог себе позволить.

Надо отдать должное сотрудникам Главного следственного управления, руководимого Михаилом Борисовичем Катышевым, – они работали не покладая рук – самоотверженно, на износ, приезжая на работу рано утром и уезжая поздно ночью. С огромным теплом я вспоминаю Владимира Ивановича Казакова, Георгия Тимофеевича Чуглазова, Петра Георгиевича Трибоя и других. Это на них сделали ставку и Катышев и я, это они заставили Россию приникать к экранам телевизоров и ловить каждое слово о «прокурорских новостях», они не дрогнули, в отличие, скажем, от моего старого друга Розанова или Чайки, которые пытались хитроумно лавировать.

А сотрудники тринадцатого отдела, те вообще прислали мне стихотворение – пусть не такое звонкое, как, скажем, у Твардовского или Доризо, но очень искреннее.

Подписался под этим стихотворением весь отдел.

Уважаемый Юрий Ильич!Ура! Остались вы у дел,Порядочность ликует!Как рад 13-й отдел,Что разум торжествует!Мы знаем, будет трудно вам,Такой пойдет «Торнадо»,Но и бороться за ЗаконКому-то все же надо.Вам олигархов побеждать!Быть не должно иначе.Успехов в битве правовой,Здоровья и удачи!

Такие слова трогают до слез.

Должен заметить, что для кремлевских «горцев» мой выход на работу был полной неожиданностью. Они пытались подслушивать меня с помощью хитроумной техники, фиксировать мои действия через соглядатаев, но ничего у них не получалось. Все важные разговоры я проводил вне стен своего кабинета.

К этой поре в Кремле уже не стало Бордюжи, с ним разделались, что называется, круто, сковырнули ногтем в один миг, он даже ахнуть не успел, как очутился в больнице. Мне, честно говоря, сделалось жаль его. Ведь он, в сущности, действовал как солдат – выполнял приказ. Да и после содеянного у него, похоже, совесть заговорила… Плюс ко всему Бордюжа понял, что попал в нехорошую историю.

Когда я с ним говорил в последний раз, доказывая, что мне надо обязательно выйти на работу – ведь я, готовясь к заседанию Совета Федерации, не мог изучать материалы, что называется, на коленке, это я должен делать в служебном кабинете, – и Бордюжа согласился со мною:

– Да, Юрий Ильич, вам надо выйти на работу. Хотя бы ненадолго.

Он, вероятно, и не предполагал, сколь много нам удалось сделать за эти две недели.

Уголовное дело против Скуратова

Наступил апрель. Второго числа я по обыкновению вызвал машину на восемь утра. До работы мне от Архангельского ехать сорок пять, максимум пятьдесят минут, это уже проверено, так что в восемь сорок пять – восемь пятьдесят я практически всегда бывал на работе.

В восемь утра в дверь позвонили. Я открыл, на пороге стоял Юрий Башмаков, которого я раньше видел, но близко не сталкивался. Лицо какое-то сконфуженное, едва ли не виноватое.

– Юрий Ильич, принято решение о замене у вас охраны. Я – ваш новый начальник охраны.

В свое время я предупреждал Крапивина – главного охранного руководителя о недопустимости замены охраны, сказал, что ситуация эта скандальная. Башмаков, конечно же, был ни при чем, надо было добраться до своего кабинета, до вертушки, и там уж выяснить, в чем дело.

Когда ехали по Кольцевой дороге, то включили радио, в сводке новостей вдруг тревожным набатом грохнуло сообщение: «Указом президента Российской Федерации Генеральный прокурор Скуратов отстранен от исполнения своих обязанностей на период расследования возбужденного против него уголовного дела».

Час от часу не легче. Что за уголовное дело?

Я машинально спросил у водителя – водитель у меня был старый, Анатолий:

– Дружище, до работы хоть меня довезете?

Тот отозвался предельно дружелюбно:

– Сделаю это с особым удовольствием, Юрий Ильич!

Замечу, что как только закрутилась история с моей отставкой, я не встретил ни одного работника среднего уровня, который отнесся бы ко мне плохо – все относились с исключительным теплом и сердечностью.

Охрана у меня состоит из трех человек, это постоянная бригада. Плюс водители, которые также являются охранниками. Во время выездов – скажем, в какую-нибудь редакцию, – обычно выделялась выездная охрана, человек пять-шесть. Федеральная служба охраны – это очень отлаженная служба.

Приехав на Большую Дмитровку, я прошел к себе в кабинет. Не успел закрыть дверь, как появился дежурный помощник:

– Здесь находится представитель МВД, он хотел бы с вами встретиться.

– Кто это?

– Какой-то генерал. Кажется, начальник управления по охране объектов особой важности.

– Я встречусь с ним, как только освобожусь, – сказал я, и дежурный вышел из кабинета.

Мне сейчас надо было встретиться с другими людьми – со своими замами и узнать, что за история с возбуждением против меня уголовного дела. Ведь возбудить дело против Генпрокурора – штука, мягко говоря, непростая. Во-первых, возбудить это дело могла только прокуратура, а во-вторых, для этого нужно иметь очень высокие полномочия. Но какими бы они высокими ни были, все равно они не будут выше, чем у Генерального прокурора.

Тем временем собрались замы. Не было только Катышева – Михаил Борисович запаздывал. Когда он приехал, то первым делом сообщил:

– Дело против вас возбудила прокуратура Москвы.

– Как прокуратура Москвы? Это исключено! Это же нижестоящая прокуратура. Срочно найти Герасимова!

В это время мне по радиосвязи сообщили:

– Герасимов едет к вам!

Герасимов, прокурор Москвы, мог в это дело внести ясность.

Потянулись тягостные минуты.

Чайка на всякий случай предупредил меня:

– Юрий Ильич, вы только не горячитесь и не делайте никаких резких движений.

Тут в кабинет вошла секретарша и сказала, обращаясь к Чайке:

– Вам звонит президент!

Мы переглянулись. Чайка поспешно вышел из кабинета. Через несколько минут вернулся и сообщил:

– Звонил Борис Николаевич. Просил взять руководство Генеральной прокуратурой на себя.

Невольно мелькнула мысль: а ведь Чайка этого звонка ждал. Я тут же отогнал эту догадку от себя: не об этом сейчас надо думать. О другом. О том, как быть, как жить дальше. Вскоре в кабинете появился Сергей Иванович Герасимов.

– Утром ко мне пришел Росинский, мой заместитель, – сказал он, – и заявил, что ночью его вызвали в Кремль, после чего он возбудил против вас, Юрий Ильич, дело. По 285-й статье, части первой, «Злоупотребления должностными полномочиями». Возбудил после того, как ему показали пленку и… и поставили вопрос ребром. Я спросил Росинского: «Почему не доложил раньше, почему не позвонил мне ночью, не рассказал все? Где материалы, по которым ты возбудил уголовное дело? Где постановление?» Росинский заявил, что пытался звонить мне, но не дозвонился.

«Так всегда бывает: звонил, но не дозвонился, хотел сообщить, но не успел», – невольно мелькнуло в голове.

– «А материалы где?» – спросил я у Росинского. Тот сказал, что материалы и пленку забрали к себе сотрудники ФСБ, – Герасимов замолчал.

Если бы материалы находились в городской прокуратуре, то Герасимов бы мог отменить постановление своего подчиненного. Без материалов он этого сделать не может. Выходит, заранее был предусмотрен и этот шаг.

Потом выяснилось, что Росинский возбудил уголовное дело без всяких материалов, без документов, по одной только кассете. Заранее сфабрикованной. Это было не только отклонением от юридических норм, это было самым настоящим беспределом.

Росинского я не знал, слышал только, что он – человек нетрадиционной половой ориентации, кое-кто даже со смешком предлагал его освободить в связи с переводом в «Голубой дом», чтобы не позорил прокуратуру, но я всякий раз на такие предложения отвечал отказом: мухи, мол, отдельно, котлеты – отдельно.

Позже пошли разговоры, – и были они очень стойкими, – что вызванному ночью в Кремль Росинскому была показана видеокассета с его похождениями среди «голубых» и было заявлено довольно жестко: «Если вы сейчас же, господин Росинский, не возбудите уголовное дело против Скуратова, эта кассета будет через несколько часов показана по телевидению!» Росинский незамедлительно подписал нужные бумаги.

Впрочем, вскоре стали известны еще кое-какие детали того, как его вызывали в Кремль, об этом я скажу чуть позже…

В кабинет в очередной раз заглянула секретарша:

– Юрий Ильич, в приемной сидит генерал МВД, ждет, когда вы освободитесь.

Я понимал, чего ждет этот генерал – опечатать мой кабинет. Со всеми документами, что имеются здесь, но я этого удовольствия ему пока не доставлю.

– Я еще занят, – сказал я секретарше, – пусть подождет.

Пока я буду находиться в кабинете, никакой милицейский генерал не посмеет меня выкурить отсюда. Тем более генерала не пускал ко мне начальник охраны прокуратуры Сергей Борисович Гриднев.

– Сидите! – говорил Гриднев генералу. – Надо будет – вас пригласят!

И тот сидел.

А мне важно было передать два документа, находившиеся у меня в сейфе, Катышеву. Кроме того, мне надо было подписать два международных поручения для Карлы дель Понте и также передать их. Нужно, чтобы эти документы сегодня же ушли в Швейцарию. Если я их передам другому заму, они могут навсегда застрять в этом здании и никуда не уйти.

Позвонил Степашин.

– Юрий Ильич, надо переговорить. Приезжайте ко мне. У меня находится Путин.

Я понял: Степашин делает шаг очень продуманный, он выманивает меня из кабинета, чтобы его генерал опечатал кабинет вместе с документами. Документы, особенно те, что были получены от Карлы дель Понте, – вот главное, что интересовало сейчас кремлевских «горцев» и тех, кто им служил.

Тем временем появился Катышев, и у меня немного отлегло от сердца: Михаил Борисович будет следовать букве закона и не станет юлить и прятать бумаги, чтобы покрыть чьи-то грязные делишки.

…Через некоторое время я уехал к Степашину. Генерал МВД вместе с Хапсироковым незамедлительно опечатал мой кабинет.

Все, моя собственная дверь захлопнулась у меня за спиной.

Степашин сказал мне, что утром президент пригласил к себе Строева и объявил: против Скуратова возбуждено уголовное дело, поэтому так или иначе, раз дело возбуждено (замечу, по совету Чубайса), Генпрокурор будет отстранен от должности.

– Вам надо дождаться конца расследования и не делать резких движений, Юрий Ильич, – сказал Степашин.

– А на каком, собственно, основании возбуждено уголовное дело? – спросил я. – Ведь Росинский не имел права возбуждать его, у него нет на это полномочий. Это незаконно. Не-за-кон-но. Правовая сторона нарушена…

Степашин постарался успокоить меня:

– Юрий Ильич, кабинет ваш все равно опечатан, поэтому не думайте ни о чем, поезжайте на дачу, отдохните там немного, придите в себя. Мы же с Владимиром Владимировичем будем способствовать, чтобы расследование прошло быстро и объективно.

Я уехал. Завернул на городскую квартиру, забрал там Лену и отправился на дачу.

В голову невольно – и не в первый уже раз – пришла мысль о том, что из прокуратуры уходит информация. Через какие-то щели – видать, неплохо оплаченные, – она просачивается наружу.

Я уже вел серьезный разговор с Пал Палычем Бородиным, – и разговор этот больше подходил на допрос, по моему указанию готовились допросы дочерей президента, крупных чиновников, чьи имена у всех на слуху, были произведены выемки документов в Кремле – дело принимало для «семьи» угрожающий оборот. И вот мы у себя в прокуратуре приняли решение об аресте Березовского. Повторяю – об аресте. Уже практически выписан ордер на его задержание.

Но… произошла утечка. Информация о Березовском попала в Кремль. Березовский этого боялся страшно, и в Кремле этого боялись, поэтому, когда Березовский летел в Москву, его остановили в Киеве и в Москву не дали воздушного коридора. Пока не рассосется ситуация.

И рассосаться она могла, только если уберут меня.

Я понял: в Кремле состоялось серьезное обсуждение и была выработана линия поведения, разработана тактика действий. Идея возбудить уголовное дело и одним махом выломать мне руки и лишить возможности действовать принадлежала, повторяю, Чубайсу. Чубайс вообще был одним из самых активных участников этой акции. Как и Березовский.

Вскоре была создана комиссия Совета безопасности по изучению моего морального облика. Хотя накануне я обратился с заявлением о возбуждении уголовного дела в связи с вторжением в мою частную жизнь и в связи с оказанием давления на прокурора, производящего предварительное расследование по фактам коррупции среди высших чиновников. Дело было возбуждено.

Состоялось первое заседание «моральной» комиссии, где Макаров, заместитель главы кремлевской администрации, – устроил мне допрос в присутствии пяти или шести человек, кое-кто из них принимал участие вообще в подготовке кампании по устранению меня от должности… Положение было, мягко говоря, интересным. Я сказал Макарову:

– Ведется следствие, оно установит, откуда взялась пленка, как была сделана запись и так далее. Все эти вопросы составляют предмет уголовного расследования. А так я не понимаю назначения вашей комиссии. Что это за комиссия по изучению морального облика? Без документов любой разговор будет беспочвенным. Напишите официальную бумагу в Генпрокуратуру, начальнику главного следственного управления Катышеву, он вам даст официальный ответ, и мы будем говорить, имея на руках официальный документ с фактами. А так это не разговор. Вы – не партком, чтобы проводить подобные разборки.

Очень активное участие во всех играх продолжал принимать Хапсироков. Дня за два до возбуждения против меня уголовного дела он поехал к Демину. Демин вел коллегию и, когда Хапсироков приехал, передал ведение своему первому заму Носову, а сам вышел к Хапсирокову посовещаться.

Надо полагать, Демин неспроста бросил важное заседание коллегии. Ведь не для того лишь, чтобы переговорить с Хапсироковым? Ну кто такой Хапсироков, чтобы ради него оставить заседание коллегии Главной военной прокуратуры?

Никто!

А потом Хапсироков, приехав на Большую Дмитровку, пытался выяснить в одном из управлений: как возбуждается уголовное дело в отношении прокурора? Вот оно, сюжетное колечко… Замкнулось.

Начали активно искать девочек – участниц видеосъемки, так называемых заявительниц, и оказывать на них давление. Первое их заявление было датировано 18 марта, последующие 25, 26 и 27-м числами. Выходит, с 18 марта Путин и Степашин совершенно незаконно проводили оперативно-розыскные действия, занимались доследственной проверкой…

В то же время Путин встречался со мной, дружески пожимал руку и говорил, как он мне сочувствует. Интересно было бы узнать, что у него самого в этот момент происходило в душе.

К моменту возбуждения уголовного дела Путин занимал два кресла: директора ФСБ и секретаря Совета безопасности РФ и, как вычислили аналитики, на него была возложена вся ответственность за решение «проблемы Скуратова».

Путин – выходец из Питера, оттуда был вынужден уехать в Москву, это произошло после провала Собчака на губернаторских выборах. В Москве он стал заместителем Бородина и уже из-под мохнатого крыла Пал Палыча пустился в высокий полет…

Вскоре стали известны еще кое-какие детали того, как против меня было возбуждено уголовное дело. Оказывается, ночью сотрудники ФСБ привезли Росинского в Кремль к Волошину, успешно заменившему Бордюжу в кресле главы администрации.

Тот продемонстрировал Росинскому пленку и дал проект постановления о возбуждении уголовного дела. Проект был совершенно безграмотный. Неведомо, кто мог его сочинить – вероятно, какой-то оперативник из МВД или ФСБ. В кабинете, кроме Волошина, находились Степашин и Путин.

– Берите материалы и идите в кабинет Татьяны Борисовны Дьяченю, – сказал Росинскому Волошин. – Он не занят. Если у вас возникнут какие-то трудности, имейте в виду, здесь находятся два заместителя Генерального прокурора России, они вам помогут.

Позже Росинский рассказывал Катышеву, что видел у подъезда две машины с номерами «АК», приписанными к прокуратуре. Скорее всего, это были машины Чайки и Демина. Ясно, что кремлевская администрация не пошла бы на возбуждение уголовного дела, если бы Чайка и Демин высказались против, но мои замы поддержали Волошина, и в результате возникло уродливое, с правовыми перекосами уголовное дело. Потом Степашин сказал мне:

– Не будьте так строги к Чайке и Демину. Им самим было предложено возбудить уголовное дело, но они отказались.

Не мог возбудить это дело Росинский, не имел права. Таким правом обладают только прокуроры субъекта Федерации – в данном случае, прокурор Москвы Герасимов, а также заместители Генерального прокурора. Росинский не мог возбудить дело не только против меня, а даже против рядового следователя в «лейтенантском» чине. Но, видать, придавленный своим собственным компроматом, – голубого цвета, – Росинский сделал то, чего не имел права делать.

Уголовное дело было возбуждено, как записано в постановление, по материалам ФСБ, а можно возбуждать только по материалам прокуратуры. Налицо процессуальное нарушение.

Материалы же в прокуратуру Москвы не поступали, они не зарегистрированы, а раз так, то они вообще не могли быть предметом рассмотрения для Росинского. Заявительницы, изображенные на злополучной видеопленке, не были предупреждены об ответственности за ложный донос. Все заявления – их вначале было три, одно датировано 23 марта, второе – 26-м, третье – 27 марта, написаны по сути одними и теми же фразами, на одной бумаге, с одними и теми же словесными оборотами, хотя писали их девушки вроде бы каждая самостоятельно и в разных концах Москвы. Налицо было очень грубое исполнение «умной» мысли, подкинутой кремлевским обитателям Чубайсом. Потом заявительниц стало больше, пять или шесть. Это что же выходит, они ждали, ждали, а затем в один прекрасный момент решили, что их жизни угрожает опасность и побежали за защитой в ФСБ?

Бред какой-то. Ясно было, что этих девушек подбирали специально, искали и нашли.

Генерал Баграев отметил, что при возбуждении уголовного дела был допущен целый букет нарушений. И как только Росинский – юрист в общем-то опытный – мог допустить их? Юрий Муратович Баграев даже высказал предположение, что Росинский допустил это с одной целью, чтобы дело можно было легко дезавуировать.

Но эта версия так и осталась версией, всем нам хочется думать о своих коллегах лучше, но не всегда это получается.

Первые дни после возбуждения уголовного дела были самые тяжелые. Надо отдать должное Госдуме – она активно поддержала меня. Были немедленно назначены слушания. В Госдуме хотели незамедлительно, прямо на следующий же день разобраться в происходящем. Позвонила Светлана Петровна Горячева – заместитель спикера, потом позвонил Анатолий Иванович Лукьянов… но решили вполне разумно: вначале надо чуть прийти в себя, остыть, а уж потом – разбираться.

И все равно это произошло гораздо раньше, чем предполагалось.

Все ожидали, что я буду на заседании Госдумы косить, что называется, налево и направо, рубить всех и вся, предоставлю лакомые материалы о коррупции в семье президента, но я не стал этого делать. Я понимал, что по отношению ко мне допущено вопиющее беззаконие, надо защищаться всеми средствами, которые у меня есть, но только не такими, опуститься до сведения счетов я не мог.

Одна газета написала, что я вел себя по отношению к президенту джентльменски, но он этого не заметил и вбросил на телевизионный канал пленку… Я видел лицо Алиева, которого показывали в тот же день по телевидению на саммите глав СНГ, видел, как Алиев смотрел на Бориса Николаевича, и думал: не дай бог гражданам нашей страны дожить до такого момента, чтобы вот так смотрели на своего президента.

Я уже не говорю о некоторых прошлых поступках президента, когда он дирижировал оркестром в Германии или мочился на

колесо самолета в Штатах, в аэропорту Балтимора, – это позор, – но есть вещи пострашнее, поглубже и посерьезнее поверхностного позора.

Нет, бороться надо правовыми средствами. Я не имел права использовать во время выступления в Госдуме материал, который мне передали швейцарцы, это было бы использованием служебных документов в личных целях. Есть следственная тайна, есть прокурорская этика, есть служебная этика, в конце концов, – то самое, что я не имел права нарушать. Так что все обиды и эмоции я отставил в сторону и до разоблачений в своем выступлении в Госдуме не скатился.

Дали слово Герасимову. Он сказал, что документы, по которым было возбуждено уголовное дело, в прокуратуре Москвы не зарегистрированы, о ночных действиях Росинского он ничего не знал. Росинский действовал незаконно. Более того, все следственные действия, по Уголовно-процессуальному кодексу, должны проводиться до 22 часов, – в общем, здесь все было совершенно незаконно. Ну, разве может нормальное уголовное дело быть возбуждено в два часа ночи?

Что же касается материалов, то вообще имела место массовая фальсификация. Росинский возбудил дело только по кассете и одному заявлению без подписи и адресата, других документов, как выяснилось, у него не было, потом эти материалы якобы взяло себе ФСБ… И держали их фээсбэшники у себя в течение восьми дней. На самом же деле еще ничего не было, сотрудники ФСБ только готовили нужные бумаги, готовили поспешно и неквалифицированно… Например, подготовили справку по уголовным делам, что ведет Генпрокуратура по Егиазаряну, подготовили заключение по кассете, другие бумаги по поручениям, данным директором ФСБ Путиным 4 апреля. А потом кто-то из сотрудников поопытнее обратил внимание на дату и схватился за голову: ведь так быть не должно! Это же идет вразрез с законом! И даты под всеми поручениями были переправлены на 1 апреля. Бумаги даже перепечатывать не стали, поленились. Все это было выяснено на следствии.

Итак, в два часа ночи было возбуждено уголовное дело, в восемь утра Ельцин пригласил к себе Строева, Примакова, своих сотрудников, объявил о возбуждении уголовного дела и подписал указ о моей отставке. Возникает еще один невольный вопрос: как в промежуток с двух часов ночи до восьми утра, в нерабочее время были собраны все визы на такой указ? А виз надо было собрать очень много.

Есть и другое. Фээсбэшники датировали свои многостраничные справки 2 апреля… И тут тоже встает вопрос: в какой период, а точнее, в какой конкретный промежуток времени 2 апреля эти справки были составлены?

Если Росинский возбудил уголовное дело 2 апреля в два часа ночи, то времени для составления такой объемной справки было очень немного – всего два часа. С двенадцати ноль-ноль до двух. Сюда же, в это время, к слову, входит и время доставки бумаг с Лубянки в Кремль.

Все спешно подверстывалось под одну идею, под один замысел чубайсовский, дьяченковский, волошинский, а о деталях исполнения думать уже было некогда. В общем, ясно, что справки появились позже возбужденного дела и указания об их подготовке давались Путиным позднее.

Деятельность Волошина, Росинского, Степашина и Путина, конечно же, нужно рассматривать в общем контексте шантажа, обмана, грубейшего нарушения российских законов. Думаю, что не за горами день, когда уголовное дело будет возбуждено против тех, кто все это сфальсифицировал. Вот тогда-то всем сестрам и выдадут по серьгам.

Но вернемся к заседанию Госдумы. Степашин выступил бледно, бледнее всех. Он думал, что я буду оглашать материалы, компрометирующие президента и его семью, но я этого не сделал. Степашин рассказал, что он был в Швейцарии, встречался с Карлой дель Понте не только там, но и в Москве и она никаких материалов ему не передала.

Действительно, Степашин был в Швейцарии, его посылали туда специально, на разведку, – и, думаю, не только на разведку, – госпожа дель Понте встретила его очень холодно. Вначале она вообще не хотела встречаться с ним. Но в Швейцарию прилетела делегация Государственной Думы во главе с Геннадием Николаевичем Селезневым, и она приняла обоих.

На встрече Карла дель Понте, кстати, заявила, что единственный человек, с которым она находит общий язык в России, – это Скуратов, и недоумевала, почему же кремлевская власть ополчилась против Генпрокурора.

Когда же в марте 1999 года она прилетела в Москву, то Степашин вновь напросился к ней на встречу, но Карла дель Понте отказала ему в этом.

– Степашин – министр МВД, пусть и встречается с руководителями полицейских органов Швейцарии, – сказала она, но я попросил ее все же принять Степашина.

Накануне Степашин встречался с Ельциным и тот дал задание узнать все, что можно, о грозных документах, которые госпожа дель Понте привезла с собой.

Встреча состоялась…

Потом рассказывала мне, что на этой встрече Степашин чувствовал себя неуютно, практически его интересовал только один вопрос: получил ли Скуратов от нее документы, о которых сейчас так много говорят? И Карла дель Понте, понимая, чем может грозить мне ее положительный ответ, под какую лавину я мигом попаду, ответила Степашину отрицательно.

– Нет? – переспросил Степашин.

– Нет, – совершенно твердо ответила госпожа дель Понте.

Степашин не удержался, вздохнул облегченно. Карла дель Понте вздох этот засекла – слишком уж изменилось, сделалось счастливым лицо Степашина. Он сразу расцвел…

Поэтому он и сообщил на заседании Госдумы, что никаких сенсационных документов нет.

Кстати, Степашин не ожидал, что я буду выступать позднее его, и считал, что его выступление дезавуирует любой мой выпад в адрес Кремля.

После моего выступления посыпались вопросы. Очень едким был вопрос Жириновского. Касался он моей новой квартиры… Я невольно подумал про себя: «И это спрашивает человек, за которым числится полным-полно грехов, в том числе полно квартир, машин, прочего имущества? И это я слышу от человека, который с трудом ушел от двух уголовных дел? Одно – за драку в Госдуме, другое – за избиение журналистки. Мда-а…» Ответил же я Жириновскому, как мне кажется, спокойно… Ответил и на другие вопросы.

Степашину тоже пришлось отвечать на вопросы. Он совершенно не по-мужски начал педалировать на одно слабое, как ему казалось, место в моей жизни – на женскую тему. Ну и получил свое: депутатам его педалирование не понравилось.

После заседания он, как было отмечено, пробежал мимо журналистов расстроенный, потный, красный, не задержавшись ни на секунду. Похоже, боялся вопросов…

Путин же, потупив взор, утверждал на заседании Госудумы, что подлинность пленки установлена. Хотя на нынешний день проведено множество экспертных исследований и ни одно из них не идентифицировало меня на пленке.

Невольно приходит в голову мысль: слишком много у нас чиновников, которые за свою должность готовы предать, продать не только своего коллегу, друга, но и Россию. Увы, всю Россию…

Как бы там ни было, Государственная Дума поддержала меня. Я вновь получил положительный заряд и возможность немного перевести дыхание.

…С трибуны Государственной Думы

Есть хорошее правило, свидетельствующее о том, что самым убедительным является не пересказ события, выступления, какой-нибудь тронной или обвинительной речи, а документ. Сама речь, хронология события – словом, документ, подлинный и точный. Поэтому, вычитав и выправив главу о том, как против меня было сфабриковано уголовное дело, как проходило заседание в Государственной Думе, я решил предъявить читателю, скажем так, два документа: выступление на заседании Государственной Думы 7 апреля 1999 года прокурора Москвы Герасимова и свое собственное выступление.

Что же касается комментариев, то их я уже сделал в предыдущей главе.

«– Уважаемый председательствующий и уважаемые депутаты! – начал Сергей Иванович Герасимов, – У меня очень краткое выступление. Я впервые выступаю перед такой ответственной аудиторией, да еще по столь необычному поводу, связанному с возбуждением заместителем прокурора Москвы уголовного дела против Генпрокурора РФ. Обнародование в СМИ 2 апреля сего года решения об этом вызвало среди работников прокуратуры Москвы недоумение, массу острых вопросов о причинах, о юридических основаниях компетенции должностного лица, возбудившего дело, и другие.

Вообще, ситуация, связанная с Генпрокурором, отрицательно влияет на работу всей прокурорской системы, и ее надо разрешать. Расшатывание прокуратуры, попытки давления на нее, чреваты серьезными негативными последствиями для государства и общества, и это, я думаю, должны понимать все.

Обстоятельства дела, ставшие мне известными, выглядят следующим образом. Утром 2 апреля зампрокурора города Росинский доложил, что ночью был приглашен в администрацию президента, где ему были представлены материалы о злоупотреблении служебными полномочиями Скуратовым Ю. И. и предложено на основании их возбудить уголовное дело. Материалы касались известной пленки, объяснений нескольких человек. Изучив их, он пришел к выводу, что в действиях Скуратова имеются признаки состава преступления, предусмотренного ст. 285 ч. 1 УК РФ. Им было подготовлено постановление о возбуждении дела, которое он там же подписал. В постановлении указал, что материалы дела подлежат направлению через ФСБ первому заместителю Генпрокурора РФ. Таким образом, дело из Кремля должно было пойти в ФСБ, а затем в Генпрокуратуру. На мои вопросы, почему именно выбрали его, почему не поставил в известность прокурора города, какое имел право возбуждать дело, Росинский заявил, что позвонить мне не смог, его выбрали, наверное, потому, что он курирует следственную прокуратуру и надзор за исполнением законов органами ФСБ, а в связи с тем, что ни в законе, ни в прокуратуре вопрос о том, кто может возбудить дело в отношении ГП, не урегулирован, то он посчитал, что не допускает какое-либо нарушение.

Естественно, я не мог быть удовлетворен такими объяснениями ни с юридической, ни с этической стороны. Считал и считаю, что все процессуальные вопросы в отношении Генпрокурора обязано решать руководство Генпрокуратуры России в рамках, установленных законом. Прокуратура Москвы могла это сделать только тогда, когда ей официально было бы поручено заниматься этим вопросом. После беседы с Росинским я направился к Генпрокурору и в присутствии его заместителей проинформировал его о случившемся. В Генпрокуратуру был вызван и Росинский с объяснениями, а затем руководство Генпрокуратуры решило поступившее дело для проверки и решения всех других вопросов передать Главному военному прокурору.

Отвечая на вопрос о возможности отмены мной постановления о возбуждении уголовного дела, считаю, что это я мог сделать только после проверки материалов дела, как это требует ст. 116 УК РФ. Поскольку их в прокуратуре города не было, то и сделать этого я не мог. А если бы я это сделал, то мое постановление могла тут же отменить Генпрокуратура, но такой шаг еще больше бы поднял температуру в обществе, усилил бы противостояние политических сил вокруг этого вопроса, поэтому этого делать было нельзя. В заключение хочу сказать, что с точки зрения справедливого и конституционно обоснованного решения родился феномен, к которому никто не оказался готов. Поэтому в специальном законе надо выработать механизмы разрешения ситуации с Генпрокурором. По чьей инициативе, кто возбуждает уголовное дело о высшем надзорном лице государства, кто инициирует отстранение его от исполнения обязанностей, какие официальные структуры принимают решения, наконец, кто расследует дело? Ясно одно, что вам, уважаемые депутаты, такой закон надо принять скорее».

Мое же выступление было следующим: «– Уважаемые депутаты! Прежде всего разрешите поблагодарить вас за приглашение, за поддержку, за то, что моя судьба как Генерального прокурора и как человека для большинства из вас небезразлична. Думаю, что вы со мной согласитесь, что вопрос этот вышел уже за пределы личного и касается судеб российской законности в стране. Конечно, хочется сказать многое по поводу того беспредела, который устроили вокруг меня и моей семьи лица, чьи интересы я задел в своей работе, явные и пока еще скрытые коррупционеры всех мастей и ангажированные ими средства массовой информации. Но я прошу понять меня правильно, я не политик, я Генеральный прокурор, поэтому действую в правовом пространстве, в правовом поле и не могу применять те методы. которые в общем-то небезуспешно применяются моими противниками.

Именно поэтому, а отнюдь не из-за рекомендаций Олега Николаевича Сысуева, которые он недавно дал, намек на то, что я не должен говорить лишнего, я хотел бы остановиться преимущественно на правовых вопросах, связанных с законностью возбуждения в отношении меня уголовного дела и отстранения от должности. Я также готов ответить на ваши вопросы.

Я утверждал ранее и продолжаю утверждать, что возбуждение в отношении меня уголовного дела и отстранение от должности, а также развернутая, как по команде, дискредитация в некоторых СМИ – это продолжение линии на оказание давления по противодействию следствию по ряду уголовных дел. Возбуждение этих дел повлекло вброс известной кассеты и попытку

шантажа. С целью оказания давления на Совет Федерации последовало ее распространение среди членов верхней палаты парламента, а затем известная заказная трансляция по государственному телевидению. Сейчас происходит третий этап этой серии – мои стремления, несмотря ни на что, продолжить и активизировать расследование этих дел привели уже к мерам открытого произвола и уголовной репрессии.

Никогда прежде коррумпированное чиновничество не бросало такого наглого и открытого вызова органам правосудия, как это происходит на ваших глазах!

Ну а теперь собственно о правовой стороне вопроса, о возбуждении уголовного дела. По закону установлен специальный порядок возбуждения уголовного дела в отношении прокурорских работников. Он определен и в законе «О прокуратуре», и в Уголовно-процессуальном кодексе. Статья 42 «Закона о прокуратуре» устанавливает, что любая проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором или следователем, возбуждение против него уголовного дела, производство расследования являются исключительной компетенцией органов прокуратуры. В моем случае все правовые нормы были просто растоптаны.

Во-первых, заместитель прокурора города Москвы не вправе был возбуждать уголовное дело в отношении Генпрокурора. В органах прокуратуры есть специально установленный нормативный порядок решения вопросов, какой прокурор в отношении какого может возбудить уголовное дело. Есть специальные нормативные документы – о них, правда, Сергей Иванович Герасимов рассказал, есть специальный приказ на сей счет, который регламентирует четко порядок. Ведь если мы пойдем по такому пути, то тогда, скажем, прокурор района, если не понравился ему его начальник, возбудит в отношении его уголовное дело и так далее, и будет вся вертикаль прокурорской власти разрушена. Возбудить уголовное дело в данной ситуации мог только исполняющий обязанности Генпрокурора России после освобождения или отстранения Советом Федерации Генпрокурора от занимаемой должности. Росинский и стоящие за ним люди превысили должностные полномочия, предусмотренного ст. 286 УК РФ. Я думаю, что по этому поводу нужно провести служебную проверку и результаты ее обнародовать.

Во-вторых, это решение, как мне известно и как подтвердил Сергей Иванович, принималось администрацией ночью. Прокурор города, он сам об этом сказал в своем заявлении, не только был лишен возможности проверить законность возбуждения уголовного дела, но даже и не знал об этом. Я уже не говорю о том, что все эти материалы элементарно не были зарегистрированы в органах прокуратуры города, что вообще делает их юридически ничтожными. Такие материалы можно принести с улицы, получить неизвестно откуда, и, так сказать, по ним принимать якобы процессуальные решения.

В-третьих, из ночного постановления следует, что поводом к возбуждению уголовного дела послужили материалы проверки, проведенной ФСБ. Однако, как я уже говорил, любая проверка сообщений о факте правонарушения, совершенного прокурором и следователем прокуратуры, является исключительной компетенцией органов прокуратуры. Иначе и нельзя. Сами понимаете, что многие действия принципиальных прокурорских работников не всегда нравятся отдельным работникам и органов внутренних дел, и ФСБ. И если мы пойдем по такому пути, то мы тоже разрушим прокурорскую систему. Заместитель прокурора города Москвы, получив материалы незаконно проведенной проверки, не только не устранил нарушения федерального закона, что, кстати, предстоит еще сделать, но и не счел нужным перепроверить полученные материалы в ходе элементарной доследственной проверки.

В-четвертых, Росинский и стоящие за ним люди проигнорировали то обстоятельство, что по моему заявлению уже возбуждено и Генпрокуратурой расследуется уголовное дело по обстоятельствам появления пресловутой пленки и оказания на меня давления. Те материалы, которые «наработала» (в кавычках) ФСБ, в лучшем случае должны были быть направлены для проверки процессуальным путем в рамках уже возбужденного уголовного дела, а не стать основой противозаконной и заказной политической стряпни.

Как будет расследоваться дело? С одной стороны, у меня нет оснований не доверять работникам ГВП: там много порядочных и честных людей. С другой стороны, о какой объективности может идти речь, если руководитель ФСБ на всю страну уже заявил, что предварительное исследование пленки показало, что она является подлинной? Непонятно, о какой пленке он вел речь. Если та, что была показана на РТР, то она изъята следователями прокуратуры и на экспертизу, по имеющимся у меня сведениям, не была еще направлена. Экспертиза проводится только на основании постановления следователя, и лишь по ее результатам, да и то с ведома следователя, можно говорить о каких-то выводах. После этого заявления руководителя столь уважаемого ведомства нетрудно предположить, какими будут выводы по пленке экспертных учреждений ФСБ, да и МВД тоже.

Теперь об отстранении меня от занимаемой должности. После ночи, когда было состряпано постановление о возбуждении уголовного дела, наутро появился указ президента. Наверное, со временем еще предстоит выяснить, с чем связана такая спешка и какие конкретно мои действия подтолкнули окружение президента к таким незаконным акциям. Не исключаю, что могла произойти утечка по тем нашим уголовно-процессуальным акциям, которые планировало Главное следственное управление в отношении господ Березовского и Смоленского. Это требует специального расследования. Я же хочу сказать только о правовой стороне вопроса. Естественно, что незаконность возбуждения уголовного дела, а она, по-моему, очевидна для всех, разрушает саму юридическую основу указа президента от 2 апреля. Но дело не только в этом. Согласно ч. 3 ст. 90 Конституции России, указы и распоряжения президента не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам. Причем здесь не может действовать принцип, который у нас часто применяется: президенту разрешено все, что не запрещено Конституцией и законами. Перечень его полномочий, как и полномочий других органов власти, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит. Применительно к Генеральному прокурору у президента два полномочия. Первое – представить для назначения в Совет Федерации и представить для освобождения Совету Федерации. И больше ничего.

Если же следовать логике указа президента, то президент вправе в аналогичной ситуации отстранить от должности и председателей Конституционного суда, Верховного суда, Высшего арбитражного суда России. Но это невозможно и в отношении даже любого из районных судей в системе судов общей юрисдикции. Как известно, действующей Конституцией прокуратура также отнесена к судебной власти. Кто же в соответствии с Конституцией и законом может отстранить Генерального прокурора от должности? Только Совет Федерации, который пользуется правом назначения и освобождения от должности. Кстати, здесь вполне может быть применена аналогия с нормами трудового права: отстраняет от работы тот, кто назначает и освобождает.

Самый поверхностный анализ указывает на грубейшие нарушения ч. 3 ст. 90, ст. 83, 102,129 Конституции РФ. Все сказанное позволяет сделать вывод: те грубейшие нарушения законности, которые были допущены при возбуждении уголовного дела и отстранении меня от должности, не случайны, они имеют четко выраженную цель: устранить неугодного прокурора любыми способами. Хотелось, чтобы эти обстоятельства стали для депутатов Государственной Думы и членов СФ предметом пристального рассмотрения. Нельзя не обратить также внимание на то, что сейчас идет явный процесс смены неугодных, а главное, принципиальных лиц силовых ведомств. Освобожден от должности руководитель следственного комитета Игорь Николаевич Кожевников, руководитель и профессионал высочайшего уровня, а самое главное, принципиальный человек. Вынашивается идея отстранения от курирования следствия Михаила Борисовича Катышева, и правильно здесь было сказано Сергеем Ивановичем Герасимовым: таким образом разрушается и сам принцип независимости и процессуальной самостоятельности прокурорских работников. Легко себе представить ситуацию, когда простой следователь, видя то, каким образом решается вопрос с Генеральным прокурором, – что он должен в этой ситуации подумать? Он думает так: если уж Генерального сломали, то что мне делать, на своем, на региональном уровне в такой ситуации?

И последнее. Уважаемые депутаты, в наше время трудно строить прогнозы, как невозможно точно сказать, какие приемы и способы, а также финансовые средства будут использованы для моей последующей дискредитации, а также противодействия органам прокуратуры в ее борьбе с коррупцией. Думаю, что всего этого будет еще немало. Не знаю, как сложится моя личная судьба, я за свою должность не держусь. Но то, что уступать здесь нельзя, знаю точно».

Я привожу эти выступления потому, что с ними мало кто знаком – это во-первых, а во-вторых, пусть эти документы лишний раз станут доказательством того, что закон сошелся в жестокой схватке с беззаконием.

И еще. Я благодарен Госдуме за то, что она безоговорочно приняла постановление в мою поддержку.

Лавина поехала

Второго апреля было не только возбуждено против меня уголовное дело, был не только подписан указ о моей отставке, – произошли и некоторые другие события.

Борис Николаевич Ельцин направил Строеву письмо – впрочем, скорее всего, он передал письмо тому в руки рано утром во время личной встречи.

«Вы помните, основанием моего первого представления в Совет Федерации послужило личное заявление Ю. И. Скуратова об отставке по состоянию здоровья. Однако это предложение было отклонено, – было написано в этом письме. – Я с уважением отнесся к этому решению Совета Федерации: в его основе безусловно лежали мотивы, связанные с сохранением стабильности и порядка в работе Генпрокуратуры. Однако сейчас, по истечении некоторого времени, мы имеем принципиально новую картину.

Вскрылись обстоятельства, которые не позволяют мне спокойно относиться к тому, кто сейчас руководит прокуратурой. И речь уже не только о проступках, порочащих честь прокурорского работника. Против Ю. И. Скуратова возбуждено уголовное дело.

В самой Генпрокуратуре сложилась нездоровая обстановка. Часть прокурорских работников чувствует себя политическим «штабом», а другая практически дезорганизована и не может нормально работать.

Нарушилось нормальное взаимодействие Генпрокуратуры с другими правоохранительными органами.

В этой ситуации оставлять Ю. И. Скуратова в должности мы не имеем права, а я – просто обязан отстранить его от работы.

В связи с вышеизложенным прошу Вас еще раз, – взвесив все «за» и «против», – рассмотреть вопрос об отставке Ю. И. Скуратова.

Верю, что Совет Федерации примет верное, единственно правильное в таких условиях, решение».

И подпись внизу: «Б. Ельцин».

Итак, в письме было указано четыре причины отставки. Первая – я совершил «проступок, порочащий честь прокурорского работника». Вторая против меня возбуждено уголовное дело. Третья – в прокуратуре сложилась нездоровая обстановка и часть людей вместо работы занимается некими политическими играми, налицо, словом, – дезорганизация. И четвертая «нарушилось нормальное взаимодействие Генпрокуратуры с другими правоохранительными органами».

Этих причин достаточно, чтобы свалить не только Генпрокурора – свалить все правительство. Впрочем, правительства у нас слетали по причинам, куда более мелким.

Как видите, действия администрации все время находились в движении: вначале хотели просто обойтись моим заявлением, потом решили придавить меня выводами «моральной» комиссии, созданной при Совете безопасности, затем пришли к мысли, что надо возбудить уголовное дело, а последняя моя «вина» вообще была связана с политикой – я-де виноват в политизации прокурорских сотрудников. Хотя, как известно, по нормам нашей жизни, армия и правоохранительные органы находятся вне политики.

Это еще говорит и о другом: твердой стратегии у «горцев» не было, они действовали по правилу: все средства хороши! Все, что есть в наличии, то и надо задействовать, лишь бы свалить Генпрокурора.

И это было сделано в тот период, когда прокуратура работала с предельным напряжением, работала эффективно, что и было отмечено всеми СМИ, как газетами, так и TV.

Честно говоря, этим письмом кремлевские аппаратчики посадили своего шефа в лужу, неграмотно оценив ситуацию.

Слишком уж отчетливо просматривались за «кадром» личные мотивы – движитель этой недостойной игры.

Да и уголовное дело было возбуждено с одной лишь целью: отстранить меня от должности. А потом можно будет обо всем забыть. И неважно, что факты не подтвердятся.

Одна из девиц – героинь пленки – удивлялась, отвечая на вопросы следователя:

– Как же так, почему дело не закрыто? Нам же обещали: как только Скуратова уберут, так дело сразу закроют…

Строев направил письмо своему заместителю, Владимиру Михайловичу Платонову, председателю Московской городской думы.

Тот незамедлительно направил запрос Герасимову – прокурору города: законно ли возбуждено это дело? Следом – запросы в Кремль Волошину и в Генпрокуратуру.

Герасимов ответил так: «Уголовного дела, возбужденного заместителем прокурора г. Москвы Росинским В. В. в отношении Генерального прокурора РФ Скуратова Ю. И. по ст. 285 ч. 1 УК РФ, в прокуратуре города не было и нет. Надзор за законностью возбуждения уголовного дела в соответствии со ст. 116 УПК РСФСР возможен при наличии материалов дела, которые было бы

можно оценить с точки зрения закона. Поэтому проверка этого вопроса не проводилась. Кроме того, 2 апреля 1999 г., в день возбуждения дела, по имеющимся у меня сведениям, и. о. Генерального прокурора было принято решение поручить такую проверку Главному военному прокурору РФ».

Главный военный прокурор Демин ответил несколько иначе: «В соответствии с указанием и. о. Генерального прокурора Российской Федерации Чайки Ю. Я. на Ваш запрос № 24–26/186 от 5 апреля 1999 года сообщаю, что в материалах, послуживших поводом и основанием к возбуждению уголовного дела в отношении Скуратова Ю. И., имелись достаточные данные, указывающие на признаки преступления, предусмотренного ч.1 ст. 285 УК РФ. Уголовное дело возбуждено законно и обоснованно.

В настоящее время названное дело расследуется в следственном управлении Главной военной прокуратуры…»

Демин, по сути, не сказал правды. В этот период внутри ГВП (Главной военной прокуратуры) уже существовала иная позиция – в частности, позиция начальника отдела по надзору за следствием генерал-майора юстиции Юрия Муратовича Баграева.

С Баграевым, если честно, я даже знаком в ту пору не был, по служебным делам мы не сталкивались, пути наши не пересекались, личных интересов в моей защите у него не имелось, но тем не менее он высказался твердо: уголовное дело возбуждено незаконно.

Позже генерал Баграев встретился и со мной.

– Юрий Ильич, я тщательно изучил документы. Уголовное дело возбуждено незаконно. Мы с Юрием Петровичем Яковлевым готовы по этому поводу сделать публичное заявление.

Яковлев – генерал, заместитель Главного военного прокурора России по следствию – тот самый, которому подчиняется следственное управление, упомянутое в письме Демина.

– Не надо никаких публичных заявлений, Юрий Муратович! Расследуйте дело объективно, как и положено по закону.

Я знал, я был твердо уверен в том, что я ни в чем не виновен.

Баграев вначале пробовал возражать – ему так же, как и мне, все было понятно, – потом согласился со мною. Действительно, ну заберут дело в Главной военной прокуратуре, ну, передадут его наверх, в прокуратуру Генеральную, там у Чайки всегда найдется свой человек, умеющий хорошо произносить привычное: «Чего изволите-с?» Я таких людей знаю, есть там такие. И дело повернут так, как надобно будет «власть предержащим.

Баграев, естественно, как и положено у военных, доложил о своем визите ко мне Яковлеву, тот – по служебной цепочке Демину.

Демин все переиначил в выгодном для себя свете:

– Скуратов пообещал Баграеву пост Главного военного прокурора.

Да у нас и в мыслях такого не было!

В общем, Демин отправил письмо Платонову, будучи уже знакомым с официальной точкой зрения генерала Баграева – человека, которому по долгу службы доверено надзирать за следствием.

За свою принципиальную позицию Баграев скоро поплатился – он был снят с должности. Так у нас учат непокорных.

И никому даже в голову не приходит, что Баграев своей принципиальностью спасал честь прокуратуры, сотрудники же «Чего изволите-с?» – марали ее.

Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству, которому было поручено предварительно – перед заседанием Совета разобраться с моим вопросом, счел необходимым напомнить, что квалификационное определение проступков, порочащих честь прокурорского работника, возможно только по приговору суда. И никто, кроме суда, не может так квалифицировать тот или иной проступок. Сам же факт возбуждения уголовного дела не является правовым основанием для такого квалифицирования. Надо обязательно дождаться конца разбирательства и решения суда. И если уж освобождать от должности, то освобождать с другой формулировкой: в связи с просьбой об отставке.

Вообще-то Борис Николаевич всегда плохо уживался с органами прокуратуры – это было хорошо заметно еще в Свердловске. Там он никак не мог сработаться с прокурором области Владиславом Ивановичем Туйковым человеком принципиальным, порою колючим, неудобным лишь потому, что он действовал с позиций закона. Когда Генпрокуратура хотела представить Туйкова к награде, свердловский губернатор Россель предупредил:

– Президент представление не пропустит!

Недоволен Ельцин был и Степанковым, и незаконно в октябре 1993 года освободил его от должности своим указом. Недоволен был Казанником, хотя очень обязан этому человеку: всем памятен факт, когда Казанник уступил Ельцину свое место в Верховном Совете страны.

Доволен он был только Алексеем Николаевичем Ильюшенко, но этот «очень хороший» для президента прокурор оказался «очень плохим» для Совета Федерации – в верхней палате парламента даже слышать не могли эту фамилию. А потом Ильюшенко и вовсе попал за решетку следственного изолятора: думал, что горячая любовь президента поможет ему скрыть неблаговидные деяния, но просчитался.

Наступил мой черед. Причина нелюбви президента ко мне была определена в обращении Государственной Думы к членам Совета Федерации: «Мы полагаем, что истинной причиной отстранения Генерального прокурора Российской Федерации от должности является то, что Ю. И. Скуратов начал активное расследование уголовных дел о коррупции, в том числе в отношении самых высоких должностных лиц.

Накануне Ю. И. Скуратовым был передан Президенту Российской Федерации список российских граждан, имеющих огромные вклады в зарубежных банках. Среди них фигурируют лица, занимавшие и занимающие ответственные посты в структурах государственного аппарата.

Учитывая антиконституционный характер Указа Президента Российской Федерации № 415, дестабилизирующего политическую ситуацию, наносящую существенный вред состоянию борьбы с коррупцией, мы обращаемся к членам Совета Федерации с просьбой незамедлительно собраться на пленарное заседание и дать оценку данному Указу, а также принять меры по ограждению Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров от грубых нападок и разнузданной кампании клеветы и шельмования.

Государственная Дума считает необходимым продолжение Генеральным прокурором Российской Федерации Ю. И. Скуратовым исполнения своих конституционных полномочий».

Ситуация продолжала накаляться.

Одной из последних бумаг, что я подписал, покидая свой кабинет (через несколько минут кабинет опечатали), был документ, о котором впоследствии много говорили в прессе. В ней дескать, я назвал целый ряд крупных лиц, замешанных в коррупции; тем более что, выступая по НТВ, я сказал об этом документе, адресованном Совету Федерации. Такое же письмо я направил и президенту России.

Но документ в Совет Федерации не поступил. Его задержал Чайка.

Когда же начался шум, Чайка, видимо, перетрухнул, извлек письмо из-под сукна, приложил к нему свое – это произошло уже 6 апреля – и отправил в Совет Федерации.

Совет Федерации отнесся к письму серьезно, хотя заседание, на котором было намечено рассмотрение моего вопроса, затягивались. В ходе подготовки к нему мне пришлось встречаться и со Строевым и Собяниным – председателем Комитета по конституционному законодательству. Во время последней встречи Собянин сказал:

– Юрий Ильич, есть два варианта действий. Первый – вступить в длительную фазу выяснения отношений с администрацией. Конечный результат этого неясен. Второй вариант – вы уходите по собственному желанию. Тем более есть ваше заявление, датированное 5 апреля.

Как было написано это заявление, при каких обстоятельствах, он не знал.

– Я не исключаю ни первого, ни второго варианта. За место свое я, Сергей Семенович, не держусь…

Я действительно не исключал ухода, но чем дальше, тем яснее становилось, что, как только я уйду, на мое место тут же сядет человек из породы «Чего изволите-с?» и будет заглядывать в рот президентской семье. Поэтому очень важно было, чтобы в мое кресло сел порядочный человек. Тот, кто мог бы продолжить борьбу с ворьем и коррупционерами.

В те же дни у меня произошла встреча с Юрием Михайловичем Лужковым. Ему я тоже сказал, что очень важно, чтобы мое место занял достойный человек. И тогда свое кресло я уступлю ему, не колеблясь ни секунды.

Он сказал мне, что руководство администрации президента (кто именно, Лужков не назвал) выходило на него с просьбой: «Уговорите Скуратова, чтобы он ушел. Мы готовы поддержать кандидатуру, которую он назовет. Только пусть уходит!»

– Это меня устраивает, – сказал я.

– Кого вы видите на своем месте? – спросил Лужков.

– Геннадия Семеновича Пономарева.

Этого человека Лужков знал хорошо – Пономарев в свое время был прокурором Москвы. Отношения у него с Лужковым были непростыми, особенно в период притирки, а потом они работали душа в душу… До тех пор, пока президент совершенного необоснованно не снял его с должности. Вместе с Пономаревым тогда был уволен и начальник московской милиции.

– Хорошая кандидатура, – одобрил Лужков.

– Но есть одно «но», Юрий Михайлович…

– Какое?

– Нас обманут.

– Не обманут, не может этого быть!

– Вот увидите.

Лужков с сомнением покачал головой.

– Но есть же схемы проверки действий…

– Ни одна схема не сработает. Я выйду на трибуну и попрошу сенаторов: «Прошу отпустить меня, я не буду работать, несмотря на то, как сложится голосование…» Меня отпустят, а кремлевская администрация Пономарева на утверждение не представит. Представит другого, своего человека.

– Не может этого быть! В Совете же Федерации сидят серьезные люди… С ними шутить нельзя.

– Вот увидите, Юрий Михайлович… Обманут!

На том мы с Лужковым и расстались.

Через день я встретился с Собяниным и сказал ему:

– Я готов к уходу!

Пока мы говорили с Собяниным, позвонил Строев.

– У вас находится Скуратов, пусть зайдет ко мне.

Я зашел. Мы со Строевым обнялись, сели в кресла.

– Ну что? – спросил он.

– Я готов уйти. Но при условии, если мое место займет достойный преемник.

Имя Пономарева я не стал называть – понимал, что у Строева могут быть свои кандидаты на эту должность.

Активную роль в том, чтобы я ушел спокойно, без войн, без нервотрепки (хотя все было, и войны, и нервотрепка) играл Юрий Владимирович Петров бывший глава кремлевской администрации, с которым я был знаком еще по Кубе. Петров был близок к Степашину. И Степашин и Путин считали, что я должен уйти, и действовали соответственно. Путин к этой поре уже стал секретарем Совбеза, а Бордюжа был снят и с этого поста, и поста руководителя президентской администрации. Петров организовал встречу в Совете безопасности.

Во встрече приняли участие четверо: Степашин, Путин, Петров и я. Трое собравшихся склоняли меня к тому, чтобы я спокойно ушел из Генпрокуратуры.

– Если в Совет Федерации будет внесена кандидатура Пономарева, я уйду спокойно, – сказал я.

В этот раз я фамилию Пономарева назвал. Степашин и Путин со мной согласились: против Пономарева они не имели ничего и готовы были сотрудничать с Геннадием Семеновичем.

Мне же важно было, чтобы не пострадала сама система прокуратуры, чтобы шли расследования, чтобы громкие дела, которыми начала заниматься Генпрокуратура, не были положены под сукно.

Я тем временем начал готовить свое выступление на Совете Федерации. Причем готовил я два варианта, а точнее, две концовки выступления. Одна мягкая для существующей власти, где я объявлял о своем уходе в отставку и просил Совет Федерации поддержать мою просьбу, вторая – жесткая, лишенная всяких компромиссов: я отказывался от отставки.

Вторая концовка была заготовлена на тот случай, если Борис Николаевич не представит на утверждение Пономарева. Утром 21 апреля ко мне в Архангельское заехал Петров:

– Ну, что, Юрий Ильич? Как себя чувствуете?

– Чувствую себя нормально. Только вот вчера вечером в Совете Федерации, вопреки нашим договоренностям, не появилось письмо президента о внесении на голосование кандидатуры Пономарева. Это, Юрий Владимирович, извините, настораживает.

– Может, оно появится сегодня утром?

– Может…

А получилось вот что. На кандидатуру Пономарева был согласен даже Чубайс, но воспротивилась группа Березовского, и прежде всего сам БАБ: это что же такое получается? Из огня да в полымя, да? Одного неуступчивого «принципиала» мы меняем на другого такого же? Не-ет.

В результате наша договоренность была сломана. Положение, в котором оказался я – да и не только я, – было непростым, если не сказать – тяжелым, еще вчера я заявил Строеву и Собянину – готов уйти, а сегодня, если не появится письмо президента о выдвижении Пономарева, я вынужден буду развернуться на сто восемьдесят градусов.

Как все это воспримут люди? Как мой каприз? Этакую прокурорскую несносность? О всех своих переговорах я не мог, к сожалению, сказать ни слова.

Когда я прибыл в Совет Федерации, ко мне подошел Строев:

– С минуты на минуту должен подъехать Примаков.

Пойдемте встретим его.

На лифте мы спустились в холл. Евгений Максимович, к сожалению, еле двигался, так допек его ревматизм, чувствовалось, что всякое движение доставляет ему боль, – даже по глазам было видно, как трудно ему. И тем не менее мы с ним обнялись, расцеловались.

– Юра, – сказал Примаков. Иногда, в теплые, доверительные минуты он называл меня по имени. – Вам, наверное, надо уйти. Я понимаю – вы человек честный, все воспринимаете обостренно, с позиций закона, но у вас грязное окружение. Вас обязательно подставят. Да и с самой прокуратурой происходит нечто невероятное. Прокуратуру трясет так, что как система она может развалиться.

С этим я был согласен.

Мы поднялись в зал заседаний. У меня там было свое, давным-давно облюбованное место, справа, наверху, если стоять лицом к президиуму. Несколько лет назад, когда меня еще только утверждали в должности Генпрокурора, я сел в то кресло и с тех пор, когда бывал на заседаниях Совета Федерации, занимал это место.

По дороге переговорил с несколькими знакомыми сенаторами, люди опытные, знающие, умеющие почувствовать чужую боль, они пытались поддержать меня: не робей, мол, воробей!

Началось заседание. Мой вопрос стоял одним из последних, и был он закрытым. Обычно на заседания Совета Федерации я являлся в темно-синей форме с «маршальскими» погонами: действительные государственные советники юстиции носят маршальские звезды, – сейчас же я был в обычной гражданской одежде – мой мундир находился в опечатанном служебном кабинете, и сколько он еще будет находиться там – неведомо было никому.

У журналистов был особый интерес к моему вопросу. Вообще, журналисты неистовствовали. На всю страну разнесли слова, которые я произнес, например о «Мабетексе»…

За мной они ходили толпами – на глаза им просто нельзя было попадаться.

Иногда журналисты задавали один вопрос:

– Юрий Ильич, вы не боитесь, что вас убьют?

Поначалу боялся – ведь не боится только ненормальный человек, и вообще людей, лишенных страха, надо лечить в больнице, – а потом перестал бояться. Перегорело, что называется. Как на фронте.

За несколько минут до начала дискуссии ко мне подошли Чайка и Путин. Начали по обыкновению обрабатывать меня страшилками:

– Возникли новые эпизоды, связанные с сауной. Обозначился также серьезный выход на Гусинского. Так что лучше всего уйти по-тихому.

Невольно заползла мысль: а вдруг действительно случилось что-то экстраординарное? Нашли каких-нибудь новых свидетелей, подкупили их. Состряпать ведь можно что угодно… Я не знал, каким будет расследование, объективным или нет. В общем, напор Чайки и Путина выдержать было непросто. В конце концов я разозлился и обрушился на Чайку:

– Ты же знаешь меня! Дело возбуждено незаконно. Я не виноват!

Встретился я и с Лужковым:

– Юрий Михайлович, нас обманули. Представления на Пономарева нет.

– Будем биться! – произнес тот довольно бодро.

– Но я же всем сказал, что ухожу… Сказал Строеву, сказал Собянину, сказал вам… Как я буду биться? Я нахожусь в глупом положении. Я ведь шел на компромисс и что в результате? Я – лжец?..

От имени президента выступал Волошин. Он уже понял, что собравшиеся могут воспротивиться моему уходу, поэтому в последний момент изменил фабулу выступления – убирать меня, дескать, надо не в связи с возбуждением уголовного дела, а по собственной просьбе об отставке. И тут Волошин попал в трудное положение. Особенно было тяжело Волошину, когда его начали трамбовать вопросами. Так, он не смог ответить ни на один из вопросов председателя Рязанской областной думы Владимира Федоткина. И вообще выглядел он очень невыразительно, в споре с громкоголосым рязанцем стал невнятно говорить о «новом письме президента», о том, что оно находится у него на руках. У него на руках письмо было, а у членов Совета Федерации нет! Ну, не нонсенс ли!

Когда же потребовали показать документы, компромат, якобы собранный на меня, Волошин заявил:

– Я не могу дать эти документы, они секретные, но они направлены в Совет Федерации. Они находятся в комитете по законодательству, в документах подробнейшим образом изложена суть дела…

Очень тяжелым был тот день, 21 апреля 1999 года. Наверное, сколько я ни проживу, я никогда его не забуду. Когда я выступал, в зале стояла тишина. От меня и на этот раз ожидали жареных фактов, ждали разоблачений президента и его семьи, но их не было – я, повторяю, не имел права оглашать эти факты.

Я сказал следующее:

«Поднимаясь на эту трибуну, отчетливо понимаю, что вы ждете от меня одного – объяснений, – сказал я, – почему, получив поддержку и доверие членов Совета Федерации, я повторно написал заявление об отставке? Почему оно датировано 5 апреля?

Отвечу. На этот… и все другие вопросы. Но прежде разрешите доложить, что по вашему поручению было сделано прокуратурой в период с 18 марта по 2 апреля, то есть до дня отстранения меня от должности. Тем более некоторые уже поспешили заявить, что за это время прокуратура практически бездействовала.

Условно наши действия можно разделить на три группы.

В первой – меры, связанные с общей концепцией государственной политики борьбы с преступностью, о необходимости которой Совет Федерации высказывался неоднократно. Нам удалось этот архиважный документ окончательно доработать, согласовать со всеми заинтересованными ведомствами и представить в правительство для последующего утверждения президентом. Впервые мы в центре и на местах можем получить осмысленную, научно обоснованную систему тактических и стратегических мер по борьбе с преступностью.

Во второй группе – меры по репатриации валюты, незаконно вывезенной за границу. Мы разработали и направили Президенту, а также в Совет Федерации предложения о механизме, позволяющем, во-первых, поставить заслон отлаженной за последние годы системе вывоза валюты из России, а во-вторых наладить последовательную работу по ее возвращению. Часть мер, насколько можно судить по действиям правительства, приняты и уже начинают реализовываться. Работа в этом направлении должна стать приоритетной не только для правоохранительных органов, но и многих других структур государственной власти.

Меры третьей группы – это расследование конкретных фактов коррупции. Докладываю вам, что, продолжая разработку материалов о нарушениях в Центробанке, мы изъяли документы о финансовой деятельности компании «Фимако», подключили к их проверке Счетную палату, провели ряд подготовительных действий для возбуждения еще одного уголовного дела.

Начались активные следственные действия: допросы, выемки документов, назначения экспертиз по ряду уголовных дел, оказавшихся в фокусе общественного внимания.

В частности, о злоупотреблениях при заключении кредитных соглашений с фирмой «Нога». (По этому делу допрошен вице-премьер нынешнего правительства, ведутся допросы бывших министров, руководителей федеральных структур и организаций, договоры и действия которых привели к тому, что за границей уже более 6 лет находятся арестованными значительные валютные средства России.)

По другому делу – о грубых нарушениях при реализации контрактов управления делами президента со швейцарской фирмой «Мабетекс» ведется параллельное расследование. Наряду с нашими действиями свои обыски, изъятие документов и допросы ведет Федеральная прокуратура Швейцарии. (В конце марта в Швейцарии, а вчера и в Москве был допрошен владелец фирмы Б. Паколли, в наш адрес поступили новые документы и запросы.) Попутно замечу, что в ходе визита Карлы дель Понте мы получили документы и согласовали совместные шаги по расследованию не только этого, но и других дел, возбужденных в обеих странах.

Интенсивные следственные действия развернуты по делам о нарушениях в компаниях «Аэрофлот» и «Андава». Вам известно, что прокуратурой избрана мера пресечения – арест бывшему заместителю Генерального директора Аэрофлота Глушкову и бывшему исполнительному секретарю СНГ Березовскому, правда, в отношении последнего эта мера затем, после моего отстранения, была отменена. Объявлен в розыск президент банка «СБ-Агро» – Смоленский.

Несколько раньше прокуратурой арестован скандально известный советник Березовского по исполнительному секретариату СНГ бывший офицер ФСБ Литвиненко, возбуждено уголовное дело в отношении руководителя рекламного агентства «Премьер СВ» Лисовского, допустившего нарушение неприкосновенности частной жизни. Предпринят ряд мер, направленных на борьбу с политическим экстремизмом. Правительству России внесено представление о нарушениях закона при назначении А. Чубайса председателем правления РАО «ЕЭС России», проведен ряд других надзорных акций. Закончено следствие по известному делу фирмы «Голден-Ада», вышел обвинительный приговор по делу о заказном убийстве Валентина Сыча, расследованному Генпрокуратурой.

Докладывая вам о нашей работе, хотел бы упредить и другой вопрос (уже звучавший, кстати, в высказываниях некоторых сенаторов): а что это прокуратуру так неожиданно «прорвало»? Не связана ли эта активность с тем, что Генерального прокурора лично, так сказать, «задели»?

Нет, не связана. Произошло то, что должно было произойти. Во-первых, подступило время, когда оперативные материалы, информация и документы, накопленные в ходе предшествующей работы, должны реализовываться в форме конкретных уголовных дел с конкретными фигурантами. А, во-вторых, у нас на такую активность был ваш мандат, уважаемые члены Совета Федерации. По сути, впервые была проявлена политическая воля, и прокуратура начала действовать как независимый институт правоохранительной системы.

Теперь в отношении того, насколько лично «задели» Генерального прокурора. Должен сказать – основательно. Шантаж с кассетой – это только цветочки. Созданный для моей дискредитации специальный штаб, а теперь, после заключения надзирающего прокурора – генерал-майора юстиции Ю. Баграева, об этом уже можно сказать точно: решили использовать более радикальные меры – возбудили и продолжают фабриковать против меня уголовное дело, в средствах массовой информации развернули кампанию в отношении якобы незаконного получения жилья. Наконец, поправ все правовые нормы, отстранили меня от работы. Усилиями ФСБ идет лихорадочный и противозаконный поиск и фабрикация на меня другого компромата.

Некоторым может показаться, что я слишком подробно останавливаюсь на «личных проблемах». Дело ведь не во мне. Ничего противозаконного я не совершал, и время все расставит на свои места. Дело даже не только в том, что идет явное посягательство на правовой статус Генерального прокурора и конституционные полномочия Совета Федерации. Когда маховик политических репрессий начинает раскручиваться, от ударов его не застрахован никто: ни Генеральный прокурор, ни губернатор, ни министр. Переход в неправовое поле в угоду политическим амбициям представляет реальную угрозу для всех, в том числе, кстати, и для самого президента.

Теперь о причинах повторного заявления.

На следующий день после заседания Совета Федерации меня, наконец, пригласили к президенту. Однако не для того, чтобы продемонстрировать уважительное отношение к решению Совета Федерации. С порога мне было заявлено: «Я с вами работать не буду». Если раньше (примерно с декабря прошлого года) эта позиция только угадывалась, то теперь мне объявлялась явочным порядком.

Полагаю, никто не заблуждается относительно того, что стоит за таким объявлением. ФСБ, МВД перестанут реагировать на прокурорские указания по уголовным делам, вокруг прокуратуры и Генерального прокурора создадут вакуум, отключат правительственную связь (как, собственно, впоследствии и случилось).

Ситуация была более чем драматичная. С одной стороны, я не мог подвести Совет Федерации, будучи облеченным вашим доверием. А с другой, прямое заявление президента и премьера. В этой обстановке я посчитал, что мне вновь надо обратиться к верхней палате. Поводом для повторного обращения могло стать только новое заявление. И я его написал.

Что касается даты «5 апреля», то здесь все весьма просто. Очередное заседание Совета Федерации планировалось провести 6–7 апреля. И, чтобы не вносить дезорганизацию в работу прокуратуры и одновременно успеть кое-что сделать по тем делам, о которых я вам говорил, заявление было датировано днем накануне заседания.

Кому-то может показаться, что нечто подобное уже происходило с Казанником. Но я как раз хотел бы попросить вас не проводить такой аналогии. Я не отказываюсь от работы. Если вы помните, на вопрос Д. Ф. Аяцкова, буду ли я работать, – на прошлом заседании прямо ответил – да! И видимо, не так уж плохо поработал эти почти две недели, что понадобилось срочно ночью в администрации президента возбудить уголовное дело, чтобы в пожарном порядке и незаконно отстранить меня от работы, не дожидаясь выводов ранее созданной комиссии. В моих поступках нет политики, а уж тем более политиканства. Напрасно мне пытаются это приписать (как, впрочем, и «управляемость» коммунистами отдельными региональными лидерами и т. п.).

Естественно, что по долгу службы приходится проверять на причастность к совершению преступлений и правонарушений не просто политиков, а политиков самого высокого уровня. Но я всегда старался это делать максимально аккуратно и взвешенно.

Некоторым силам просто страшно иметь независимую прокуратуру, хотя для любого государства это должно быть нормой. Мартовское решение Совета Федерации, принятое в рамках Конституции, ими воспринимается как покушение на абсолютную власть. Принципа разделения властей для них не существует. Состоявшееся решение им необычно, непривычно, трагедия, – если хотите. Согласиться же с решением Совета Федерации от 17 марта, – вот это и стало бы проявлением настоящей политической воли. Воли, направленной на реальную борьбу с коррупцией, а не имитацию этой борьбы, о которой я говорил

еще полтора года назад.

Мое стремление избежать политизации конфликта, к сожалению, понимают не все. Поэтому в ход идут измышления типа того, что некими мифическими материалами я пытаюсь шантажировать известные круги, что элементарно блефую и т. д. Заверяю вас: я далек даже от мысли об этом и готов, если понадобится, закрытой комиссии Совета Федерации или даже сегодня в режиме закрытого заседания доложить, что имеется в действительности в прокуратуре и что, так сказать, на подходе.

Материалы отнюдь не мифические. Часть их, в том числе о счетах российских должностных лиц в швейцарских банках, находятся в уголовном деле по фирме «Мабетекс» и проверяются в процессуальном порядке, имеются и в некоторых других делах. Данные о причастности тех или иных чиновников к коррупции есть и в тех международных поручениях, которые выполняют органы прокуратуры. Речь идет о бывших и действующих высокопоставленных сотрудниках администрации президента, правительства, руководителях федеральных ведомств. Приведу всего лишь один пример. В Швейцарии, в банке «Дель Готтардо», г. Лугано, имеются счета несколько десятков бывших и нынешних российских чиновников, так или иначе связанных с фирмой «Мабетекс».

Поймите, приводить сейчас фамилии и сведения из незавершенных следствием уголовных дел и материалов проверок – в открытом режиме убийственно для страны. Это выгодно только политиканам. Вы сами видите по моим поступкам, по действиям моих коллег, что мы этого не хотим. Я стремлюсь, как бы мне это ни было тяжко, оставаться в рамках правового поля. Думаю, эту мою позицию поймут и оценят не только профессиональные юристы, но и все уважаемые члены Совета Федерации. Но то, каким образом со мной пытаются расправиться, само говорит и о фамилиях, и о конкретных фактах. Вместо того чтобы дать возможность спокойно, объективно разобраться со всем этим и где-то даже очиститься от подозрений, они, наоборот, еще больше навлекают их на себя, в том числе со стороны мирового общественного мнения.

Ну а теперь о самом важном.

Так уж сложилось, что скандал, затеянный вокруг меня, объективно осложняет ситуацию внутри и вокруг прокуратуры (идут горячие споры, обсуждения, люди отвлекаются от выполнения служебных обязанностей, часть из них просто деморализована). Ослабляются надзорная функция прокуратуры, ее координирующая роль. Под угрозой разрушения оказалось то, над чем мы так долго работали и что я считал одним из своих профессиональных успехов создание слаженного механизма взаимодействия правоохранительных органов. Все это уже начинает отрицательно сказываться на мерах по борьбе с преступностью. Любые же промедления и заминки в этом деле чреваты тяжелыми последствиями. Независимо от моей воли и желания возникшая конфликтная ситуация приводит к росту политической напряженности в стране, таит угрозу открытого противостояния различных политических сил, конфронтации между ветвями власти.

К тому же, если судить по тем методам, которые используются для вашей «обработки», дальнейшее противостояние может крайне отрицательно сказаться и на положении дел в ваших регионах. Проще говоря, я не хочу создавать и вам, уважаемым руководителям регионов, лишних проблем во взаимоотношениях с федеральным центром.

Наконец, уважаемые сенаторы, давайте трезво оценивать ситуацию. Даже если Совет Федерации меня вновь поддержит, реально мне не дадут возможности исполнять свои обязанности. Элементарно просто не пропустят на рабочее место, так как кабинет и даже приемная опечатаны и охраняются усиленными милицейскими нарядами. Надлежащих же правовых механизмов для быстрого и эффективного воздействия на ситуацию у верхней палаты парламента, к сожалению, нет.

Поэтому я сейчас, не отказываясь от своей принципиальной позиции, прошу вас, уважаемые сенаторы, решить вопрос о моей отставке.

Это отнюдь не означает, что у меня нет мужества и сил на дальнейшую борьбу. Я руководствуюсь прежде всего интересами дела, которое для меня выше личных амбиций и обид. Причем особо хотел бы подчеркнуть, что речь идет о добровольной отставке в соответствии со ст. 43 Закона о прокуратуре, и в этом плане я полностью поддерживаю решение комитета по конституционному законодательству и судебно-правовой реформе, принятое вчера. На мое решение существенным образом повлияло и то обстоятельство, что в качестве моего преемника будет рассмотрена кандидатура Г.С. Пономарева. Знаю его как честного, принципиального и грамотного в профессиональном отношении человека, уверен, что он в состоянии возглавить и организовать эффективную работу органов прокуратуры России в это сложнейшее время. Я со спокойной душой могу передать этому человеку все материалы и дела.

И в заключение хотел бы сердечно поблагодарить вас, уважаемые сенаторы, за совместную работу, ту поддержку, которую находил у вас всегда, даже в самое непростое время.

Пользуясь публичной трибуной, хотел бы также выразить слова глубочайшей признательности тысячам россиян, которые оказывали мне поддержку своими письмами, телеграммами, телефонными звонками, газетными публикациями в самые трудные для меня и моей семьи дни. Низкий вам поклон».

Тяжелый апрель

Началось обсуждение. По тому, как оно пошло, сделалось понятно: Совет Федерации мою отставку не примет. Посыпались вопросы. Причем не самые приятные для меня. Прусак, Руцкой, Федоров из Чувашии… Федоров вообще несколько не по-мужски, с нездоровым любопытством спрашивал меня: было ли то, что изображено на пленке, или нет?

Я понял, что с такими людьми, как Федоров, надо действовать только их методами, других они не признают, и, как бы мне ни было противно, сказал:

– Николай Васильевич, вы же юрист. О вас я тоже могу много интересного рассказать. Ну и что из этого?

Федоров мигом замолчал.

Я знал, что говорил. У меня имелась оперативная информация о том, что чувашский президент часто встречается с одной женщиной.

Строев передал тем временем председательство своему заму Королеву и пригласил меня в комнату отдыха.

– Юрий Ильич, пойдемте со мной. Я знаю весь список записавшихся, будут выступления, не самые приятные для вас. Давайте лучше выпьем чаю. И вообще, нет смысла слушать, как вас поливают грязью.

Строев был не прав: не было выступлений, которых не имело смысла слушать, слушать вообще надо все. Не было резких выступлений против меня. Пленка вызвала негативную реакцию почти у всех членов Совета Федерации. И вообще, я так полагаю, – Егор Семенович Строев малость лукавил – он, похоже, выполнял прямое указание Кремля о моей отставке. Иначе бы он не сказал мне:

– Юрий Ильич, советую вам выступить с заключительным словом, поблагодарить Совет Федерации за работу и уйти.

– Я готов, – сказал я.

Подумал невольно: «Вот и не удалось мне пробить в генеральные прокуроры Геннадия Семеновича Пономарева… Жаль! Очень жаль!»

– Хорошо, – Строев кивнул. – Пойдемте теперь в зал. Пора прекращать прения.

Он прекратил прения, хотя было много записавшихся, и предоставил слово мне.

Я понимал, что и Строев, и кремлевские «горцы» ждут, чтобы я произнес примерно следующее: «Как вы ни проголосуете, господа сенаторы, за мою отставку или против нее, я все равно работать не буду, я уйду…»

Но я с трибуны произнес совсем другое:

– Я благодарю вас за оценку, данную мне за работу, но, пожалуйста, учтите при голосовании следующее… Я понял сегодня из позиции администрации президента, что она не признала незаконность возбужденного против меня дела и запустила каток политических репрессий. Понятно, что если я не уйду, каток этот уничтожит меня и мою семью. Поэтому прошу принять во внимание мою просьбу…

В зале стало тихо. Тягостная была эта тишина, непростая.

Сенаторы в принципе готовы были проголосовать за мою отставку, но в этот момент многие из них призадумались: если сейчас Генерального прокурора ломают так жестоко, то что же с ним станет, когда он будет сдан?

Так-то хоть какая-то защита есть.

Голосование было тайным. Чтобы подготовиться к нему, объявили перерыв. И я неожиданно почувствовал: большинство проголосует против моей отставки. Во время перерыва ко мне подходили многие сенаторы, старались поддержать. А один из них сказал довольно откровенно:

– Ни хрена у Кремля из этого не получится. Все будет нормально, Юрий Ильич!

Действительно, ничего не получилось. Голосование было следующее: 61 голос за отставку, 79 – против.

Таким образом, еще раз прозвучал публичный отказ президенту.

Многие, кто не был в зале, не понимали, что произошло, поскольку по телевидению, по первому и второму каналам показывали только тех губернаторов и глав областных законодательных собраний, которые голосовали за отставку…

Кремлем была проведена огромнейшая подготовительная работа. Дело дошло до прямой торговли. Борис Николаевич собрал у себя президентов республик двадцать одного человека – постарался обработать их, потом собрал человек двадцать губернаторов

– не всех, и это мигом вызвало раздражение других, он готов был даже отказаться от своих полномочных представителей в регионах, лишь бы Совет Федерации утвердил отставку Скуратова. Я уже не говорю о финансовых и экономических посулах и приманках. Обрабатывали Совет Федерации и многие члены правительства. Знаю, что Аксененко был очень активен по этой части, Чубайс, который мог отключить рубильник в любом регионе и пользовался этим, как умел, иногда даже давил напрямую, как, например, он сделал в случае с Потаповым Леонидом Васильевичем, президентом Бурятии. Подключились к обработке все ставленники Кремля: Россель, Аяцков, Титов, Прусак, Лебедь. Я уже не говорю о Руцком и чувашском Федорове. Тут я не испытываю никакого удивления и не строю никаких иллюзий.

Раньше с Аяцковым, с Росселем у меня были прекрасные отношения, и мне казалось, что они – люди принципиальные, могущие разобраться в ситуации самостоятельно. В Саратове вместе с Аяцковым мы открывали Институт прокуратуры – на базе Саратовской юридической академии, прокуратура перевела туда немало денег, помогли со зданием и вообще думали, что дружба между прокурорским корпусом и корпусом губернаторским будет вечной, а оказалось – нет. Свердловский Россель, свой вроде бы человек, – он тоже был против меня. Тяжело было это фиксировать, понимать, что эти люди предают человека в угоду сиюминутно выгодному.

Волошин по моей части высказался довольно определенно:

«У уголовного дела, возбужденного против Скуратова, очень хорошая судебная перспектива».

Так и сказал: «хорошая судебная перспектива». Что ж, вполне возможно, что с высоты Кремлевского холма ему виднее и он окончательно уверовал в свою силу, только в юриспруденции Волошин мало что смыслит и не знает, что ему еще могут преподнести и суд, и следствие, и людская молва, и родные отечественные СМИ.

Вот что сказали после заседания некоторые члены Совета Федерации, их интервью, по-моему, показательны.

Николай Виноградов, глава администрации Владимирской области:

– Я с самого начала голосовал против освобождения Юрия Ильича Скуратова от работы, потому что вся эта история достаточно неприличная. Первый мотив – освобождение по состоянию здоровья. Однако тут же выясняется, что со здоровьем у него все хорошо и даже лучше, чем у некоторых должностных лиц в нашем государстве.

Второй момент – та кампания, которая была развернута против Скуратова в прессе. Она, на мой взгляд, имеет нескрываемую заданность.

Поэтому я выступал против его освобождения. Более того, я был одним из инициаторов приглашения Скуратова в Совет Федерации, чтобы этот вопрос рассматривался только в его присутствии.

Ну а сейчас, рассматривая эту проблему, я для себя сделал вывод, что никаких новых фактов, которые могли бы изменить позицию членов Совета Федерации в пользу освобождения Юрия Ильича, просто не было. Все остается по-прежнему.

Что касается заявления об отставке. Для меня очевидно, что оно явилось следствием массированного давления на Скуратова и в этих условиях человек поступил соответственно обстоятельствам.

Я полагаю, что освобождение Скуратова приведет не к стабильности, а, наоборот, к дестабилизации обстановки, если хотите, подорвет независимость такого важнейшего государственного органа, как прокуратура. Каждый из вновь назначенных в этих условиях обязательно будет оглядываться. Таким образом, мы не добьемся независимой позиции Генпрокурора. А она сегодня особенно нужна, потому что коррупция разъедает нашу власть, как рак. Поэтому я за то, чтобы торжествовал закон. А это означает, что мы должны помочь Генеральному прокурору довести до конца все громкие дела, невзирая на должности персонажей этих дел».

Виктор Шершунов, глава администрации Костромской области:

«Меня спрашивают, за что я голосовал: за открытое или закрытое обсуждение? Я никак не голосовал. Это не имеет значения. Человек, который написал заявление о том, что он просит отставки, не может дольше эффективно работать, осуществлять координацию правоохранительных органов. Суть вопроса сейчас не в этом: за Скуратова я или против? Вопрос в принципе: независимая у нас по статусу прокуратура или зависимая? Я говорю, что по сегодняшней Конституции Российской Федерации, по порядку избрания Генпрокурора и его отзыву он не является независимой фигурой. Вот в чем вся суть.

Что же касается просьбы Скуратова об отставке, я голосовал за нее. Он ведь сам ее просил. Теперь насчет возможного преследования Юрия Ильича. Я думаю, Совет Федерации должен все сделать чтобы не допустить этого. Мы должны назначить комиссию по расследованию возбуждения уголовного дела против Скуратова. Все это должно быть очень тщательно расследовано. И выводы оформлены отдельным постановлением. Здесь действительно очень жестко переплелись интересы многих должностных лиц.

Будет ли зависимым вновь назначенный Генпрокурор? Можно сказать определенно: будет. Я начал наш разговор с того, что сегодня главная беда и проблема – в Конституции, которую мы приняли в 93-м году. Она не выдерживает принципа четкого разделения властей и не дает раскрыться системе сдержек и противовесов между различными ветвями власти, в том числе президентской. Чтобы Генпрокуратура действительно являлась высшим надзирающим органом, ее руководитель должен

назначаться Советом Федерации без всякого представления президентом. И Советом Федерации освобождаться».

Николай Максюта, глава администрации Волгоградской области:

«Я, как и многие, голосовал за закрытое обсуждение. После того как глава президентской администрации понес ахинею, не мог объяснить, что за документы у него и есть ли что-то, кроме обращения президента, я подумал, что для сохранения тайны следствия необходимо закрытое заседание. Чтобы можно было мне лично и другим членам Совета Федерации узнать конкретные обвинения в адрес Скуратова, а также оглашенные им какие-то детали следствия по громким делам.

Ничего этого не было, и правильно, что Генпрокурор не называл конкретных фамилий. Идет следствие, и к Скуратову могли прицепиться те, кто заинтересован в развале обвинений против них.

А заявление с просьбой об отставке – это, я думаю, тактический ход. Когда президент отстраняет от должности, когда опечатывают кабинет, отключают телефоны, меняют охрану и держат, по сути дела, под домашним арестом, никто бы ему не позволил обратиться в Совет Федерации за помощью. Поэтому, я думаю, он правильный выход нашел. Попросил принять отставку, а мы в процессе обсуждения должны были решить: сам он к этому пришел или его силой загоняли в угол, может он бороться с высокопоставленными коррупционерами или сломался? Ведь дело не в Скуратове, а в том, пойдет ли борьба с коррупцией энергичней или ее прикроют. Смотреть надо вглубь. От нас избиратели требуют, чтобы мы помогли этой борьбе. А если бы мы приняли отставку Генпрокурора, то это значило бы, что коррупция победила.

Что нам представили? Да ничего, по сути дела. Письмо президента, письмо Скуратова, уголовное дело, непонятно как начатое: одни говорят, что законно, другие – незаконно. А раз незаконно, то должен суд сказать свое слово. А суда нет. И я понимаю, что это всего лишь метод убрать неугодного человека.

Предположим, убрали. Мол, суд разберется. Суд разобрался – через год-полтора. Признал: человек невиновен. А где этот человек? Нас Наздратенко сегодня поблагодарил за то, что мы его поддержали. А я помню, что с ним творили и как президентское окружение вылезало из кожи, чтобы его освободить от должности. И помню, какой гам с утра до вечера стоял в средствах массовой информации, особенно на НТВ, по поводу Наздратенко, когда всем хотели «вправить» представление, что Наздратенко – плохой, а Черепков – герой России. Все это мы хорошо помним. А теперь видим, кем кто оказался в действительности.

Вот так же сегодня хотят уничтожить Скуратова, потому что он сейчас главная опасность для тех людей из верхних этажей власти, чьи имена у всех на виду и на слуху в связи с его скандальными разоблачениями.

Я считаю, что Борису Николаевичу надо подумать, прислушаться к мнению Совета Федерации и дать Скуратову работать. Надо отозвать указ об отстранении, так как палата второй раз высказалась против этого.

Мы голосовали, может, даже не столько за Скуратова, сколько против того, чтобы коррупция подняла голову и окончательно победила в России».

Юрий Лодкин, глава администрации Брянской области:

«Генпрокурор поступил очень правильно. Он не стал называть конкретные фамилии, иначе на него ополчились бы и сами «герои» громких дел, и их адвокаты. Он назвал целый ряд фирм, к которым проявила пристальный интерес Генеральная прокуратура. Они сегодня всем известны из сообщений СМИ. Что касается физических лиц, то Юрий Ильич сказал так, как позволяет прокурорская этика. Наши правила не позволяют на стадии расследования называть имена и фамилии. Но я могу назвать «фигурантов», если будет создана специальная комиссия Совета Федерации по контролю за деятельностью прокуратуры и пресечению коррупции в высших эшелонах власти.

Я выступал на этом заседании и ясно обозначил свою позицию. Наблюдая за тем, что происходит вокруг Генеральной прокуратуры, я и многие мои коллеги испытывали два чувства. Первое – это чувство стыда. И второе чувство государственного бессилия. Стыда за то, что депутат Государственной Думы, облеченный высокими полномочиями, мужчина по облику, задает вопрос Генеральному прокурору: было или не было? Это позор.

К великому сожалению, эти же вопросы мы услышали в выступлениях ряда членов Совета Федерации на заседаниях. Спрашивать надо было другое, и я об этом сказал на заседании Совета Федерации. Первое. Кто заказал, кто организовал и кто наказан за прослушивание телефонных разговоров семьи президента? Второй вопрос. Кто заказал, кто организовал и кто наказан за проведение слежки за Генпрокурором?

Я не понимаю тех коллег, которые определили свою позицию во время разговора с президентом, – это руководители республик и группа губернаторов. Вот говорят: Скуратов сам написал заявление. Когда я слушал его выступление, то понимал его позицию так. Скуратов, по сути дела, говорил: я рад работать, но мне не дают возможности стоять на позиции закона, сталкивают на позицию беззакония, и такое же беззаконие проявляется по отношению ко мне.

И теперь возникает вопрос: если мы будем поддерживать отставку, то вольно или невольно, прямо или опосредованно проголосуем за торжество беззакония.

Раздаются голоса: ведь есть его заявление. У юристов существует такое положение: если сведения добыты преступным путем,

они имеют ничтожное значение. Если заявление Скуратова добыто путем шантажа и колоссального давления на него, его семью, то мы должны признать ничтожным и это заявление.

Если президент сказал, что он уважительно отнесся к первому голосованию, то он должен тем более уважительно отнестись ко второму голосованию.

Если завтра на место Скуратова придет другой, то он будет действовать с оглядкой, по принципу «чего изволите». В результате мы будем иметь не Прокурора Российской Федерации, а прокурора криминальных структур.

Не случайно в зале заседаний были люди, которые приходили и на прошлое заседание. Среди этих наших гостей были господин Шумейко и госпожа Нарусова. Я не знаю, на каком основании приходит Шумейко, но он сидел во втором ряду. На закрытом заседании! А жена Собчака, госпожа Нарусова, даже тянулась, хотела выступить, но ей не дали.

Некоторые наши коллеги очень податливы на нажим и уговоры. А ведь поддаваясь на эти уговоры заинтересованной стороны, они роют яму для своего политического будущего. Может, президентские аналитики не знают, какое в народе сверхотрицательное отношение к коррумпированной высшей власти? Скорее, знают. И потому не хотят позволить провести расследование до конца. Но ведь те губернаторы, которые сегодня голосуют за сворачивание борьбы с коррупцией, должны будут ответить за это перед своим населением. Всем предстоят выборы. И всех спросят: ты почему поддержал развал борьбы с преступностью в высших эшелонах власти? Или ты не способен отличить одно от другого, или сам имеешь к этому отношение.

Говорят, Скуратов медлил, долго молчал, пока самого не прижали. Думаю, это не так. Шло накопление материала. Сейчас он подошел к тому моменту, когда накопленные материалы обобщаются и переходят в судебно-следственные мероприятия. И как только это стало явью, так на него набросились все, кто почувствовал опасность».

Анатолий Лисицин, губернатор Ярославской области:

«Полагаю, что Совет Федерации свои возможности полностью исчерпал. Мы приняли решение, согласно которому Скуратов должен остаться работать. Дальше вступают в силу юридические нормы. Указ президента о его отстранении, возбуждение уголовного дела – все это существует. И все может прекратить только президент или Верховный Суд.

Что еще может сделать Совет Федерации? Следующий этап – это согласительная комиссия. Чтобы мирным путем найти разумный выход из этой ситуации.

А если говорить об отставке Скуратова, то мое мнение – он должен уйти. Мы понимаем, что такой слабый человек не может возглавлять Генеральную прокуратуру.

Даже если он согласится работать, то не сможет этого сделать. У него не будет контакта. Ни со своими сотрудниками, ни с ФСБ, ни с МВД. Говорят, он может навести порядок. Ну, если слабый человек может стать сильным, то это очень хорошо…

В чем его слабость? Когда человек пишет заявление об уходе – дважды это проявление слабости. Извините меня, ему ведь никто не угрожал, пистолет у виска не держал. Один раз написал заявление – можно предположить, что под давлением каких-то обстоятельств. Но уже второй раз… Так вести себя Генеральному прокурору нельзя.

Но если глядеть шире, то возникают разные вопросы. В том числе: какой должна быть прокуратура, как назначать Генерального прокурора? Есть мнение, что он должен назначаться парламентом, обеими его палатами. Но я не вижу ничего плохого и в том, как делается это по действующей Конституции.

Что плохого, если кандидатуру предлагает президент, а верхняя палата ее утверждает? Ничего плохого. Здесь появляется взаимосогласованное решение. А нынешний тупик – это следствие недоработок в законодательстве. Мы это видим и ощущаем».

На следующий день, 22 апреля, было принято постановление Совета Федерации о создании временной комиссии по изучению проблемы борьбы с коррупцией.

«Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

1. Создать Временную комиссию Совета Федерации по изучению проблемы борьбы с коррупцией (далее – Временная комиссия).

2. Включить в состав Временной комиссии членов Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и судебно-правовым вопросам и Комитета Совета Федерации по вопросам безопасности и обороны.

Разрешить Временной комиссии при необходимости привлекать к работе в ней членов других комитетов Совета Федерации, экспертов и специалистов.

3. Поручить руководство Временной комиссией заместителю Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Королеву Олегу Петровичу.

4. Определить в качестве основных задач Временной комиссии:

а) изучение проблемы борьбы с коррупцией, систематическое заслушивание информации о ходе расследования уголовных дел, получивших широкий общественный резонанс, в том числе уголовных дел, названных в докладах и выступлениях Генерального прокурора Российской Федерации Ю. И. Скуратова на заседаниях Совета Федерации, а также уголовных дел, связанных с событиями 17 августа 1998 года;

б) систематический анализ материалов проверок, проводимых Счетной палатой Российской Федерации, входе которых выявлены факты финансовых злоупотреблений;

в) разработку конкретных мер, направленных на предотвращение противодействия расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, связанных с коррупцией;

г) подготовку законодательных инициатив, направленных на совершенствование законодательства Российской Федерации о правоохранительных органах, обеспечение их деятельности по борьбе с коррупцией.

5. Временной комиссии подготовить предложения для консультаций с Президентом Российской Федерации в целях устранения разногласий, возникших в связи с отклонением предложения Президента Российской Федерации об освобождении от должности Генерального прокурора Российской Федерации Ю. И. Скуратова.

6. Настоящее постановление вступает в силу со дня его принятия».

Когда я вышел из зала, на меня лавиной налетели журналисты.

– Ну что?

– Буду выполнять решение Совета Федерации, – довольно спокойно ответил я, – и работать дальше.

– Станете ли вы добиваться встречи с президентом?

– Добиваться – нет, но если Борис Николаевич пожелает встретиться со мной – я готов.

В мою поддержку у здания Совета Федерации были выставлены даже пикеты с плакатами. Надписи довольно «крутые»: «Отставка Скуратова – это торжество мафии и ее кремлевского пахана», «Сенаторы! Защитите Скуратова от произвола!» «Спасем Ю. Скуратова от Б. Ельцина и кремлевского паханата» и так далее.

Газета «Сегодня» номер от 22 апреля выпустила под шапкой: «Власть кончилась. Первую пролетарскую революцию в России затеял адвокат Ульянов, вторую – прокурор Скуратов».

Люди прекрасно понимали, что в этой атаке президентская команда использовала практически весь свой ресурс, понимали и больше: Совет Федерации положил конец, – хотя бы на время, – грязным методам, которые кремлевские «горцы» применяли в борьбе со своими противниками.

Сейчас, когда уже прошло время, должен признаться, что апрель 1999 года был самым тяжелым периодом в моей жизни. На весы было брошено практически все.

Волошин продолжал угрожать из Кремля, обещал разборки с теми, кто не выполняет волю обитателей господствующего в Москве холма. Повеяло духом репрессий. Были намечены цели, по которым «горцы» приготовились стрелять: Примаков, Лужков… По моей скромной персоне также пошла стрельба.

«Московский комсомолец» выступил с материалом, озаглавленным очень показательно: «Кремль в луже». Кремль действительно оказался в луже.

Что же касается меня, то… вместо ослабления последовало такое сильное давление, что временами даже дышать было нечем.

Но как ни старались «горцы», все-таки симпатии многих людей находились на моей стороне. Наша самая серьезная социологическая служба – ВЦИОМ сделала опрос нескольких сотен человек. Так 58 процентов из них посчитали, что информация о сексуальных похождениях Скуратова не является достаточным основанием для его отставки, 23 процента – что является, 19 – затруднились ответить. 49 процентов были уверены, что я должен остаться на посту Генпрокурора, 24 – что лучше уйти.

Я начал активно сотрудничать с только что созданной комиссией Совета Федерации по коррупции. Но имелся ряд трудностей: члены комиссии не имели права знакомиться с конкретными уголовными делами, по которым велось следствие.

Увы, и здесь наше законодательство оказалось несовершенным. Нужен закон – примерно такой, что имеется, например, в Италии, в США, в некоторых странах Европы, дающий возможность депутатам парламента знакомиться с уголовными делами. Особенно с теми, что касаются высших чиновников страны.

У нас же права парламента, к сожалению, урезаны.

На заседании этой комиссии я был трижды. Первый раз – при обсуждении ситуации, связанной со мной, во второй – при

разборе важных коррупционных дел и в третий раз (на этом заседании мы были вместе с Катышевым) – посвященном законности освобождения меня от должности.

Что касается последнего вопроса, то решили: надо дождаться решения Конституционного суда и судов общей юрисдикции.

История моя, похоже, задела самых разных людей. Писем, телефонных звонков, разговоров, интервью была уйма. Люди старались поддержать меня… А с другой стороны, в голову все чаще и чаще заползала печальная мысль: «Члены Совета Федерации разъедутся на летние каникулы, и я вновь останусь один со своими проблемами. Как, собственно, это уже бывало не раз».

И что ждет меня в дальнейшем, будет ли у меня эта работа, либо будет какая-то другая, никто не знает…

Когда я еще лежал в больнице и вел себя «тихо», ко мне несколько раз приезжал Путин и как-то, разоткровенничавшись, сказал мне, что «семья» довольна моим поведением.

Тогда-то он и сообщил, что меня хотят назначить послом России в Финляндию – отправить, так сказать, в почетную ссылку.

– Не поеду, – сказал я твердо.

Путин удивился:

– Почему?

– Дочь учится в вузе, бросать нельзя, теща – инвалид… Да и в возрасте. Тоже бросать нельзя. Не поеду.

– Тогда кем бы вы хотели быть?

– Нормальная работа для меня – директор института. Та самая работа, которую я уже выполнял.

В этой ситуации контакты с Путиным были важны для меня еще и потому, что это были контакты с Татьяной. Я понимал: Борис Николаевич пребывает в некоем младенчестве, он неадекватен, Татьяна для него все – и глаза, и уши, и мозг, и записочки в кармане для ориентации, поэтому надо настраиваться на нее, и, пожалуй, только на нее… Сама она на контакт не шла и для этой цели выделила Путина.

Путин произносил всякие вежливые, сочувственные слова, старался вроде бы поддержать, а в это время его люди производили в отношении меня оперативно-розыскные мероприятия.

Как-то он приехал ко мне в Архангельское.

– Обнаружены злоупотребления, связанные с ремонтом вашей квартиры на улице Гарибальди, – сказал он. – Это связано с фирмами, работающими вместе с пресловутым «Мабетексом».

– Меня это совершенно не волнует, – ответил я. – Я стал собственником квартиры, когда в ней уже были закончены работы. А кто доводил квартиру до нормального состояния, какая фирма, одна она или их несколько, «Мабетекс» или контора по очистке территории от мусора, – этот вопрос не ко мне.

Путин вытащил из кармана пачку бумаг.

– Вот документы.

– Володя, я даже смотреть их не буду. С юридической позиции я безупречен. Вряд ли кому удастся ко мне придраться.

И все равно в те дни я был очень благодарен Путину за попытку принять участие в моей судьбе, решить болевые вопросы, которых накопилось полным-полно. Благодарен и Степашину, который как-то, когда я еще лежал в «кремлевке», сказал:

– Человек находится в больнице, никто даже не пытается выяснить, что у него на душе, о чем он думает, что у него болит. Но все нападают… Эх, люди!

Да, в ту пору я был благодарен и Путину и Степашину за участие. Пока не узнал, что за этим «участием» стояло. На самом же деле они соревновались друг с другом в скорости: кто быстрее сообщит Татьяне что-нибудь новенькое обо мне.

Через некоторое время на Совете Федерации Путин заявил, стыдливо потупив взор, что пленка о моих любовных похождениях – подлинная.

Кстати, это его опрометчивое утверждение дало мне возможность отвести экспертов ФСБ от того, чтобы они дали заключение по пленке суду. Ясно было, какое заключение они дадут…

Печатные органы, как всегда бывает в таких случаях, разбились на два лагеря: одни были за меня, другие – против. Минкин опубликовал в «Новой газете» статью «Честных прокуроров не бывает», где, не моргнув глазом, заявил, что и Скуратов и Карла дель Понте нарушили закон… Это почему же, господин Минкин, мы нарушали закон? И в чем? А? Минкину даже в голову не

пришло, что борьба с преступностью есть конституционная обязанность правоохранительных органов любой страны. Это раз. И два – у Генеральной прокуратуры России с генеральной прокуратурой Швейцарии на этот счет был заключен специальный меморандум, где черным по белому записано, что мы можем делать (имеем право), а чего не можем.

Минкин обвинил госпожу дель Понте в нарушении некой судебной процедуры. Откуда он взял это? Не знаю. Карла дель Понте как раз очень скрупулезно соблюдала все процедуры, и вообще, нарушение закона для такого человека, как она, – вещь немыслимая.

При этом Минкин ни слова не сказал ни о «Мабетексе», ни о Березовском с его сомнительными (мягко говоря) финансовыми операциями, ни о коррумпированной макушке кремлевского холма, ни о делах Центрального банка, попадающих под статью Уголовного кодекса… После этого стало ясно, какой из Минкина борец с коррупцией. Примерно такой, как из меня Папа Римский. Эта статья дошла до Карлы дель Понте, ей ее перевели.

– Как понимать статью Минкина? – спросила она у меня. – Ваша страна что – против совместной с нами борьбы с коррупцией?

– Минкин – ангажированный журналист, – ответил я, – и то, что изложено в статье, – это его частное мнение.

Кстати, Минкин в этот раз выступил в роли лакея, обслуживающего Пал Палыча Бородина, и за это получил гонорар – дачу в престижной Жуковке. Дали ее Минкину в управлении делами Кремля, сиречь в ведомстве Пал Палыча.

Когда в декабре проходили выборы в Госдуму, Минкин вознамерился переместиться из журналистов в депутаты. «Для меня журналистика исчерпана, – сказал он. – Точнее, она исчерпала себя. Люди перестали реагировать на острые статьи. Надо переквалифицироваться в политики».

Это сам Минкин исчерпал себя, журналистика же здесь ни при чем.

Грязные публикации, к сожалению, прошли и в «МК» – газете, к которой я отношусь с огромной симпатией и которой многим обязан. В частности, был опубликован материал Юлии Калининой, спрятавшейся под своеобразным псевдонимом «Отдел живой природы». Это была попытка нарисовать мой портрет, попытка талантливая, но очень циничная. Из статьи следовало, что мать у меня – алкоголичка, а отец обычный мент, который привык сворачивать набок скулы безропотным улан-удэнским работягам, и что моя биография, к сожалению, не похожа на биографию Гайдара.

Да, я горжусь тем, что моя биография не похожа на биографию Гайдара, и мне не стыдно перед Россией, как должно быть стыдно Гайдару, – я всегда стремился служить Отечеству, укреплять его, а не разрушать, не обездоливать, как это сделал Гайдар…

Информацию обо мне Калинина, конечно же, получила в Генпрокуратуре, у записных моих замов Розанова и Демина… Прочитав этот материал, на мою сторону встали даже некоторые мои враги – слишком уж грязным оказался он.

В середине мая там же, в «МК», была опубликована статья Марка Дейча «Опасные связи». Дейч и Будберг – это два сотрудника «МК», которые выполняли и выполняют заказы наших спецслужб, МВД и ФСБ. В своих публикациях, как правило, они пользуются оперативными справками, взятыми из уголовных дел… Но ведь всем хорошо известно, что нет ничего ненадежнее, чем оперативные бумаги – справки, отчеты, донесения: они обретают ценность лишь тогда, когда бывают проверены.

Что грустно в этой ситуации: КГБ когда-то привлекал Марка Дейча к уголовной ответственности за фарцовку и незаконные валютные операции, а преемница КГБ – ФСБ подкармливала его и в ту же пору пичкала оперативными, а значит, секретными (хотя и непроверенными) материалами. И Калинина, и Дейч, и Будберг волей-неволей находились, увы, на обслуживании коррупционеров. Им не важны ни грязные деяния «Мабетекса», «Андавы» с «Сибнефтью», ни телодвижения Березовского, прячущего по всему миру свои деньги и ускользающего от уголовной ответственности и налогов, важно другое – то, «что Скуратов нарушил моральные нормы». Заказные статьи, сделанные ими, творят погоду в России. И это грустно.

Дмитрий Штейнберг, известный адвокат, сказал следующее: «В цивилизованном обществе любые документы, в том числе и видеоматериалы, полученные незаконным и неконституционным путем, не могут служить предметом публичного обсуждения, и тем паче – на официальном уровне». Очень точные слова.

Даже «АиФ» – газета «Аргументы и факты», которая всегда поддерживала меня в борьбе с коррупцией, и та не удержалась от выпада, опубликовала довольно обидную информацию «Казенных трусов не выдают даже президенту», где приводит следующие слова: «В деле Скуратова фигурирует 14 костюмов, 14 рубашек, один смокинг, а также неимоверное количество носков, трусов, ботинок».

Внешне, конечно, все выглядит безобидно, но есть одно «но»: на вопрос читателя из Тульской области отвечает небезызвестный адвокат и не менее небезызвестный мошенник Якубовский. Администрация президента дошла до того, что не побрезговала даже его услугами – ответ на этот вопрос Якубовский озвучил на своей пресс-конференции. Вон до чего дошла жизнь в России: мошенники у нас уже дают пресс-конференции. Как крупные государственные деятели.

Естественно, Якубовскому, как человеку, которого прокуратура и суд совершенно законно упекли в «места, не столь отдаленные», очень хотелось уязвить Генерального прокурора, только вместо громкого окрика прозвучало тихое лживое шипение.

Были пошиты лишь костюмы и – никаких рубашек, смокингов, ботинок. И тем более – трусов с носками.

Дальше – цитата Якубовского: «Скуратов говорит: я думал, государство обеспечивает прокуроров». Я этого никогда не говорил. Знаю, что костюмы шьются для охраняемых государством лиц, в число которых, как известно, вхожу и я. Кто же конкретно был облагодетельствован такими костюмами, знает, наверное, только один Пал Палыч Бородин.

«Новая газета», которую так старательно подкармливал господин Лебедев из Национального резервного банка, опубликовала статью Владлена Максимова «Прокурорская хата». В заповедном месте под Орлом, мол, построен особнячок. Для личных целей генпрокурора Скуратова и его приближенных. Что «урвав минуту от многократно описанных в прессе трудов, на заповедную делянку прибывали на отдых сам Скуратов с супругой и его управделами Хапсироков».

Ложь, что этот «особнячок», как написала «Новая газета», построен для моих личных целей. Ложь, что я приезжал сюда с супругой отдыхать – Елена Дмитриевна здесь никогда не была. Ложь многое из того, о чем написано в статье Максимова.

Речь идет об обычном доме отдыха орловской прокуратуры, а не о частных хоромах Скуратова или орловского прокурора Николая Петровича Руднева, и дом этот нужен для прокурорских работников области…

Я бывал, конечно, в Орловской области, – как и во многих других, – но приезжал сюда не охотиться, не рыбачить, не кататься на вертолете, как намекается в статье, а по делу, по приглашению Егора Семеновича Строева.

Небезызвестный Шеремет с телевидения не удержался, подхватил «новую» информацию и использовал ее в своей передаче. В результате он очень скоро получил повестку в суд. За публичную ложь в мой адрес, где суммируется, думаю, все – в том числе и сведения, почерпнутые из «Новой газеты».

Я привык к различным угрозам, которые раздавались в мой адрес. Но, как говорят, собака лает, караван идет. Но когда грозили со страниц уважаемой газеты, дело принимало совсем иной оборот.

В «Известиях» была опубликована статья Владимира Ермолина «Дело Скуратова живет». Тут собрали целый букет: и угрозы, и фальсификация, и давление, и обыкновенная глупость, и безграмотность.

Так, Ермолин написал, что «Юрий Скуратов может из свидетеля по уголовному делу перейти в разряд подследственного». В обвиняемого, сударь, а не «подследственного». Слово «подследственный» вытащено из темных, пахнущих кошачьей мочой подъездов и совсем не подходит для грамотного юридического лексикона.

Далее автор утверждает, что на даче и двух моих московских квартирах был проведен обыск. Квартира у меня была одна – на улице Гарибальди. Еще была квартира у тещи, живущей в Подмосковье, но это – не моя квартира. А тещина.

Дальше Ермолин дошел до утверждения, что «Скуратов объявил о начале международной кампании в его защиту». Ни о какой кампании в мою защиту тем более международной, – я не объявлял. Да, меня пригласил конгресс США на слушания по коррупции, да, я собрался было поехать, тем более что у меня было что сказать, но не поехал…

В материале Ермолина имелись серьезные угрозы в мой адрес, ссылки на Мосгорсуд и Генпрокуратуру, а «Известия», дескать, заверили, что сегодня говорить о бесперспективности дела Скуратова «уже несерьезно – материалы пополняются, открываются новые обстоятельства, которые мы изучаем». И следом: «Судя по всему, представители следствия дают понять Скуратову, что ему не следует проявлять чрезмерную активность. Отнюдь не случайно в связи с обысками была обнародована информация и о двух квартирах отстраненного Генпрокурора». Можно считать, что власть завершает этап «предупредительных выстрелов» в отношении мятежного прокурора и готова открыть огонь «на поражение».

Опять «квартиры», опять «выстрелы». Опять вранье и угрозы, угрозы и вранье.

«Когда же все это кончится?» – думал я.

Центробанк

Настала пора поговорить о банках и банкирах, о тех нравах, что царят в банковской системе, об олигархах, «горцах» и вообще простых людях, тех, кто так или иначе с банками связан.

Главный банк у нас в России, естественно, Центральный. ЦБ. ЦБ влияет на денежную политику России, на курс валют, на торги, где рубль либо поднимается, либо безнадежно падает.

О том, как повел себя Центральный банк в августе 1998 года, написано очень много и, думаю, написано будет еще больше.

К тому моменту, когда к руководству в ЦБ пришел Сергей Константинович Дубинин, у нас с этой организацией сложились довольно неплохие отношения. И для нас, и для банка больным был вопрос об экономической преступности, мы даже провели несколько совместных заседаний, в том числе и коллегию, у нас, в Генпрокуратуре, и заключили договор о взаимодействии. Нам важны были сведения о подозрительных сделках – отследить их можно только с помощью Центрального банка, самостоятельно же прокуратура это сделать не может, нет у нас такого инструмента. Центробанк пошел нам навстречу.

Прошло немного времени, и Счетная палата сделала попытку проверить ЦБ, но Дубинин заупрямился, и поскольку у Центрального банка имелась правовая защита, то мы встали на сторону ЦБ. Хотя, честно говоря, не надо было бы. Ко мне приехал председатель Счетной палаты Хачим Мухамедович Кармоков, следом приехал Дубинин, и мы долго сидели втроем, утрясая этот вопрос.

Но «шоколадные» отношения кардинально изменились после 17 августа 1998 года, когда Центральный банк не справился с главной своей обязанностью поддержанием курса рубля.

Рубль рухнул стремительно, обвально, словно у него никаких «ног» в виде валютных подпорок ЦБ и не было. Мигом обнищали сотни тысяч, миллионы людей, мигом прекратил свое существование так называемый средний класс. Был также потерян кредит доверия на Западе.

Государственная Дума, а следом за нею и Совет Федерации обратились в Генеральную прокуратуру России с просьбой проверить обстоятельства катастрофы: как это произошло, а заодно проверить и Центробанк.

Была создана специальная группа во главе с Чайкой. В группу вошел Анатолий Владимирович Паламарчук – заместитель начальника управления общего надзора, он хорошо знал финансы, банки, экономику; вошли специалисты из МВД и Министерства финансов. Проверка началась.

К этому времени Дубинина уже освободили и Центробанк возглавил Геращенко.

Вскоре ко мне начала поступать тревожная информация, из которой следовало, что главной причиной обвала стала деятельность ЦБ и Министерства финансов на рынке ГКО – ценных бумаг, именуемых государственными краткосрочными облигациями.

Наша задача была не искать правых и виноватых, а извлечь из случившегося уроки, чтобы эти скорбные ошибки не повторялись в будущем.

У всех у нас на памяти был так называемый «черный вторник», который, похоже, ничему нас не научил. Причины «черного вторника» тогда были выявлены точно: заинтересованными в нем оказались крупные российские банки, буквально озолотившиеся на народной беде, а виновными – не самые бедные «стрелочники» – чиновники из Министерства финансов и Банка России. Этому вопросу было посвящено специальное заседание Совета безопасности, которое провел сам Ельцин. В решении было отмечено, что к финансовой беде привели раскоординированность, несвоевременность действий и некомпетентность некоторых федеральных органов исполнительной власти, а также непрофессионализм и безответственность руководителей этих органов.

Среди виновных были названы заместитель министра финансов России Дубинин С. К., директор департамента Центробанка Потемкин А. И., генеральный директор валютной биржи Захаров А. В. и другие.

Решение то было, как видно, принято «для галочки» и осталось лишь на бумаге, виновные сходили с ним, извините, в одно место и с удовольствием использовали по назначению. Дубинин через некоторое время резко пошел на повышение и возглавил Центральный банк России, Потемкин также круто продвинулся по служебной лестнице и стал его заместителем, а Захаров как возглавлял валютную биржу, так и продолжал ее возглавлять. Ему и без повышений было хорошо.

Ни законодательные, ни нормативные – никакие, словом, меры не были внедрены в жизнь. И это было кому-то очень выгодно.

Я подготовил специальную докладную записку Ельцину, где отметил, что «до сих пор нет закона об управлении валютными резервами страны, не разработана система штрафных санкций за применение хозяйствующими субъектами произвольных котировок валют при расчетах с потребителями (существует практика объявления цен на товары и услуги в иностранной валюте), не создана межбанковская служба безопасности, не привлечены к ответственности банки – участники спекулятивных сделок».

Хотя по итогам «черного вторника» было возбуждено уголовное дело, но оно расследовалось вяло, материалы месяцами лежали

без движения в папках, руководящие сотрудники ФСБ жаловались – нет сил на расследование. В результате – время было безнадежно упущено.

Август 1998 года свидетельствует о крупных просчетах, допущенных в финансовой политике Центробанком и Минфином России. Плюс, конечно же, неработающая экономика.

А финансовые структуры богатеют, раздуваются, словно напившиеся крови клопы.

Поскольку промышленность не работала, то правительство наше не нашло ничего лучшего, как создать огромную финансовую пирамиду, попытаться качать деньги. Чтобы устоять на ногах…

И что же в результате мы получили?

Если в 1993 году внутренний государственный долг составлял 16 миллиардов рублей (деноминированных), то в конце 1998 года он вырос в сорок семь с лишним раз и составил уже 755,9 миллиарда рублей.

Сама идея ГКО, может быть, и ничего (написать «хорошая» как-то рука не поднимается), но только в том случае, если деньги тут же бывают брошены в угасающую промышленность, та оживает, в результате появляется продукция, которая и приносит прибыль. На прибыль можно погасить долги, сделать задел…

Деньги же эти частично пошли на проедание, частично в карман чиновников, игравших на рынке ГКО, как в рулетку.

Только рулетка эта была для них беспроигрышной и кое-кому принесла до двухсот процентов прибыли.

В декабре 1997 года долги пирамиды уже возмещались из бюджета, ясно было, что очень скоро рынок ГКО рухнет, эксперты не раз предупреждали об этом, но ни Центральный банк, ни Министерство финансов палец о палец не ударили, чтобы предотвратить беду. Хотя времени у них было более чем достаточно – с декабря 1997 года по август 1998-го. Девять месяцев. Целых девять месяцев!

Но чиновники с азартом играли на бирже ГКО, обогащались немыслимо, поскольку сами устанавливали условия игры – неведомые для других, – и делали беспроигрышные ставки.

За такие штуки, извините, по головке не гладят ни в одном государстве. Кроме как в государстве нашем, вызывающем удивление всего мира.

Были сняты ограничения для нерезидентов – иначе говоря, иностранцев, и треть всех ценных бумаг оказалась в их руках.

Доходы от ГКО были бешеные, и чем выше они становились, тем тощее делался государственный карман, тем больше богатели чиновники. Остановить их не могло уже ничто. Только обвал.

Иностранцы, кстати, выкачали с помощью этой пирамиды из России большие деньги. Ценные бумаги продавались по цене, составляющей пятьдесят-шестьдесят процентов от номинала, платить же за них через месяц-два приходилось все сто процентов, плюс купонный доход.

И утверждено все это было подписью самого президента 1 июля 1996 года. Назывался этот документ «Концепция развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации». В подготовке этой «ценной» бумаги активное участие принимал господин Чубайс. Такая постановка вопроса, как и сама пирамида, была максимально выгодна для иностранцев. Сегодня хорошо видно, что концепция чубайсовская (или чья она там?) была ошибочная. Она предусматривала четыре этапа реализации, и реализация каждого этапа приводила к кризису, а в конечном счете – к тому, что рынок ценных бумаг рухнул. Благословленный, повторяю, подписью президента…

Так, например, промежуточный обвал рубля, когда доллар поднялся сразу на 54 пункта, произошел 28 октября 1997 года и совпал с очередным этапом схемы, утвержденной в «Концепции развития рынка ценных бумаг». Третий этап – опять-таки с подачи Чубайса, укрепившего позиции иностранцев на рынке, совпал со снижением эффективности внутренних заимствований и повышением доходности ГКО. То есть чем больше брали, тем меньше денег попадало в карман государства. В декабре 1997 года стоимость обслуживания этого рынка превысила валовые поступления от продажи бумаг ГКО, и организаторам этой акции пришлось залезть в карман страны и взять 600 миллиардов рублей. Вот она, победа третьего этапа!

Четвертый этап, который стартовал 1 января 1998 года, довершил развал. Он снял все ограничения на вывоз иностранцами доходов от ГКО. Вместо притока капиталов в Россию мы получили сильнейший отток: все деньги вывезли, национальная валюта девальвировалась, и рынок ГКО обваливался целиком. Произошло это, как известно, 17 августа 1998 года.

С 1 января 1998 года этот рынок ГКО стал спекулятивным, не было уже никаких систем сдержек и противовесов, имущество России открыто закладывалось в «ломбард» и на эти деньги покупались ценные бумаги, которые потом в одно мгновение превратились в ничто, в пепел.

Более того, Центральный банк под руководством Дубинина сам охотно выступал на этой бирже в качестве азартного игрока. Хотя по третьей статье Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», как известно, «получение прибыли не является целью деятельности Банка России».

Играл Банк России на бирже не менее увлеченно и преступно, чем, скажем, Чубайс и другие, обогатившиеся на ГКО, господа. Например, совет директоров Центробанка на своем заседании 29 декабря 1997 года утвердил лимит операций в объеме 50 миллиардов деноминированных рублей. Это 50 триллионов старых рублей.

Под все свои операции Центробанк включал печатный станок и штамповал деньги, это соответственно увеличивало инфляционные процессы, снижало покупательную способность национальной валюты.

За десять дней до обвала Банк России начал ускоренный сброс ценных бумаг, имевшихся у него, и тем самым ускорил падение рубля.

Что это – уголовное деяние или элементарная безграмотность, за которую должны отвечать руководители Центробанка – Дубинин и с ним кто-то еще, должно было выяснить следствие.

Хотя, на мой взгляд, за это должно отвечать, конечно же, все тогдашнее руководство Центробанка. И Дубинин, и Алексашенко, и Потемкин. Я уже не говорю о чиновниках рангом пониже, тех, кто совмещал государственную службу с коммерческой деятельностью, что, как известно, строжайше запрещено законом. А эти люди были и государственными чиновниками, и спекулянтами, и игроками одновременно.

В ходе разбирательства в Центробанке мы неожиданно наткнулись на некую фирму «Фимако», которая в ту пору была мало кому ведома, зарегистрированную на Нормандских островах, точнее, на острове Джерси по поручению Евробанка.

Евробанк – это, что называется, «наш» банк, точнее – российский заграничный банк, 78 процентов капитала которого принадлежит России.

Одно время «Фимако» меняла своих хозяев, переходила из рук в руки, пока снова не стала принадлежать нам, уставной капитал этот офшорной компании составляет всего одну тысячу американских долларов, да и тот был оплачен лишь 1 января 1998 года, но тем не менее, в одном лишь 1993 году Центробанк перевел в «Фимако» 1 миллиард долларов из собственных средств, а также 500 миллионов долларов из 800-миллионного транша МВФ.

Как видите, бедненькая офшорная фирма очень быстро стала богатой, сделалась особой, очень звучной песней Центробанка. И за три года до официального разрешения российского правительства иностранцам позволили участвовать в операциях с ценными бумагами, «Фимако», несмотря на то, что была иностранкой, начала играть на рынке ГКО.

Самый крупный перевод денег в «Фимако» в сумме 1,4 миллиарда долларов США был сделан в сентябре 1994 года, примерно за две недели до «черного вторника».

Кто знает, окажись эти деньги в России на валютном рынке, то, может, и «черного вторника» не было бы. Для проведения успешной президентской кампании, на избрание Ельцина требовалось примерно 500 миллионов долларов США. Было решено построить пирамиду ГКО, «добро» на которую дали и руководитель правительства Черномырдин, и сам Ельцин. Тогда же было принято решение допустить на рынок ГКО нерезидентов.

Первыми оказались, естественно, «Фимако» и Евробанк.

Для того чтобы «Фимако» находилась на высоте, в эту структуру были закачаны 855 миллионов долларов. Затем денег закачали еще. Не жалели зеленых.

Не банк, а песня! Всякому хотелось бы оказаться на месте этой организации. Только вот рядовым налогоплательщикам ничего из этих операций не перепадало и жизнь в России становилась все хуже и беднее.

В результате всех предвыборных операций в «Фимако» за пять месяцев было закачано около миллиарда долларов из валютных резервов России, деньги эти вкладывались в ГКО, конвертировались в рубли и гасились деньгами из того же бюджета, но уже с солидными процентами. Полученные суммы в долларах вновь вывозились за границу.

И что же мы имели в конце концов? Только в одном 1997 году четыре члена правления Евробанка получили бонус (читай – премию) в размере 1,2 миллиона долларов.

Неплохо, правда?..

Следующий после Дубинина председатель Центробанка Геращенко был членом наблюдательного совета Евробанка с 1993 по 1997 год и, естественно, был причастен к созданию «Фимако». Потом он объяснял мне, зачем создали этот банк – чтобы увести часть валюты от ареста в связи с возможными претензиями иностранных банков к ЦБ. То есть спрятать деньги за кордоном. И их спрятали.

Так глубоко спрятали, что «Фимако» оказалась вне зоны действия наших законов. Вот несколько итоговых цифр: в этот огромный кошелек с 1993 по 1998 год было запрятано следующее богатство: американских долларов – 37 миллиардов; немецких марок – 10 миллиардов; французских франков – 12 миллиардов; английских фунтов – 100 тысяч. А ведь государство очень легко могло лишиться этих гигантских сумм.

У Геращенко, конечно же, на многие эти нарушения были свои объяснения. Ну, например, когда я спросил у него, как же так

произошло: иностранцам на первоначальном этапе было запрещено участвовать в «играх» и на рынке ГКО, а «Фимако», официально действующая под британским (но не под нашим) флагом, вовсю в них участвовала? Геращенко объяснил, что рынок ГКО для иностранных банков был этаким «котом в мешке», поэтому для приманки туда надо было запустить «своих» иностранцев. Вот и запустили «Фимако» и Евробанк.

И все-таки действующее законодательство не позволяло Центробанку создавать такие структуры и загонять за границу наши валютные резервы. Не дело, совсем не дело, когда они хранятся в США либо в Англии. Ведь чуть что, любое похолодание, обострение на планете из-за Сербии или Чечни, и все наши счета оказываются заблокированными совершенно мертво. И мы ничего не сможем сделать, чтобы выручить их.

С точки зрения экономической безопасности нужен специальный закон об управлении валютными резервами страны, о том, где они могут – или должны находиться, в каких пропорциях, как можно их отзывать и так далее. Этот вопрос остается открытым, кстати, до сих пор. Действительно, случись что, и мы сразу окажемся в финансовой изоляции. Этим законом надо заниматься специально. И очень серьезно.

Мы подготовили ряд своих предложений по валютному регулированию, управлению денежными резервами Центрального банка России, по контролю над ЦБ, предложили расширить полномочия национального банковского совета, который должен осуществлять контроль за деятельностью совета директоров ЦБ. Предложили, чтобы во внутренних государственных заимствованиях были обязательно установлены верхние пределы, чтобы регулировался процент доходности, чтобы были исключены супердоходы, какие имелись на рынке ГКО, и так далее.

В ходе проверки было возбуждено три уголовных дела. Первое связано с непорядками, скажем так, в системе представительских расходов. Дубинин, например, мог расходовать по своему усмотрению пятнадцать тысяч долларов ежемесячно. Оплачивался любой его чих. Первые замы председателя ЦБ – по десять тысяч долларов, просто замы – по семь с половиной тысяч. Это очень неплохая прибавка к зарплате, которую владельцы представительских кредитных карточек так и воспринимали. Помощники – даже помощники! – могли тратить по семь с половиной тысяч долларов, директора департаментов – по пять тысяч… и так далее. И все в долларах. В нищей-то стране с голодающими окраинами, упавшей экономикой и безработным населением… Пир во время чумы! Но кремлевские «горцы» вместе со своим подручным Дубининым этого не стыдились. Пировали, как могли.

Расходовались эти деньги совершенно бесконтрольно. Когда начали проверять, выяснилось, что с деньгами действительно обходились, как с личными, неучтенными «женой и государством» доходами, как с некой прибавкой к зарплате… Были зафиксированы как факты превышения этой прибавки – по месяцам, – так и факты незаконного списания этих денег и так далее. Второе уголовное дело было возбуждено по поводу того, что Центральный банк, прежде всего работники валютного департамента, выдавали задним числом коммерческим и частным финансовым структурам разрешения на проведение валютных операций. Валюта уходила из страны, растворялась в зарубежных нетях, как в тумане, а спустя полтора-два года, – лишь спустя полтора-два года! – на это давались разрешения. За этими вопиющими фактами, конечно же, стояли сильнейшие злоупотребления, которые просто потрясли нас: такие вещи можно совершать только при полной бесконтрольности со стороны руководства ЦБ.

И третье уголовное дело, – самое перспективное, которое еще предстоит детально расследовать, – это дело, связанное с операциями физических лиц на рынке ГКО.

На межбанковской валютной бирже мы изъяли базу данных и были изумлены ее «начинкой»: обнаружилось, что на рынке ГКО играли 45 тысяч физических лиц, в том числе и огромное количество государственных чиновников. Разного калибра причем: и крупных, и мелких, и средних.

Чтобы обработать эту базу, отделить зерна от шелухи, а плевелы от пшеницы, нужна была мощная электронная машина со специальной программой. Этим делом занялся Анатолий Владимирович Паламарчук. Он сразу почувствовал, что за операциями на рынке ГКО стоят какие-то очень внушительные фигуры. Иначе бы рынок ГКО не работал в ущерб интересам страны. Ведь государственный бюджет нес колоссальные потери, но тем не менее рынок ГКО работал. Это же кормушка! Обычная кормушка! Ведь убыточные аукционы можно и нужно – было не проводить, их нужно было закрывать и думать, что делать дальше, но их проводили! И хорошо на этом зарабатывали. Зарабатывали те чиновники, которые были обязаны оберегать казну от напастей, подобных ГКО.

Вскоре компьютер начал выуживать из длинного сорокапятитысячного списка знакомые фамилии.

Выяснились факты и мелкого жульничества со стороны крупных государственных чиновников. Многие не называли свои фамилии, давали лишь паспортные данные либо только инициалы или же изменяли в своих фамилиях одну-две буквы. Всего мы обнаружили в этом списке 780 крупных государственных чиновников, не имеющих права играть ни в какие коммерческие игры.

Кто же эти люди? Чубайс – в ту пору вице-премьер российского правительства, Серов – вице-премьер, Козырев – этот играл с особым азартом и вкладывал в ГКО огромные суммы, Тихонов – министр образования и науки, Алексашенко и Можаров – заместители председателя Центробанка, первый заместитель министра финансов Вавилов, еще двое рядовых заместителей министра финансов, без приставки «первый», первый заместитель министра обороны Михайлов и другие. Среди активных игроков оказались Гайдар и обе дочери президента, Татьяна и Елена. Но если Елена, поскольку считается обычной гражданкой, может играть в такие игры, – она не является госслужащей, то Татьяна – советник президента по имиджу… Это только в бреду, в больной голове может родиться такая должность. В голодной-то стране!

Когда пошли расшифровки первых фамилий, я рассказал о них Примакову. Премьер был возмущен. Решили все тщательно перепроверить, а затем уже делать оргвыводы.

Нам активно помогало МВД. Но у Степашина все время возникала некая зависть, – это, как говорится, ведомственное, это пройдет, хотя зависть штука нехорошая и является движителем многих недобрых деяний, – и вдруг в «Независимой газете» появился материал, который, как выяснилось, был написан на основе записки МВД в Кремль, плюс Степашин начал обнародовать такие суммы, что они были очень болезненно восприняты прежде всего Дубининым.

Даже Геращенко, и тот не выдержал, воскликнул: «Ну, я понимаю, этим делом занимается прокуратура – и пусть занимается… Только при чем здесь МВД?» Тем не менее ведомственный зуд продолжал одолевать Степашина. Он написал записку Примакову со своей версией о хищениях в Центробанке. Записка была настолько сырая, что когда ее расписали нам, мы, изучив эту бумагу с Кехлеровым и Катышевым, решили ее дезавуировать своей запиской: слишком уж она была безответственна и слаба.

Эта ненужная активность Степашина создала нездоровый ажиотаж вокруг проверки. Работать нашей группе стало трудно, на нас пошло давление: слишком много громких имен оказалось замешано в скандале вокруг ГКО.

Чем еще были привлекательны доходы, получаемые от игр в ГКО? Эти доходы не облагались налогами. Токарь со своей скромной зарплаты платил налоги, учитель платил, даже пенсионер и тот платил, а разжиревшие игроки рынка ГКО не платили. Ну не нонсенс ли!

Возникли и другие вопросы к игрокам. Первое: не служили ли средства, которые шли на приобретение ценных бумаг ГКО, некой подставкой для отмывания грязных денег? Ведь любой игрок мог сказать:

– Я заработал на рынке ГКО значительные суммы…

А на самом деле эти деньги – ворованные.

Наряду с чиновниками, с Чубайсами и Гайдарами, на рынке ГКО играли и преступные авторитеты, и олигархи, и теневые магнаты нефтяного рынка, и «воры в законе» – это мы выяснили точно, фамилии в прокуратуре есть. Рынок ГКО стал большой стиральной машиной для отмывания грязных денег.

Чубайс, например, отрицал, что он играл в ГКО, будучи первым вице-премьером. Я, честно говоря, вначале даже засомневался: может, действительно он не играл? Уточнил у оперативных работников, те подтвердили – играл!

Второе: нас интересовали вопросы, связанные с так называемой инсайдерской информацией, с информацией, как проводить конкурсы, на каких условиях, – все это ведь собирается в руках, скажем, того же Чубайса, курировавшего финансовый блок в правительстве, который потом дает команды на покупку и продажу ценных бумаг. Знает все условия вплоть до самых мелких деталей. И сам же играет… Разве Чубайс, имея на руках такую информацию, мог когда-нибудь проиграть? Или позволить проиграть своими друзьям и знакомым? Он всегда мог позвонить кому-нибудь из них и сказать: купи бумаги ГКО, – не пожалеешь! На один рубль наваришь два. Или наоборот: не делай никаких покупок – проиграешь! Поэтому возникла вполне логичная необходимость проверить эту версию следственным путем.

Бывший министр иностранных дел Козырев на этом рынке оперировал миллиардами рублей. Когда возникла его фамилия, начал, как и Чубайс, возмущаться: не играл, мол… навет! Играл! Еще как играл! Операции-то все расписаны, они все остались в компьютерном банке данных! Как и операции Гайдара и других игроков… Эти люди, имея в своих друзьях Чубайса, вполне могли пользоваться инсайдерской информацией.

Несколько слов о Викторе Владимировиче Геращенко, пришедшем на смену Дубинину. Геращенко очень обаятельный, насмешливый, знающий историю и литературу человек, умеет образно мыслить и говорить. Отношения у нас с ним поначалу сложились вроде бы неплохие. Когда был готов первый вариант общей справки ревизии Центробанка, я приехал к нему и положил справку на стол:

– Виктор Владимирович, посмотрите, пожалуйста! Может, в каких-то вопросах мы не правы, может, где-то что-то перегнули или, наоборот, не учли. Мы работали с правовой точки зрения. А вы почитайте справку с точки зрения финансовой. Потом мы встретимся, все обсудим и внесем поправки. И подумаем о форме реализации.

На том мы с ним и договорились.

Но тут последовало крайне неудачное заявление Степашина – очередное, меня начали одолевать интервьюеры и задавать вопросы по ревизии в ЦБ, я в конце концов не выдержал и признался, что есть материалы на три уголовных дела, – но расшифровывать ничего не стал. Думал, что этим и закончится…

Но не тут-то было. Не закончилось. Через короткое время Геращенко появился на экране ОРТ, где заявил примерно следующее:

– Нас пугают прокуратура и МВД, говорят о злоупотреблениях в системе Центробанка. Это мне напоминает новогодние страшилки, которыми пугают детей. Я считаю, что Генпрокурор должен сделать доклад в Государственной Думе под телекамерами, чтобы вся страна знала, что происходит, а мы на этот доклад ответим… Мы готовы ответить! И вообще, Генпрокуратура хоть проверяла Центробанк, но МВД тут каким боком?

Меня это задело: мы же договаривались с Виктором Владимировичем: я ведь никому не отсылал эту справку, отдал только ему, отдал на изучение и готов был исправить любое ее положение. Только Геращенко должен был мне сказать: «Юрий Ильич, вот здесь вы не правы, это нельзя давать, мы нарушаем государственную тайну, а здесь вы не правы потому-то» – и так далее, но Геращенко этого не сделал, а взамен выступил публично по телевидению.

Хотя мы с ним даже договаривались о путях реализации документа: либо это будет доклад в Государственной Думе, поскольку Дума требует именно этого, хотя понятно, что многие факты, изложенные в справке, могут быть использованы в политических целях, либо будет выступление на Совете Федерации, либо доклад на Совете безопасности, что, честно говоря, меня устраивало больше (потом я, кстати, обратился к президенту именно с таким предложением, но ответа не получил), – в общем, вопрос этот был открыт… Но вместо обсуждения Геращенко заявил: пусть прокурор сделает доклад в Госдуме перед телекамерами. Определил, так сказать, как с этой бумагой быть.

Сразу стало понятно: раз Геращенко выступает с таким заявлением, значит, в справке для него самого и его системы нет ничего опасного.

Я приказал Паламарчуку:

– Заберите у Геращенко справку!

Хотя, наверное, должен был отставить эмоции в сторону и позвонить Геращенко. А он – позвонить мне. Но ни я ему, ни он мне не позвонил.

Справку у Геращенко забрали, мы ее дотянули, как считали нужным, и отправили к Примакову. Тот занял позицию невмешательства: не защищал и не критиковал Центробанк. Видать, это было связано с предоставлением нам траншей МВФ.

Я подготовил бумагу, адресованную президенту, показал ее Орехову. Записка от Орехова попала к Бордюже, тот, прочитав ее, сказал, что такая записка очень даже нужна, но потом изменил точку зрения. Я узнал, что он встретился с Геращенко и Виктор Владимирович уговорил его не показывать справку президенту.

Негативную роль во всей этой истории сыграл Дубинин – ему очень хотелось спустить вопрос на тормозах. Более того, он боялся сесть в тюрьму. Он почему-то считал, что я хочу его посадить. Я же полагал, что главное извлечь из случившегося уроки, сделать все, чтобы такое никогда больше не повторилось, вернуть людям деньги, – кстати, все деньги, выделенные в тот момент банком, чтобы выровнять ситуацию, незамедлительно переправлялись за рубеж.

Дело дошло до того, что любое мое выступление по телевидению немедленно сопровождалось телевизионным контрвыступлением Дубинина.

Этой проверки боялись кремлевские «горцы», поэтому в ход было пущено все.

Дубинину здорово помогал Сванидзе. В игру включились и международные финансовые институты.

Произошло и смыкание Дубинина с Березовским. На почве борьбы с Генпрокурором. Ко мне пришли данные оперативного характера, свидетельствующие о том, что в Швейцарии состоялась специальная встреча Дубинина с Березовским, где обсуждался вопрос о моем отстранении от должности.

У Дубинина имелся еще один повод для беспокойства – швейцарская компания «Андава». Создана «Андава» была лично Березовским, зарегистрирована в Швейцарии, через нее проходило 80 процентов денег зарубежных представительств Аэрофлота. А представительств этих у Аэрофлота ни много ни мало – 152. Причем валюта попадала в «Андаву» Березовского не сразу – вначале поступала в инвестиционную кампанию «Форюс», а уж потом в «Андаву», Аэрофлоту же, естественно, перепадало не все. Березовский обгладывал Аэрофлот до косточек.

Дубинин задним числом дал «добро» на деятельность «Андавы» – раньше она работала без лицензии, дающей право на вывоз валютной выручки из России, а Дубинин легализовал ее.

В одном из телефонных разговоров Дубинин пожаловался Березовскому, что люди из прокуратуры слишком близко подобрались к нему.

БАБ успокоил Дубинина:

– Не бойтесь, Скуратова скоро не будет!

Зафиксирован был и другой разговор – Шабдурасулова с Березовским. Разговор касался моего письма, которое я – в черновом варианте, – оставил у Орехова и Бордюжи. (Об этом письме я уже говорил.) Орехов показал эту бумагу Шабдурасулову, поэтому Шабдурасулов и сказал БАБу:

– У прокуратуры очень серьезные претензии к Центральному банку…

Березовский в ответ поставил прямую задачу: сейчас не до распрей, не до обсуждений, какие грехи имеются за Центробанком России – это второстепенно, главное сейчас – это Скуратов. Скуратова надо как можно быстрее убрать!

Моей же целью на тот момент было – обсудить материалы проверки ЦБ на заседании Совета безопасности – по аналогии с обсуждением «черного вторника», – и вообще довести это дело до логического конца. Бордюжа эту идею поддерживал, но потом развернулся на сто восемьдесят градусов видать, кто-то убедил.

В общем, в результате подковерной борьбы все наши усилия были сведены на нет. Так ничем эта проверка и закончилась. Обидно!

Деньги, которые платили наши государственные банкиры себе как заработную плату – начиная с Дубинина и кончая последней уборщицей, – нам и не снились. Это бешеные суммы. За малейший чих выписывались гигантские премии, карманы туго набивались долларами. Нарушения там, похоже, вообще считались некой служебной добродетелью.

Много было разговоров и по поводу странного исчезновения стабилизационного кредита МВФ, который был выдан нашей стране за две с половиной недели да черной даты 17 августа 1998 года. Впрямую говорили о хищениях, о том, что этот кредит был целиком перечислен на счета президентской семьи и так далее. Мы провели и эту проверку.

Прямых хищений не установили. Но вот что интересно: из стабилизационного кредита в 4,8 миллиарда долларов 4,4 миллиарда Центральный банк продал, минуя торги межбанковской валютной биржи, 3,9 миллиарда долларов вообще даже не заходили в Россию, они так и остались за рубежом, и лишь 471 миллион долларов был брошен на поддержание курса рубля. Этого было, естественно, очень мало.

По закону все деньги стабилизационного кредита должны были пойти на укрепление рубля.

3,9 миллиарда долларов были просто перечислены с корреспондентских счетов Центробанка на корреспондентские счета других банков прямо в США. Всего таких банков, облагодетельствованных ЦБ, оказалось восемнадцать!

Почему они получили деньги, минуя Московскую межбанковскую валютную биржу? Вопрос. Почему получили деньги именно эти восемнадцать банков, а не другие восемнадцать, или сорок, пятьдесят, шестьдесят – тоже вопрос. Получить ответы на эти, касающиеся каждого человека, живущего в России, вопросы нам не удалось, как и на другие больные вопросы. Последовало мое освобождение от должности.

Я уже не говорю об ответе на вопрос, который касается престижа нашей страны. Это – вопрос о дефолте. Мы неожиданно взяли и объявили себя нищими, разделись перед всем миром. Вы думаете, этот вопрос обсуждался на заседании правительства? Нет, не обсуждался. Обсуждался на заседании Совета Федерации? Не обсуждался. На заседании Совета безопасности? Не обсуждался. Может быть, о нем говорили в Госдуме? Нет, не говорили.

Тогда кто же принял решение объявить Россию на весь мир нищей?

Имена этих людей Россия должна знать.

Собрались пять человек, поговорили немного, поухмылялись – слишком уж «веселым» показался им этот исторический момент и объявили: «Дефолту быть!»

Вот их имена:

Дубинин Сергей Константинович,

Кириенко Сергей Владиленович,

Задорнов Михаил Михайлович,

Чубайс Анатолий Борисович,

Гайдар Егор Тимурович.

Большего унижения России за многие века, по-моему, не было.

Понадобились значительные усилия Примакова и его правительства, чтобы этот вопрос дезавуировать. Ну какая Россия, к шутам, нищая?

Тем временем последовал запрос Госдумы по поводу аудиторской проверки Центробанка, и я написал письмо, где рассказал о многом, что вскрылось в ЦБ, в частности о деятельности «Фимако». Потом меня обвиняли в том, что я огласил некие тайны Центробанка, но я подписал это письмо совершенно осознанно: я видел, какая борьба идет вокруг, и понимал, что в любую минуту могу потерять рычаги управления прокуратурой и тогда уже все – никто ничего не узнает. Тем более что на Совете безопасности этот вопрос рассматривать не собирались. Не проверять офшорную структуру «Фимако» было нельзя.

Надо заметить, что все деньги, которые были перечислены на счета «Фимако», вернулись, но никто не обратил внимания на то,

куда же делись проценты с них. А это сотни миллионов долларов. Где они? Ау!

Геращенко выступил по первому каналу телевидения, осудил мой «проступок» – подписание письма в Госдуму, – назвав это «лебединой песней Генерального прокурора Скуратова». И еще одну хорошую пословицу употребил, сказав, что меня послали во всем разобраться, а я вместо этого «Чижика съел». Красивое было выступление!

Прошедшим летом мы случайно увиделись с Геращенко на одном довольно узком семейном празднике. И Геращенко сказал мне:

– Юрий Ильич, моя супруга просила кланяться вам и сказала: «Витя, обязательно извинись перед Скуратовым за «лебединую песню».

На душе после этих слов сделалось немного легче. Все-таки русские люди – это люди, которые всегда переживали, переживают и будут переживать, не проходят мимо несправедливости, обид и боли. Это сидит в нас издревле, глубоко и стало уже, по-моему, неистребимым. Я, естественно, не являюсь исключением из правил.

Конечно же, достойно сожаления то, что в свое время мы не нашли с Виктором Владимировичем общего языка. Мне было наплевать, что обо мне думает Борис Николаевич, его окружение, прикормленная им криминальная тусовка, Березовский с Абрамовичем, но совсем не наплевать, что думал Геращенко. Это очень значительная фигура. С большим авторитетом. И, конечно же, жалкими выглядят на фоне этого человека попытки пигмея Лебедева из Национального резервного банка занять место председателя Центробанка. Масштабы этих людей несопоставимы.

По итогам нашей проверки мы направили председателю Центробанка четыре представления, хотя все можно было сделать гораздо более дружелюбно, без официоза.

Все представления были учтены, Геращенко навел порядок в ЦБ, в том числе и с золотыми «представительскими» карточками, и фактически признал нашу правоту.

Счетная палата тоже провела проверку… Хотя особо, честно говоря, в глубину ЦБ аудиторы Счетной палаты не забирались. Дело в том, что в ту пору мучительно решался вопрос о выделении нам транша МВФ и на нас все время давили – если мы будем продолжать линию на выявление недостатков в ЦБ, то вообще не получим никаких кредитов, не только очередного транша. Дубинин, находясь в прямом контакте с Мишелем Камдессю, использовал это в своих целях. Вообще мы имели еще один пример борьбы закона с политической и хозяйственной целесообразностью.

Более того, меня пытались заставить сделать заявление – специально для Международного валютного фонда, – что прокуратура не нашла в деятельности Центробанка никаких нарушений. Сделать такое заявление меня уговаривал, в частности, Волошин. Обхаживал и Дубинин со своей командой, хотя ясно было, что его больше интересует собственная шкура – как бы она не полиняла в результате проверки, – чем транши МВФ.

Чайка, едва начав исполнять обязанности Генпрокурора, такое письмо не замедлил подписать: никаких нарушений-де нет. А они есть, они были.

Вопрос этот остался открытым.

«Мабетекс»

Дело это, думаю, можно причислить к разряду уникальных, в истории отечественной прокуратуры такого еще не было. Как по охвату круга лиц, так и по охвату места действия. Да и, пожалуй, еще и потому, что в центре событий неожиданно очутился Кремль – святая святых России. Но, к сожалению, оказалось, что и на «святая святых» можно делать деньги. Хорошие деньги.

Неужели мы, огромная Россия, родившая столько великолепных умов и великолепных мастеров, – не могли найти у себя несколько сотен людей с золотыми руками, чтобы отремонтировать, отреставрировать, реконструировать кремлевские здания и покои? Конечно, могли. Только кремлевский управдом Пал Палыч Бородин не захотел. Почему? Следствие должно выяснить. Пал Палыч считал, что лучше заплатить иностранцам. Он предпочел отдать Кремль в руки косовского албанца Беджета Паколли с его сомнительной фирмой «Мабетекс» и посмеяться над русскими людьми. Он каждому из нас просто плюнул в лицо.

Первый раз название фирмы «Мабетекс» я услышал от Карлы дель Понте, позже прочитал в очень серьезных материалах. Каких? Первая папка полицейский отчет о «Мабетексе», вторая – информация швейцарской прокуратуры об этой же фирме. Это были документы с конкретными фамилиями не только швейцарских граждан, но и россиян, с конкретными фактами, с конкретными цифрами… Как говорится, «кто, где, когда и сколько».

Эти документы поступили к нам в прокуратуру и были похожи на картошку, вытащенную из костра и сунутую за шиворот. И тело жжет, и перебросить никому нельзя, и больно, и дышать трудно… Что делать?

Я изучил документы и понял: фирма «Мабетекс» давно уже находится в поле зрения швейцарской полиции. Впрочем, не только швейцарской, но и полиции Германии и финансовой гвардии Италии. Малоизвестная хилая фирма неожиданно начала ворочать сотнями миллионов долларов, и одновременно утаивать налоги, конструировать свои операции так, что они делались совершенно непрозрачными, но все же из документов обнаружились «хвосты», за которые «Мабетекс» можно было ухватить. Плюс ко всему у фирмы имелся тесный бизнес с Россией.

А россияне к той поре зарекомендовали себя как не самые законопослушные граждане. Увы.

Головная организация «Мабетекса» находилась в городе Лугано, в провинции (кантоне) Тичино. Карла дель Понте в свое время была прокурором этого кантона и принимала участие в операции «Чистые руки» – она, собственно, была одним из трех героев этой операции. Один из тройки, судья Фальконе, как известно, погиб – был взорван в машине, госпожа дель Понте, на которую тоже было покушение, пошла на повышение, стала генеральным прокурором Швейцарии, а ди Пьетро в знак протеста против слишком мягкого приговора, вынесенного судом арестованным мафиози, демонстративно снял с себя мантию следователя и покинул здание суда. Впоследствии он занялся политикой.

Материалы полицейского расследования деятельности «Мабетекс» попали к Карле дель Понте, она решила поинтересоваться, кто же из русских посещал эту структуру. Отделения этой фирмы находились в двадцати с лишним странах. В Германии, Италии, Словакии, Чехии, России, в других государствах; в России «Мабетекс» начинала работать в Якутии с Бородиным в ту пору, когда он был мэром Якутска – в общем, охват «Мабетекса» был очень широк. Обнаружили: почетными гостями «Мабетекса» часто были сам Пал Палыч, Сосковец, Татьяна Дьяченко и другие. Нашли и счета. Стали выяснять, за какие заслуги они открыты, откуда получены деньги?

В поле зрения прокуратуры попал важный свидетель – Филипп Туровер. Собственно, он шел по другому делу – делу служащего «Банко дель Готтардо» Франческо Фенини, но «криминальный сюжет» вывел на «Мабетекс». Туровер высказал мысль, которая, на первый взгляд, могла показаться невероятной: высокие чины из Кремля получили взятки от Беджета Паколли, а взамен тот получил подряды на работу. Подряды миллиардные, ибо дело одним только Кремлем не ограничивалось…

Я понимал, что попадаю в вилку: расследование грязных делишек кремлевских чиновников неминуемо скажется на моей карьере – ну, на карьеру, в конце концов, плевать, я ученый человек, место себе всегда найду, – но я опасался за жизнь свою и жизнь своей семьи. Проигнорировать же сведения, полученные мною от Карлы дель Понте, – значит совершить должностное преступление – это раз, и два – российская прокуратура просто-напросто потеряет доверие своих зарубежных коллег. А это будет совсем плохо: не хватало еще, чтобы в криминальном государстве имелась криминальная прокуратура или прокуратура, на которую смотрят с недоверием.

Но существовал и третий аспект, не менее важный. Украденные, незаконно вывезенные из России деньги надо было вернуть. И я дал поручение прокурорскому генералу Мыцикову заняться этим делом.

Вначале нам активно помогал посол России в Швейцарии Степанов, но потом активность его пошла на убыль. Позже выяснилось: дочь Степанова работала у Паколли и получала хорошие деньги. Потом она вышла замуж за сына бывшего посла Италии в России и уехала в Рим. Степанов, конечно, прекрасно видел, как наши чиновники резвятся в Швейцарии, приезжая «оттянуться», многое знал, но был, конечно же, здорово уязвим: стоило ему чуть больше рассказать о тайнах, что были ему ведомы, как его тут же бы вышвырнули из Швейцарии. Туровер приехал в Москву, где его допросил Александр Яковлевич Мыциков.

Туровер имел крайне обширные материалы по России. Одно время он служил в «Дель Готтардо» – банке, который собирался создать сеть западных банков, работающих с долгами России, имел, естественно, хорошие контакты со многими русскими чиновниками – знал их еще с советской поры, кое-кто из этих чиновников работал даже в ЦК КПСС, и помог нам более чем кто

бы то ни было. И уж явно – более чем ФСБ, МВД и СВР – Служба внешней разведки, вместе взятые.

В общем, у нас были все основания для возбуждения уголовного дела. Что мы и сделали. Но чтобы не последовало окрика из Кремля, возбудили это дело конфиденциально.

В ходе следствия начали вскрываться интересные, скажем так, детали. Во-первых, фирма «Мабетекс» без всякого конкурсного отбора была допущена к работам в Кремле. Хотя строительных фирм в мире полным-полно, которые и денег берут меньше, и делают качественнее, а главное, имя имеют не такое плутовское, как «Мабетекс». Но управление делами предпочло «Мабетекс». Как потом выяснилось, предпочел не только за имя, напоминающее название клея или лака для пола. Во-вторых, общестроительные работы делала не эта контора, а турецкая фирма «Энка», сам Паколли занимался в основном покупкой мебели для кремлевских кабинетов да «зачисткой» – отделкой помещений. Причем многие работы по этому странному кремлевскому подряду выполняли-таки российские строительные фирмы, те самые, которые Пал Палыч брезгливо отверг. Они работали, а мощными финансовыми потоками – густыми полноводными реками баксов – руководил сам косовский албанец.

Цены «Мабетекса» завышены были непомерно. Например, мебели Паколли приобрел на 350 миллионов долларов. Печать дружно отметила: да за такие деньги мебель должна быть из чистого золота! По предположению швейцарской прокуратуры, записанная стоимость многих работ была в несколько раз выше, чем на самом деле. Делались специальные переплаты, разница же возвращалась наличными в виде взяток нашим чиновникам.

Позднее было обнаружено, что Паколли записал все взятки, которые он давал кремлевским «горцам», в свою налоговую декларацию – чтобы не платить с них налоги. По законодательству Швейцарии это разрешено. В этих документах было указано почти все руководство управления делами президента. Выяснилась и такая деталь: на взятки кремлевским деятелям Паколли потратил 15 миллионов швейцарских франков. Это примерно 8 миллионов американских долларов.

В общем, налицо имелись все признаки преступления. По статье «взятки и хищение путем мошенничества». Позднее эти материалы я отдал Михаилу Борисовичу Катышеву.

После возбуждения уголовного дела я сделал два международных запроса Карле дель Понте с просьбой оказать правовую помощь. Запросы были секретными.

Ранним утром 21 января 1999 года я ехал на работу и вдруг услышал по радио «Эхо Москвы» сообщение, что швейцарская прокуратура произвела обыски в Лугано, в фирме «Мабетекс», что связано с раскрытием преступной деятельности крупных российских чиновников. Я подумал о журналистах: «Лихо работают ребята!» – и расстроился.

Стало понятно, что тайное сделалось явным.

Именно с этого дня кремлевские «горцы» и начали судорожно собирать на меня компромат.

Мыциков тем временем попросил номер для уголовного дела по «Мабетексу». Что это такое: номер дня уголовного дела? Общий учет по всем уголовным делам в России ведет МВД, картотека заложена в их компьютерах, в том числе и по делам, которыми занимается прокуратура, – только по одному этому факту можно было понять, что мы занялись «Мабетексом».

Дело от Мыцикова по предложению М.Б. Катышева было передано опытнейшему следователю, прокурорскому генералу Георгию Тимофеевичу Чуглазову. Я к этому времени вернулся из больницы, и передо мной ребром встал вопрос: производить выемки в Кремле или не производить? Все-таки Кремль – это Кремль. И я решил: проводить обязательно! И мы их провели. Хотя один из кремлевских руководителей, Сысуев, выступая в те дни по телевидению, солгал, говоря, что никакие выемки в Кремле не проводятся.

Мы планировали провести строительную экспертизу, чтобы выяснить, каковы реальные затраты на ремонт и реконструкцию Кремля. В общем, мы провели выемки документов, а также обыски в ряде квартир высоких чиновников. Из Швейцарии подоспели копии счетов наших чиновников – те самые, которые впоследствии опубликовала итальянская газета «Каррьере делла сера». Картина была впечатляющая.

Стало известно и о кредитных карточках семьи президента. Особенно активно пользовалась своей карточкой Татьяна Дьяченко. И хотя Карла дель Понте сказала мне, что Ельцин своей карточкой не пользовался (а пользоваться ею мог либо он сам, либо Наина Иосифовна), позже оказалось, что и этой карточкой пользовались тоже. Правда, израсходованные суммы, в отличие от Татьяниных, были небольшие.

Швейцарцы в это время допросили Паколли, и тот, понимая, что должен говорить правду, и только правду, иначе ему придется отвечать за лжесвидетельство, рассказал, сколько денег было перечислено на счета российских чиновников, кому конкретно, в том числе сколько денег было перечислено и на нужды президента.

Конечно же, этот человек попал в трудную ситуацию, он мотался из Швейцарии в Россию, из России в Швейцарию, попадал в одной стране под один пресс, в другой – под другой; дело дошло до того, что Карла дель Понте попросила для него защиту, но защита Паколли не понадобилась: наши мздоимцы дожали его и он стал давать в Москве Чуглазову ложные показания. Но все равно того, что он сказал в Швейцарии и в Москве, было достаточно, чтобы в уголовном деле появились неотбиваемые факты.

Карла дель Понте дала нам развернутую информацию о «Мабетексе». Выяснилось, что у фирмы имелось несколько вариантов

деятельности, кроме строительно-отделочной. Например, имели место подозрительные манипуляции с квотами на нефть. Наличных денег, чтобы оплачивать расходы по Кремлю, не хватало, поэтому правительство России дало экспортную квоту на продажу нефти. Пал Палыч сам не стал продавать нефть, он привлек к этому делу так называемую «МЭС» – фирму «Международное экономическое сотрудничество». Руководил этой конторой некий Кириллов. Всего нефти было выдано на 770 миллионов долларов, а по документам вернулись лишь 300 миллионов, остальные осели неизвестно где, неизвестно, на каких счетах. В этом надо было серьезно разбираться.

Возник вопрос и об алмазном бизнесе. Не исключено, что кремлевскими «горцами» и «Мабетексом» разрабатывался серьезный совместный проект по огранке и продаже архангелогородских алмазов. Швейцарцы специально подчеркнули это в своих документах. Также подчеркнули, что этот аспект деятельности чиновников управления делами президента может заинтересовать следствие…

Пришла и подробная информация и о суммах, которые потратили дочери президента, где конкретно были сделаны расходы, какие банки давали гарантию, кто открывал им кредитные карты и так далее. Все это швейцарцы расписали очень подробно. Вообще нам было доставлено несколько партий документов, подтверждающих криминальную деятельность кремлевских чиновников.

Документы эти уже не доверяли почте – привозили их нарочные, сотрудники прокуратуры и полиции Швейцарии.

Через некоторое время в итальянской газете «Карьере делла сера» были опубликованы некоторые из этих документов, в том числе список высокопоставленных лиц, которые получали взятки и имели счета в Швейцарии. В списке – 23 кремлевских «горца». Счетов же было гораздо больше. Только в одном «Банко дель Готтардо» их было 32. Я знаю эти имена, но не могу разглашать их из-за того, что не имею права разглашать следственные тайны.

«Мабетекс» – не единственная фирма, которая сотрудничала с управлением делами Кремля. Куда больше завязана с Кремлем фирма «Мерката трейдинг», и фигурируют тут суммы куда крупнее. За «Меркатой» стоит некий господин Столповских, человек, близкий к Кремлю.

Замом же у Столповских в ту пору работал зять Пал Палыча Селецкий, муж дочки Кати. Так что здесь все было переплетено очень тесно.

Столповских, кстати, по сведениям ряда СМИ строил дачу Татьяне Дьяченко на Никол иной горе.

В общем, деятельность «Меркаты» расследовать надо обязательно, хотя власти этим не хотят заниматься, – но расследовать придется, – и думаю, нас еще ждут новые потрясения.

А шум вокруг «Мабетекса» продолжался. Пал Палыч как мог защищал «Мабетекс»; по его словам, это святая компания, а господину Паколли надо приделать ангельские крылышки… Водном интервью Бородин сказал, что «Мабетекс» освоил в России целых триста пятьдесят миллионов долларов. Цифра занижена здорово. На целый порядок. Один только контракт на поставку в Кремль мебели составлял почти столько, а ведь были и другие сделки.

Вслед за газетой «Карьере делла сера» многоголосым хором выступили другие газеты. И у нас, и за рубежом.

Я много размышлял над тем, как все это произошло, как была организована утечка документов. Главная версия – утечка произошла случайно из швейцарской прокуратуры. Недаром там было назначено служебное расследование. Вторая версия: Карла дель Понте, которая уже уходила на новую должность – прокурора Международного трибунала по Югославии, прекрасно понимала, что с моим отстранением расследование деяний «Мабетекса» в России прекратится, и сделала это специально. Третья версия: инициатор утечки – Филипп Туровер.

Туровер – личность неоднозначная, неординарная. Я ни в коем разе не идеализирую его. Мне, например, до сих пор непонятно, почему он собрал гигантский архив, связанный с российской коррупцией. По версии Паколли, Туровер сдал российские верха в обмен на освобождение от собственного уголовного преследования в Швейцарии.

Вполне возможно, что версия швейцарской прокуратуры соответствует действительности. Была нуждающаяся в проверке информация, что Туровер, используя подложные документы, переводил на свои счета деньги российских граждан, полученные незаконным путем. Но пока она не подтверждается.

Все показания Туровера, увы, подтвердились, не зафиксировано ни одного случая лжесвидетельства с его стороны.

Наши спецслужбы, защищая кремлевских «горцев», начали разрабатывать Туровера и, чтобы дискредитировать его, организовали появление в «Новых известиях» трех обширных публикаций. Автор их – Вадим Белых.

Но, увы, значительная часть из того, что было опубликовано Белых, несусветная чушь. Белых даже договорился до того, что Туровер – мой советник. Ну что тут скажешь? Туровер гражданин иностранного государства, и я, даже если бы и очень того хотел, никак не мог назначить его своим советником. Даже на общественных началах.

Написали, что Туровер ездит на машине с синими мигалками. Туровер, конечно, бывал в Генпрокуратуре, но чтобы ездить на машине с мигалками… Такого не было никогда.

Из этих публикаций вытекало, что спецслужбы контролировали все телефонные разговоры Туровера. Было написано также, что он не платит за квартиру, не отдает долги, задерживает зарплату водителю и так далее. Грязь, словом. Ну, насчет квартиры я не знаю, но часть этих сведений – явно ложные.

Спецслужбы пытались выполнить главную свою задачу – защитить Бородина и дискредитировать Туровера, как основного свидетеля преступления. Вполне возможно, что своими неуклюжими действиями наши спецслужбы вывели Туровера из себя и он «слил» в «Каррьере делла сера» часть имевшейся у него информации.

Вскоре Георгия Тимофеевича Чуглазова освободили от ведения следствия – он все-таки хотел довести дело до конца, был принципиален и не шел ни на какие уступки. Сделали это сознательно и нанесли расследованию большой вред. Швейцарцы Чуглазову верили, он собирался к ним в командировку, командировка была согласована и… Формально Чуглазов пошел на повышение, стал советником Генерального прокурора. Будучи человеком жестким и умным, он хорошо понимал, что происходит, и в одном из интервью сказал, что девяносто процентов из опубликованного в «Каррьере делла сера» – правда.

После трехмесячной паузы следствие по «Мабетексу» начал вести прокурорский генерал, опытный следователь Руслан Тамаев. Он ровно три месяца изучал материалы, и в этой паузе ясно просматривался очередной шаг Кремля – затормозить дело, нейтрализовать его, уйти от ответственности. Тем более что у Тамаева в ту пору появился новый начальник – Минаев, о котором просто неохота говорить. Минаев оказался настолько дискредитированным, что вскоре его уволили из Генпрокуратуры.

Следствие же вместо предъявления обвинения начало заниматься частностями. Ведь для обвинения было достаточно материала: кроме воровства и взяточничества, имелось много разных преступных следов: нефтяной и алмазный, продажа в Югославию оружия с помощью «Мабетекса», причем продавали и сербам и косовским албанцам, след «Меркаты», но Тамаев начал изучать личность Туровера, выяснять обстоятельства, при которых тот давал свои показания Чуглазову, как Мыциков открывал дело – не было ли у Александра Яковлевича каких-нибудь личных мотивов, и так далее. Вплоть до того, каким образом Туроверу была продлена виза на пребывание в России. Наверное, это важно и нужно выяснить.

Но не это же главное, не это!

В чем основная проблема этого дела? Деньги, которыми были обеспечены кредитные карточки Ельцина и его дочерей, судя по всему, были деньгами Паколли. Паколли же за свои деньги получил не только огромный и почетный «золотой» подряд, на котором обогатился, он указом президента получил звание заслуженного строителя России, сам он неоднократно встречался с Борисом Николаевичем и так далее… Этот человек также оплачивал счета дочерей президента и самого президента. Рука руку, как говорится, мыла… С хорошим мыльцем.

Я всегда говорил об этих фактах очень сдержанно – с одной стороны, боялся навредить следствию, с другой – мне было стыдно, стыдно за то, что в России такие правители… Даже после того как тайное стало явным, я старался быть очень аккуратным в словах.

Я понимаю: Ельцина могли подставить, но дочь-то его, Татьяна, она ведь пользовалась своей кредитной карточкой целых два года, делала дорогие покупки; бывали дни, когда она оставляла в магазинах по двадцать тысяч долларов… Неужели она не задавалась вопросом: откуда эти деньги? А летала она в Швейцарию, и вообще в Европу, регулярно.

За эти деньги Россия расплачивалась грабительскими подрядами: «Мабетекс» ремонтировал и обустраивал нетолько Кремль, но и здания Белого дома, Совета Федерации, Государственной Думы, реконструировал гостиницу «Золотое кольцо» – бывший «Белград», «Шуйскую Чупу», «Волжский утес», резиденцию Ельцина в Красноярске, где тот встречал «друга Рю»; частично здания Министерства иностранных дел и аэропорта Внуково-2.

Всем этим нужно заниматься, расследовать, просчитывать сделанное и сравнивать с реальными затратами на реконструкцию и ремонт. Не хочу что-либо предполагать, но, мне кажется, здесь тоже не все гладко. Чутье прокурора меня не обманывает: цифры могут всплыть ошеломляющие. И вновь России станет стыдно за своих правителей.

Работники управления делами президента открыли в «Банко дель Готтардо» два счета на интересные имена. Одно имя – «Царевна», другое – «Золушка». Счета, как видите, шифрованные. Кому они принадлежат? Татьяне Дьяченко и Елене Окуловой? Есть основания предполагать, что именно им.

Кремль, как мне кажется, занял в этой истории неумную позицию: стал все замалчивать. Но ведь обвинения были сделаны публично, как можно их замалчивать? Надо было публично отвечать, опровергать, подавать в суд, в конце концов. Но ничего этого не последовало.

Даже юридический советник «Банко дель Готтардо» и тот признался: «Через нас шло обеспечение кредитных карточек семьи Ельцина деньгами», – но Кремль устами своего верного пресс-секретаря Якушкина продолжал талдычить: «Никаких счетов нет!»

Это, естественно, вызывало брезгливую усмешку Запада. Вскоре на Каймановых островах обнаружились счета еще одного члена «царской» семьи Леонида Дьяченко – Татьяниного мужа. На 2,7 миллиона долларов.

Зарубежный авторитет Бориса Николаевича оказался подмочен окончательно. Дело дошло до того, что Клинтон напрямую спросил его об этом по телефону и Ельцин вынужден был лгать, сказав, что никаких финансовых нарушений нет…

Конечно, плохо, когда о России пошла худая слава, но, с другой стороны, было бы хуже, если бы люди ничего не знали о происходящем. Может быть, все-таки хорошо, что народ узнал правду о своих правителях и тех, кто их окружает.

Естественно, я удивился несказанной смелости Пал Палыча, который заявил, что он тут ни при чем, «моя хата с краю, я ничего не знаю», и выдвинул себя в мэры Москвы. Надо заметить, Юрий Михайлович Лужков повел себя корректно, не стал разыгрывать эту карту в предвыборной борьбе. Хотя на него самого обрушился поток грязи…

Бородин во всеуслышание обещал подать в суд на «Каррьере делла сера», но до сих пор так и не подал. И никогда не подаст, естественно.

Я, к слову, тоже хотел подать в суд на Беджета Паколли, который заявил, что расследование по «Мабетексу» я начал за взятку, но споткнулся о техническую сложность: иск надо подавать по месту жительства ответчика, то есть в Швейцарии, а это – штука трудоемкая и очень дорогая. Таких денег у меня нет. Вопрос этот остался открытым. Будут деньги – подам иск незамедлительно.

На нынешний день вскрыта только вершина айсберга, сам же айсберг находится в темной глуби, и пока не разглядеть ничего, но уверен, пройдет время, – будет вскрыто и туловище этой уродливой горы.

Рашенгейт

Рашенгейт – это огромный публичный скандал, рожденный мировой прессой. Связан он с российской коррупцией и действиями кремлевских властей. Начался Рашенгейт в конце июля 1999 года. Наиболее активную роль в нем сыграли итальянские, швейцарские и американские газеты, и нанес этот «гейт» довольно чувствительный удар по российскому престижу.

И связан Рашенгейт, конечно, с расследованием ряда громких уголовных дел, начиная с «Мабетекса» (естественно, с учетом роли самого президента и его семьи в этом деле), с «Андавы» – Аэрофлота (сюда же примыкает швейцарская фирма «Форюс»), с деятельности российских чиновников на рынке ГКО, с сомнительных операций с кредитами МВФ и так далее. Пик Рашенгейта пришелся на «Бэнк оф Нью-Йорк» и скандальную историю, связанную с отмыванием через этот банк грязных российских денег.

Волею судьбы я оказался «полноправным» участником Рашенгейта: в августе – сентябре 1999 года мне приходилось давать по четыре-пять интервью в день на эту тему. Рашенгейтом заинтересовался весь мир.

Я много раз анализировал вопрос, почему начался Рашенгейт, отрабатывал различные версии, различные варианты и, честно говоря, к окончательному выводу так и не пришел. Слишком уж многим оказался выгоден Рашенгейт.

Наиболее вероятная версия – политическая. И корни ее находятся не в России, а в Америке. Россия стала лишь неким плацдармом, куском земли, вокруг которого развернулась борьба. Борьба интересов, политических пристрастий, борьба групп, претендующих на власть в России и в Соединенных Штатах, борьба двух крупнейших американских партий – республиканской и демократической, ну а сколько этих партий будет у нас – никому не ведомо.

Видные деятели республиканской партии США выступили против Клинтона, Гора и других, кто правит ныне Америкой, и, собрав воедино все примеры неудачного сотрудничества Штатов с Россией, с режимом Ельцина, примеры коррупции и воровства, войн и угнетения режимом собственного народа, ринулись в атаку на демократов. Это была очень выгодная карта в предвыборной борьбе, карта, которая даже имела свой лозунг: «Россия, которую мы потеряли». Все то, на что раньше в Европе и в Америке старательно закрывали глаза, всплыло на поверхность… Начался Рашенгейт.

Вторая версия связана с «Мабетексом». Ведь, собственно, с «Мабетекса» Рашенгейт и начался. А источником, катализатором, раскрутчиком в данном случае могла стать прокуратура Швейцарии. Увидев беспомощность своих российских коллег, их боязнь и нежелание бороться с «сильными мира сего», засевшими на кремлевском холме, прокуратура Швейцарии, чтобы привлечь к этой проблеме внимание общественности, вбросила в печать документы, с которых и началась шумиха. Об этом я, собственно, уже говорил.

Третья версия – Филипп Туровер. Он долго молчал, ничего не говорил, потом, чтобы обезопасить себя, исчез и летом из-за границы начал давать обширные интервью, где с пугающей откровенностью рассказывал о том, что творится в коридорах российской власти.

Почему именно он? Туровер, как я уже отметил, делал тщательные подборки документов на российских чиновников, классифицировал их; раньше он долгие годы работал с высшими эшелонами власти – с Кремлем, с Белым домом, с московской мэрией, видел родных наших чиновников в самых разных ипостасях, принимая участие во многих крупнейших сделках, и при этом занимался тем, чем не занимался никто: с каждого документа, попавшего ему в руки, снимал копию.

Копии подшивал в папку. Никто не знает точно, зачем он это делал, знает, наверное, только он сам, мы же можем только догадываться; каждая бумага в этих папках – это свидетельство чьего-то греха, продажности, воровства, подлога. Папки эти напичканы бумагами очень плотно.

Папка № 3, например, носит название «Управление делами», в ней – все, что связано с «Мабетексом». Папка № 12 – «Постановления и распоряжения правительства. 134 листа». Есть и другая – № 33, в которой собраны секретные постановления правительства, когда им руководил Черномырдин, всего 164 листа. И все это – не только секретные, но и уникальные бумаги. Типа закрытого постановления о выделении «Сибнефти» квоты на экспорт трех миллионов тонн нефти без всяких акцизов. В результате, по мнению Ф. Туровера, Березовский и Абрамович положили в карман тридцать миллионов долларов. А папка № 1, с которой начался архив, посвящена Марийскому машзаводу. Завод этот производил и продавал за границу зенитно-ракетные комплексы «С-300 В». Самое прямое отношение к продаже этих ракет имел вице-премьер Уринсон. Об этом, как утверждает Туровер, знал и Черномырдин.

Папка № 3 – «Переписка с Управлением делами президента России», в ней 24 листа. Папка № 41 – «Финансовые документы, 365 листов». В частности, Туровер говорит, что по швейцарской фирме «Нога» у него гораздо больше компрометирующих документов, чем по «Мабетексу», и суммы там гораздо более крупные, чем в деле фирмы господина Беджета Паколли.

Есть папки, касающиеся мэрии Москвы, клуба банков, работающих с советскими (российскими) долгами «Готтардо», фирмы «Антей» и другие.

Но вернемся к Рашенгейту. Я не исключаю также участия в Рашенгейте западных и американских спецслужб. В США был даже сделан специальный доклад, на котором Гор начертал отрицательную резолюцию. Вывод из этого доклада был для России убийственным: из империи зла мы превратились в самую коррумпированную страну мира.

Коррупция у нас действительно разъела исполнительную власть едва ли не целиком, проникла на самый верх, подмяла под себя и окружение Ельцина, и его семью, и самого Бориса Николаевича, и многих членов правительства.

Ничем, никакими доказательствами, никакими фактами нельзя отбить главный постулат, которым, собственно и оперировали авторы доклада: за период правления Ельцина не только не было создано правовое государство, не были даже созданы нормальные правоохранительные органы. Все обещания по этой части, которые Борис Николаевич давал своим друзьям – другу Биллу, другу Гельмуту, другу Рю, – оказались невыполненными.

Упал авторитет страны, что привело к сильнейшему оттоку инвестиций из России. Наши бизнесмены, – сплошь, без исключения, – воспринимаются за рубежом, как преступники, какотмывщики грязных денег.

Американцы, те и вовсе почувствовали себя ущемленными: как же так получается – они давали нам деньги, думали, что на подъем экономики, а деньги пошли в чиновничью мошну, оказались на личных счетах людей, многим из которых стыдно даже руку подавать…

Наша власть видела в скандале только негатив, но, как и в случае с «Мабетексом», была от Рашенгейта и польза. Публичное освещение происходящего в стране ударило по рукам чиновничьему ворью – кое-кто стал боятся брать. Это во-первых, во-вторых, у наших правоохранительных органов появилась международная поддержка, что позволило им действовать более активно. И в-третьих, хорошо, что мировое сообщество узнало, что творится у нас в России.

Во весь рост поднялся вопрос, который в начале 1999 года стоял передо мною, когда я еще находился в своем кабинете в Генпрокуратуре – вопрос возврата ворованных либо незаконно вывезенных денег в Россию. Только теперь вопрос этот стоял уже перед всем миром. Борис Николаевич и палец о палец не ударил, чтобы вернуть их на родину.

Летом 1999 года я получил приглашение из Штатов от господина Джеймса Лича, председателя банковского комитета палаты представителей конгресса США и стал готовиться к поездке. Мне было предложено сделать в конгрессе доклад о российской коррупции. Судя по заинтересованности, с которой господин Лич вел со мной переговоры, я понял: в конгрессе США хотят, чтобы деньги России вернулись домой. И готовы поступить так, как это было, например, в ситуации с президентом Филиппин Маркосом. Все деньги, увезенные тогда им, вернулись на Филиппины.

В конгрессе США, похоже, хорошо понимают, что без их помощи, к сожалению, этого не сделать: чиновники будут спасать наворованные деньги и ставить на каждом шагу барьеры. Что-что, а барьеры наши родные «протиратели кресел» умеют ставить прекрасно.

Но в США прекрасно понимали и другое – скандал позволил консолидировать здоровые силы в России. О том, что происходит, заговорили люди! Печать, естественно, разбилась на два лагеря: одни стали осуждать коррупционеров и называть вещи своими именами, другие, находящиеся под контролем у березовских-лебедевых, – делать вид, что ничего страшного не происходит, никакого воровства и взяточничества нет, а то, что есть, – это так, мол, мелочи, нечто несерьезное.

Возникла даже идея создания общественного антикоррупционного комитета, но во главе комитета встал Степашин. Ну какой из него антикоррупционер, когда сформированное им правительство почти на треть состояло из лиц с сомнительной репутацией! Да и сам он, к слову, будучи министром внутренних дел, спустил на тормозах громкое дело банкира Смоленского – человека, которому давным-давно надо сидеть за решеткой. Именно Степашин изгнал из МВД многих честных и толковых работников, включая Игоря Николаевича Кожевникова – руководителя следственного комитета МВД России. Хорошая идея, но исполнение ее ничего, кроме разочарования, не принесло.

В эту пору, как я уже говорил, мне приходилось давать много интервью, и я в них старался все-таки обходить крайности, как-то развеять прочный миф о том, что Россия – самая коррумпированная страна, но не скрывал размеров угрозы, исходящей от нашей коррумпированной власти. И призывал опираться на здоровые политические силы в России, которые реально нацелены на борьбу с коррупцией.

Эту же линию провел и во время встречи с группой конгрессменов США, которая прибыла в Россию во главе с видным политиком Куртом Вэлдомом. Я рассказал им все, как есть, без прикрас, но одновременно старался, чтобы они не делали крайних, порочащих Россию оценок. Коррумпированной может быть верхушка, могут быть несколько тысяч, но весь народ коррумпированным быть не может. Это совершенно исключено.

Разговор получился чрезвычайно доброжелательным.

– Только не говорите мне, что у вас в США нет коррупции, – сказал я американцам.

Гости засмеялись.

– А вот помните, у вас был закрытый доклад по коррупции, на котором Гор поставил хлесткую резолюцию: «Чушь!» или что-то в этом роде… Можно ли с ним познакомиться?

– Нам самим было бы интересно прочитать этот доклад, – сказали гости, – только найти его мы не можем до сих пор.

– Жаль. Там ведь шла речь и о главе нашего тогдашнего правительства, и о многих других. Можно было бы сопоставить с

нынешними данными.

Американцы уехали из России потрясенные – они поняли, что у нас нет, а точнее, не осталось независимой уголовной юстиции, все находится под контролем Кремля или олигархов…

В чем специфика развернувшегося скандала? Во-первых, Кремль сам дал повод для него. Во-вторых, преследование Генпрокурора (дело даже не во мне, а в должности, которую я занимал) получило крайне негативную оценку на Западе. Пленка, конечно, тоже привлекла внимание, ее с интересом посмотрели и тут же забыли, поскольку встал другой вопрос: как быть с коррупцией? Пленка – это ерунда. Состряпали, и ладно, на два дня хватит развлекаловки, – а дальше что?

Главное – коррумпированный Кремль и преследуемая прокуратура, как быть с этим?

Уязвимость Кремля была и в том, что слишком много знакомых лиц оказались замешанными в Рашенгейте. Прежде всего – президентская семья. Сам президент, дочери его Татьяна и Елена, позднее всплыл Леонид Дьяченко Татьянин муж, и естественно, члены «семьи» – Березовский с его веером хвостов (Логоваз, АВВА, «Андрава» – Аэрофлот и т. д.), – фигура, крайне одиозная для Запада: Волошин, который проходил по двум уголовным делам: в связи с «Чара-банком» и Мариной Францевой, когда с подачи Волошина этот банк за реальные деньги – деньги вкладчиков, между прочим, – купил фантики – обесцененные бумаги Автомобильного всероссийского альянса (АВВА) – мыльного пузыря, рожденного Березовским; и в связи с проданным векселем Агропромсервиса. Добыт этот вексель был преступным путем. Была создана финансовая структура, в которую граждане вложили свои деньги. Эти деньги были вложены в ценные бумаги, в том числе и вексель Агропромсервиса, но потом бумаги были проданы, а куда ушли деньги – неизвестно. Уголовное дело было возбуждено по статье «мошенничество». Тут и Абрамович, первая сделка с нефтью которого была криминальной. Московской прокуратурой была даже выдана санкция на его арест, но дело это было благополучно прикрыто.

В республике Коми – Мамут. Более поздние данные свидетельствовали о его причастности к отмыванию грязных денег через «Бэнк оф Нью-Йорк», через Собин-банк и МДБ – Московский деловой банк и другие.

Оказалось, что и в высшем руководстве Кремля, и в окружении президента практически нет людей с чистыми руками.

Очень громко развивался скандал с БАБом – Борисом Абрамовичем Березовским, с целой связкой фирм: Аэрофлот – «Андава» – «Форюс». Материалов набралось, как я уже говорил, на целые девять томов. Это расследование – международное, совместное российско-швейцарское. Несмотря на препятствие, которое чинили адвокаты «Андавы», удалось преодолеть многие суды и заполучить документы этой фирмы. В них шла речь о финансовой деятельности трех перечисленных выше фирм: русского Аэрофлота и швейцарских «Андавы» и «Форюса». Документов было изъято столько, что для их перевозки понадобился целый грузовик, а в прокуратуре Швейцарии для них пришлось отвести целую комнату. Бумаги забили эту комнату целиком, снизу доверху.

Были вскрыты и заморожены счета Березовского, руководителей Аэрофлота Глушкова и Краснекера на общую сумму семьдесят миллионов долларов. Встал вопрос о возврате этих денег в Россию.

Видя, что следствие в России буксует, швейцарцы возбудили дело по отмыванию денег и сами назначили параллельное расследование. Не только в отношении «Андавы» и «Форюса», но и в отношении «Мабетекса». Это, кстати, стало и неким способом давления на российскую прокуратуру, которую после меня временно возглавил вначале Чайка, а потом Устинов. Наши коллеги из Швейцарии дали понять, что если российская прокуратура не доведет это дело до конца, то его доведет швейцарская сторона.

Березовский принимал очень активные усилия, чтобы дело спустить на тормозах, надеялся выкрутить руки Чайке, и когда встал вопрос об очередном продлении сроков следствия, он обратился к Чайке – пора, мол, это дело закрывать. Чайка же, понимая, чем это ему грозит, отказал. Тогда Чайку вызвал Волошин, попробовал надавить, но Чайка, надо отдать ему должное, устоял и здесь, поэтому ему пришлось вскоре покинуть Генпрокуратуру: Чайку заменили на Устинова.

По данным швейцарской стороны, из Аэрофлота в «Андаву» и «Форюс» было перекачано шестьсот миллионов долларов. Шестьсот миллионов! А из «Форюса» и «Андавы», по версии следствия, деньги уже переводились по цепочке на личные счета либо счета фирм, принадлежавших БАБу – Борису Абрамовичу Березовскому.

БАБ очень сильно забеспокоился, узнав, что генеральный директор «Андавы» Вильям Ферреро, в надежде все свалить на своих российских кредиторов, пошел на контакт со швейцарской прокуратурой и дал согласие на сотрудничество. Березовский показаний Ферреро здорово боялся.

На Западе связывали с этими аферами и зятя Ельцина Окулова, но Окулов к ним оказался непричастен.

Адвокаты Березовского бомбардировали суды исками, в свою очередь, обвиняли российскую прокуратуру во всех смертных грехах, но всякий раз, получая обоснованный юридический отпор, оставались, как принято говорить в России, с носом. Они даже подали иск и в отношении Карлы дель Понте, но и тут у них ничего не получилось – Березовский только потратил деньги на своих защитников.

Расследование это оказалось очень опасным для «семьи» – слишком уж оно приблизилось к президенту и его интересам, в частности к «большому карману». Ведь не все деньги осели на счетах БАБа и его подручных Глушкова и Краснекера – часть из

них прокручивалась в финансовом конвейере, проценты, естественно, оседали известно где – «детишкам на молочишко», часть шла на покупку недвижимости во Франции (на Лазурном берегу) и в других райских местах нашей матушки-земли. Кто поселится в тех царских хоромах, представляет большой интерес для следствия.

Но главным ядром Рашенгейта оказался скандал с «Бэнк оф Нью-Йорк», одним из самых крупных банков Соединенных Штатов, он занимает тринадцатое место в Америке по величине. Спецслужбы США и Англии, оказывается, уже давно отслеживали финансовые операции российских фирм, производимые через «Бэнк оф Нью-Йорк».

Повод для этого наблюдения оказался довольно необычным и печальным для России ельцинской поры. Внимание спецслужб привлекла платежка, по которой проводились деньги за выкуп одного из чеченских заложников. Довольно оригинальный, конечно, способ превращения «грязных» денег в «чистые». Информация незамедлительно попала к российским правоохранительным органам, был сделан запрос и в результате всплыл «Бэнк оф Нью-Йорк».

Банк этот уже давно проводит операции с российскими коммерческими структурами и – вольно или невольно – стал одним из тех пылесосов, которые денно и нощно откачивают валюту из России.

Недаром на Западе ходит совершенно фантастическая сумма – 350 миллиардов долларов. Такая сумма, по оценке экспертов, уплыла за рубеж после распада Советского Союза.

Ходит также и другая цифра: между 1994 и 1998 годами утечка капитала из России составила 140 миллиардов долларов.

Связующими звеньями между «Бэнк оф Нью-Йорк» и нашими отмывочно-коммерческими структурами оказались две советские (в прошлом) гражданки: Наталья Гурфинкель, первый вице-президент банка и одновременно жена бывшего представителя России в Международном валютном фонде (с 1992 по 1995 год) Константина Когаловского, и Люси Эдвардс – вице-президент Лондонского отделения банка, отвечающая за восточноевропейское направление.

Мужем Люси Эдвардс был некий Питер Берлин, также выходец из Советского Союза, получивший американское гражданство. Берлину принадлежала фирма «Бенекс», занимавшаяся «стиркой» «грязных» денег. Только за полгода (с октября 1998-го по март 1999 года) через один-единственный счет в «Бэнк оф Нью-Йорк» фирма умудрилась прокачать 4,2 миллиарда долларов. Счет Питера Берлина, на котором в тот момент находилось 20 миллионов долларов, был немедленно арестован.

Скандал продолжал разгораться.

Выяснилось, что отмывочная фирма «Бенекс» связана с американской компанией, которой заправляет Семен Могилевич – также бывший советский гражданин. Популярная американская газета «Виллидж Войс» опубликовала о нем статью, которую озаглавила очень броско – видать, имела на то основания, «Самый опасный гангстер в мире». Автором статьи был журналист Роберт Фридмэн. Через короткое время спецслужбы записали телефонный разговор, в котором Могилевич заказал убийство журналиста, пообещав за это неслыханный гонорар – 100 тысяч долларов.

Роберт Фридмэн вынужден был уйти в подполье – он серьезно опасался за свою жизнь.

Все российские деньги, прошедшие через «Бэнк оф Нью-Йорк», можно разбить на три группы.

Первая группа – это чистые деньги, которые «Бенекс» брал за то, чтобы вывести российские коммерческие структуры на финансовый рынок США.

Вторая группа – грязные деньги, уведенные от российских налогов. Это делалось и делается так: проводится сделка с партией товара, в несколько раз меньшей, чем есть на самом деле, – и расчеты делаются двойные: одни для отвода глаз (для налоговой службы), другие – реальные. Денежная разница проводилась через «Бенекс». В США это считается серьезным преступлением, у нас же, как видите, – обычным явлением.

Третья группа – это обычные преступные деньги, которые вывозились из России.

И кто только к этим деньгам не оказался причастен! Спецслужбы взяли да дернули несколько ниточек – связанных с игроками ГКО, с продавцами нефти и так далее. И много чего нашли. Ну для начала, например, счета Леонида Дьяченко – ельцинского зятя. На Каймановых островах, в офшорных отделениях «Бэнк оф Нью-Йорк». Выяснили: Дьяченко работает через крутую штатовскую фирму «Белка трайдинг». Получает в России дешевую нефть, на Западе продает ее дорого, деньги кладет в карман.

В США находку обнародовали, семья Ельцина ответила молчанием – сделала вид, что ничего не заметила.

В свое время вышел указ Ельцина о создании сырьевого монстра «Сибнефть». Черномырдин, руководивший в ту пору правительством, был против создания новой гигантской структуры, достаточно того, что уже было, компании «Роснефть». Но Борис Николаевич указ подписал и тем самым выполнил волю «семьи». Формально считалось, «Сибнефть» была создана для того, чтобы обеспечить первый канал телевидения – ОРТ деньгами. Это было необходимо, как воздух: надвигалась предвыборная кампания.

А пролоббировали этот указ два человека – БАБ и Абрамович. И обогатились за счет «Сибнефти» именно они. И Дьяченко обогатился. 2,7 миллиона долларов, найденные на Каймановых островах, – неплохая сумма для безбедной жизни. И одновременно это яркий пример того, как можно обогащаться, в том числе используя только одну подпись (под указом) тестя.

У любого следователя немедленно возникнет вопрос: а какими побуждениями руководствовался президент, создавая столь прибыльную фирму, с которой сотрудничает его зять?

Вскоре «Сибнефть» была незаконно приватизирована, что мы в прокуратуре установили точно. Никакого реального конкурса по продаже акций этой компании не было. Березовский и Абрамович сделали все, чтобы за двести миллионов долларов втихую купить контрольный пакет «Сибнефти». А в «Сибнефти», между прочим, находится Омский НПЗ – нефтеперерабатывающий завод, самый крупный в Европе. Стоимость только одного этого завода – на порядок выше всей стоимости «Сибнефти».

Для сравнения надо заметить, что 13 процентов акций компании «Сиданко» были проданы за шестьсот миллионов долларов, а здесь, за сумму символическую и смешную, – эти люди завладели огромным хозяйством. Причем у прокуратуры были подозрения, что и эта сумма – двести миллионов долларов реально не была заплачена. Деньги были изысканы Минфином, переведены из одной графы в другую, зачтены в счет будущих доходов – такие пассажи у нас научились делать мастерски.

Я уже не говорю о том, что большая часть выручки от продажи нефти уходила за рубеж, на счета швейцарской фирмы «Руником», которую целиком контролировал Абрамович.

Но вернемся к моей поездке в США, по приглашению конгресса – поездке, которая должна была быть, но, к сожалению, не состоялась. Хотя я начал готовиться к ней тщательно. Парламентские слушания в США – это авторитетное политическое событие. Человек, выступающий в конгрессе, незамедлительно берется под его защиту. Слушания освещают средства массовой информации не только США, но и многих стран мира. Поездка, естественно, оплачивалась конгрессом. И тема была злободневная: «Роль финансовой системы США в отмывании российских денег».

Но когда я начал готовиться к поездке, то понял – она будет все больше и больше принимать политическую окраску. Более того, ее могут использовать в своих предвыборных целях республиканцы – чтобы торпедировать политику администрации Клинтона. В частности, в отношении России. А демократы США своей помощью вольно или невольно обеспечивали стабильность в России.

Это первый аспект. Второй: мне предлагали дать официальные показания в конгрессе. Я подумал о том, что эти показания потом могут быть где-то использованы, а под эти показания запросто могли бы сократить финансовые потоки МВФ в нашу страну и вообще принять решения, ущемляющие интересы России. Плюс ко всему надо было сказать правду: Кремль коррумпирован.

Одно дело, когда это заявляют разные газеты и дикторы на телевидении, и совсем другое – Генеральный прокурор России. Мне было стыдно за свою страну, за то, что за рубежом родилось некое неверие в способность России самостоятельно решить проблемы коррупции и вообще преступности. А ведь всем известно – было бы желание государства…

И последнее: мои недруги постарались бы использовать эту поездку против меня.

После долгих раздумий я написал письмо Джейму Личу, где поблагодарил за приглашение, сказал, что солидарен с теми, кто занят сложнейшим расследованием коррупционных процессов в России, и в Штаты не поехал. Хотя хорошо понимал – там меня ожидает успех, ожидает поддержка, которая мне так нужна, – но не поехал…

Одна из сюжетных линий Рашенгейта была тесно связана с фигурой Генерального прокурора России. Моя ситуация использовалась в Рашенгейте очень активно.

Я понимал, что не могу уклоняться от ответов на некие острые вопросы обязан, просто обязан формулировать свою точку зрения. Более того, после всякого громкого залпа по Кремлю корреспонденты разных газет бежали ко мне за комментариями. Комментарии эти сидели у Кремля в печенках, и я уверен, что стали причиной проведения у меня обысков.

Обыски были некой акцией устрашения. Произошло все довольно буднично, хотя некий холодок в душе сохранился до сих пор. Мне позвонил следователь Паршиков:

– Юрий Ильич, мы хотим произвести у вас выемку документов, в частности изъять удостоверение Егиазаряна.

В свое время для меня это оказалось новостью: банкиру Егиазарянуя никаких удостоверений не давал.

– Что за удостоверение? – спросил я, когда узнал о нем (это было раньше, когда я еще не покидал свой кабинет).

– Удостоверение советника Генеральной прокуратуры.

Я позвонил начальнику управления кадров Поляковой:

– Первый раз слышу о таком удостоверении. Дайте команду на вахту – пусть изымут!

Оказывается, у Егиазаряна действительно имелось «внештатное» удостоверение, его вскоре у него изъяли. Подписал удостоверение заместитель Генерального прокурора Колмогоров, подпись была подлинная, когда же стали Колмогорова спрашивать об этом, он сказал, что вообще такого не помнит, все-таки пять лет прошло с момента выдачи…

Я прекратил разбирательство – подпись-то подлинная, – и положил удостоверение в сейф. Там оно где-то и валялось, пылилось среди бумаг.

Тем временем прошло несколько моих интервью – о «семье», о счетах, о трех кредитных карточках, с которых, как выяснилось, было снято несколько десятков тысяч долларов, и «группа обыска» появилась у меня.

Обыски прошли в сентябре, прошли вполне корректно, у меня никаких замечаний не вызвали, но на Западе это восприняли как форму давления на Генерального прокурора, борющегося с коррупцией.

А западные правоохранительные органы уже вовсю работали по семье президента. Отыскали собственность БАБа на Лазурном берегу, в местечке Ла Гарус, об этом было сообщено во влиятельной швейцарской газете «ТАН».

Вилла эта была куплена очень дешево при участии Инвестиционного общества французской недвижимости – за 55 тысяч франков. Одна только земля под виллой стоит дороже, гораздо дороже: когда же стали искать Инвестиционное общество французской недвижимости, то оказалось, что адрес у фирмы ложный… Есть предположение, что вилла эта была куплена на деньги «Сибнефти».

Был раскручен и «сюжет» с домиком в Баварии, в местечке Гармиш-Партенкирхен, где несколько раз была засечена Татьяна Дьяченко, делавшая заказы на обои, мебель и тому подобное. Вылетала она туда вместе с Абрамовичем, это было отмечено в аэропорту Шереметьево.

У Люси Эдвардс и Натальи Гурфинкель-Когаловской были произведены обыски и им предъявили обвинения. Обвинения были предъявлены также Питеру Берлину и Светлане Кудрявцевой – еще одной нашей соотечественнице, служащей восточноевропейского филиала «Бэнк оф Нью-Йорк».

Гурфинкель была выпущена под залог в 30 тысяч долларов, но ей явно грозила тюрьма. Хотя она и отрицала, что получала взятки от «Бенекса» и Берлина, но были найдены уже чеки на 30 с лишним тысяч долларов от Берлина и на восемь тысяч – от «Бенекса»…

Самое интересное, кроме правоохранительных органов Запада и российской прокуратуры, проблемой возврата денег озаботился еще один наш гражданин Лебедев Александр Евгеньевич из Национального резервного банка – тот самый Лебедев, который сам проходит по уголовному делу о хищении и отмывании российских денег. Действует по принципу: «Держите вора!» А держать-то надо все-таки самого Александра Евгеньевича.

Если бы не противодействие Кремля, можно было бы узнать, счета каких российских чиновников находятся в «Бэнк оф Нью-Йорк», сколько денег на этих счетах имеется, откуда они взялись, из каких источников.

Я встречался с комиссией Курта Вэлдома и попросил их сообщить, чьи это счета и каковы источники поступлений. Американцы обещали поработать над этим вопросом.

Рашенгейт – горький урок, через него надо было пройти. Мы подписали Страсбургскую конвенцию о борьбе с коррупцией, нам надо учиться поиску грязных денег у Запада. Швейцария, например, не считает для себя это зазорным и пытается научиться этому у Англии, мы же – нет… У нас на то просто нет политической воли.

Судебные тяжбы

При возбуждении против меня уголовного дела было допущено, как я уже говорил, несколько грубых нарушений. По этому поводу я обратился в Генеральную прокуратуру – думая, родное ведомство защитит, возьмет под крыло или хотя бы поможет, но не тут-то было. Хотя я обращался и к Демину, а потом и к Чайке.

Всем было ясно, что Росинский, возбуждая против меня уголовное дело, совершил должностное преступление – дело-то он возбудил незаконно. Но все мои обращения были гласом вопиющего в пустыне. Стало понятно, что, пока я не займусь жесткой юридической защитой, а потом таким же жестким нападением, ничего путного у меня не получится.

Из Генпрокуратуры поступило несколько невнятных, будто жеваная каша, ответов. Надо было обращаться в суд.

Адвокатами у меня согласились стать Леонид Георгиевич Прошкин и Андрей Валерьевич Похмелкин. У них, конечно, такой известности, как, допустим, у Падвы или Резника, нет, но адвокаты они не хуже прославленных «мастеров защиты и нападения» на юридическом поле.

Существующее уголовно-процессуальное законодательство – здорово устаревшее, кстати, принятое еще в 1961 году, – не позволяло обжаловать факт незаконного возбуждения уголовного дела в суд, но существовало постановление Конституционного суда, где подчеркивалось, что если действия следствия ущемляют права и свободу граждан, то можно, не дожидаясь решения суда по сути дела, обжаловать эти действия в судебном порядке. Хотя факт возбуждения уголовного дела не влечет за собой ущемления конституционных прав, но в моем случае была другая ситуация – я был отстранен от должности в связи с возбуждением Росинским уголовного дела. Поэтому в мае 1999 года адвокаты подали иск в Московский городской суд и впервые в истории отечественной юриспруденции создали прецедент – обжаловали в суд возбуждение уголовного дела.

Почему сразу в городской суд, а не в районный или муниципальный, перескочив через пару ступеней?

Все дело в том, что Главная военная прокуратура мое дело засекретила, засекреченные дела может разбирать лишь спецсостав, а он имеется только в городском суде.

Надо отдать должное следователям ГВП, – они расследовали мое дело объективно. И начальник следственного управления Шейн Виктор Степанович, и начальник отдела Баграев Юрий Муратович, и многие другие, – они вообще полагали невозможным, в угоду каким-то чиновникам, пусть даже высокого полета, закрывать глаза на закон.

Судья Нина Маркина перелистала материалы и, как мне сказали адвокаты, по первости отнеслась к ним скептически, но когда познакомилась с ними поближе, то точку зрения изменила: она увидела грубое нарушение уголовно-процессуального законодательства.

17 мая состоялся суд, который признал действия Росинского незаконными. Хотя я, честно говоря, мало надеялся на успех: знал, какое давление оказывается на Маркину и ее коллег. Решение это было в некотором роде поворотным: возбужденное уголовное дело надо было выбрасывать в урну, мне же как ни в чем не бывало выходить на работу.

Главная военная прокуратура опротестовала это решение в Верховном суде России.

Вот тут-то и начались некие игры, которые, честно говоря, не украшают судебную власть.

В мае состоялась встреча Ельцина с Вячеславом Михайловичем Лебедевым, у того, как у председателя Верховного суда, кончался срок полномочий, – и, надо полагать, разговор шел не только о продлении этого срока.

Ельцин пообещал Лебедеву продлить срок его полномочий, но Волошин спешить с этим не стал. Вот уже и май прошел, а документов в Совете Федерации, который решает вопрос о продлении, нет, вот уже и середина июня наступила, а документов все нет и нет. Стало ясно, что в Кремле ждут, какое решение Верховный суд примет по моему вопросу, отменит постановление Мосгорсуда или нет?

Свое решение Верховный суд вынес 22 июня, и не в мою пользу, а на следующий день, 23 июня, документы на Лебедева поступили в Совет Федерации: хороший, мол, у нас верховный судья, надо утвердить его еще на один срок.

Все, как видите, было шито белыми нитками.

Главную роль на таких судебных заседаниях обычно играет судья-докладчик. Им был В.С. Валюшкин. Председательствовал судья В.В. Кузнецов. Третий судья – А.Г. Ботин. Эти трое и решили мою судьбу.

Известно, что Валюшкина к себе вызывал Лебедев и имел с ним продолжительную беседу. Ясно, что говорили они не о видах на урожай сахарной свеклы в Курской области. После этого Валюшкин начал звонить в Мосгорсуд и требовать, чтобы оттуда как можно быстрее переслали документы. Валюшкин же и оглашал определение судебной коллегии, хотя обычно это делает председательствующий, – в данном случае должен был делать Кузнецов, – но Кузнецов всем своим видом демонстрировал, что не имеет к решению никакого отношения.

Мы с адвокатами, конечно, предполагали, что Верховный суд отменит вердикт Московского городского, но только не по этим,

очень уязвимым пунктам, по которым он отменил. Мосгорсуд вообще мог, например, не принимать моего иска, – такого не было никогда, Мосгорсуд же создал прецедент: отныне, как я понял, в принципе можно обжаловать и другие постановления о возбуждении уголовного дела.

И Прошкин, и Похмелкин, и я так и думали: Верховный суд отменит решение судей-москвичей и именно из-за того, что иск попал к ним не по принадлежности и суд совершил ошибку, приняв эту жалобу, тем более что этот аргумент активно использовался в протесте Главной военной прокуратуры), но вышло по-иному.

Наше удивление было велико, когда мы узнали, что подобные жалобы подведомственны судам низшей инстанции, – решение городского суда было отменено по содержательным критериям. Стало понятно, что Верховный суд выполнял заказ лиц, в юриспруденции не очень-то сильных, в данном случае кремлевских «горцев».

Я не буду рассказывать о деталях и вообще о некой юридической казуистике, имевшей место, это интересно специалисту, но совсем не интересно читателю, подчеркну только, как ученый и практик, что решение это было вопиюще безграмотным. Дело дошло до того, что просто подменялись некоторые понятия, в частности такие, как «прокурор» и «прокурорский работник», и вообще выходило, что подведомственная прокуратура имеет право контролировать прокуратуру вышестоящую, например Московская городская Генеральную и так далее. По этой логике любой подчиненный, в любом органе российской областной или городской прокуратуре, если ему не нравится начальник, запросто может возбудить против него уголовное дело и начальник должен будет оставить свое кресло, пока не состоится разбирательство.

На практике же все должно быть наоборот: уголовное дело может возбуждать только начальник, пользующийся правом назначения соответствующего прокурора. Иначе в жестко централизованной системе нельзя – вышестоящий прокурор просто-напросто может отменить решение нижестоящего.

Катышев эту опасность почувствовал быстро, написал протест, но Устинов, исполняющий обязанности Генерального прокурора, отказался его подписать и дал команду своим замам протест не подписывать.

Мы стали писать жалобы в прокуратуру – решение Верховного Суда могут опротестовать только Генеральный прокурор и его заместители, – но во внесении протеста мне мои коллеги отказали.

В конце концов 30 сентября заместитель председателя Верховного суда Анатолий Егорович Меркушев огласил: старое решение оставить в силе.

«Постановление судьи Мосгорсуда от 17.05.99 г. о признании постановления заместителя прокурора г. Москвы от 2.04.99 г. о возбуждении уголовного дела в отношении Скуратова Ю.И. по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 285 ч.1 УК РФ, вынесенным с нарушением закона и подлежащим отмене и удовлетворению жалобы Скуратова Ю.И. отменить».

Здесь тоже имеется одна процессуальная тонкость: как в решении Верховного суда, так и в письме Меркушева забыт самый главный вопрос – что делать с жалобой Скуратова: оставить без удовлетворения или удовлетворить. Значит, ответ этот был не по существу. Ответа за подписью Лебедева можно было и не требовать: он наверняка видел это письмо перед тем, как его подписал Меркушев. Лебедев тоже без колебаний подписал бы это письмо.

Вскоре судья-докладчик Валюшкин отправился со своим шефом за рубеж Лебедев взял его с собой в престижную поездку.

Когда вышло это решение Верховного суда, старший следователь прокуратуры Центрального района Челябинска Александр Саломаткин возбудил уголовное дело против Росинского и направил в Москву. Формально, по логике, которая была утверждена решением Верховного суда, он был прав – он возбуждал уголовное дело против вышестоящего начальника, совершил мужской поступок. Генеральная прокуратура отменила его решение, сославшись на мой же приказ, а Саломаткину объявила взыскание. Ни за что, между прочим. Не он виноват в том, что вышестоящие инстанции, в частности Верховный суд, смешали в кучу людей, коней, знамена вражеские и знамена свои.

После отписочного ответа Меркушева я долго думал, как, в каком направлении продолжать борьбу. Честно говоря, я впервые почувствовал себя в новом качестве. Раньше я находился во главе крупной правоохранительной структуры и на мир смотрел с высоты своего кресла, а сейчас я оказался в другой шкуре – шкуре рядового гражданина и попал под тяжелый каток своей родной системы. И понял, насколько рядовой гражданин может быть беззащитен.

Пожалуй, именно с этого момента я начал смотреть на Генеральную прокуратуру несколько иными глазами.

Во-первых, я увидел или, точнее, наглядно почувствовал, что она в лице многих работников политизирована. Во-вторых, убедился, что она не всегда держит удар. В-третьих, многие работники прокуратуры довольно часто удручающе безграмотны. Когда-то я ругал Александра Александровича Розанова за элементарную безграмотность и формальные отписки, слабенькие, как писк комара, а сейчас я сам начал получать эти «писки комара».

Более того, надо пересматривать способы и формулы взаимодействия судебной власти и прокуратуры, надо усиливать судебный контроль за действиями прокуратуры. Раньше ведь как было – и я также придерживался этой точки зрения, – лишь только суд вмешивался в наши действия, как мы ему незамедлительно выставляли блок. Как в волейболе: сами, мол, с усами… Разберемся без посторонних.

Э-э, нет, не разберемся. «Посторонние», оказывается, очень даже нужны. Надо быстрее совершенствовать наш заскорузлый УПК – Уголовно-процессуальный кодекс. Это я почувствовал на собственном примере – длительное время мне не предъявлялось обвинение, я находился в подвешенном состоянии – то ли обвиняемый я, то ли свидетель, то ли еще кто-то. А время все тянется и тянется…

Нельзя человека все время держать в состоянии невесомости, нужно основные действия следствия, прокуратуры ограничивать процессуальными сроками. Надо через какой-то определенный срок либо предъявлять человеку обвинение, либо прекращать уголовное дело, как несостоявшееся.

В. И. Платонов не без основания в одной из передач даже заявил:

– Сейчас, только сейчас Скуратов стал человеком, побывавшим в жерновах и познавшим в полном объеме судебную практику и прокурорскую систему. Цены нет такому прокурору! Правильно говорят: за одного битого двух небитых дают… Именно такой прокурор нужен сейчас нашему обществу.

Следующее, что сделали мои адвокаты, – обжаловали законность и обоснованность продления срока расследования уголовного дела.

Мы подали жалобу в Хамовнический межмуниципальный суд. Есть установленная законом норма – всякое уголовное дело должно быть расследовано в двухмесячный срок. Все, что свыше, – это исключение из правил.

По моему делу работала бригада из пяти следователей, плюс ко всему в поте лица трудились оперативники, искали компромат – все без толку. Кончился двухмесячный срок следствия, его еще продлили на два месяца… Мы с адвокатами молчали. Кончились и эти два месяца. Следствие снова было продлено… Но когда же оно закончится? Ведь дело-то несложное! Имелась и неопределенность в моем положении: с одной стороны, я – свидетель, с другой – обвиняемый. Нарочно, как говорится, не придумаешь.

Судья Галина Пашнина приняла решение: очередное продление срока незаконно. В этом решении было учтено многое: и то, что длительное время сохранялась неопределенность моего положения в процессуальном отношении, нарушалось мое право на защиту (я не мог, например, давать отводы или знакомиться с результатами экспертиз), судья учла также те обстоятельства, что материал, вошедший в уголовное дело, уже всесторонне исследован и криминала в нем не нашли даже под микроскопом. Например, возник вопрос по Московскому национальному банку, которым руководил все тот же Егиазарян, мне вменили в вину то, что я, будучи знакомым с Егиазаряном, мешал расследованию дела этого банка, тормозил его, я же, наоборот, дал указание Московской городской прокуратуре ускорить проверку, а не затягивать, и резолюция моя была очень жесткой. В общем, против меня ничего не было, но расследование затягивалось, и затягивалось специально: с одной стороны, Демин с компанией просто обязаны были что-то найти – ведь за это же придется в конце концов отвечать, а с другой – если дело прекращалось, указ президента мигом бы терял свое действие, более того, следствие превратилось в инструмент сбора и проверки компромата. Так возникло, а потом исчезло дело с роскошной фазендой в Орловской области, на деле оказавшейся домом отдыха прокурорских работников, история с квартирами, которые якобы были куплены для меня, и так далее. Ничто из этих фактов не подтвердилось.

23 августа Пашнина вынесла решение, что Главная военная прокуратура не имела права продлевать срок предварительного следствия до шести месяцев, так как оно не представляет особой сложности в расследовании. Главная военная прокуратура подала протест в Мосгорсуд.

Мосгорсуд этот протест отклонил на своем заседании 15 октября.

После этого решение Хамовнического межмуниципального суда вступало в силу. Генпрокуратура немедленно зашевелилась – на этот раз в лице Александра Александровича Розанова, который заявил, что «уважает решение суда, но по Уголовно-процессуальному кодексу решение о незаконности продления следствия не является основанием для прекращения уголовного дела».

Главная военная прокуратура передала мое дело в Генеральную прокуратуру. Было понятно, что у Демина ничего не получается и не получится, да и дело мое ему смертельно надоело, поэтому надо было как-то прикрывать собственную немощь, а с другой стороны, требовался приток свежих сил.

Прекращать уголовное дело для Демина, Розанова и других было смерти подобно: ведь тогда разом прекращалось и действие указа президента. И я тогда должен буду, как всякий государственный служащий, выйти на работу.

Розанов обжаловал это решение в президиум Мосгорсуда.

Одновременно было принято и другое решение – Тверского суда, на территории которого находится Генеральная прокуратура. Суд этот признал незаконными обыски, проведенные у меня с санкции все того же Розанова.

В общем, в эту очень напряженную и очень горькую для меня пору выпадали все-таки и светлые дни. Исполняющая обязанности председателя Мосгорсуда Егорова отклонила протест Розанова, сославшись на то, что эта категория судебных решений не может пересматриваться по протесту прокуратуры.

Розанов заявил, что будет продолжать «добиваться справедливости», и отправил повторный протест.

Егорова была «и.о.». А «и.о.», как известно, – штука противная, полная неопределенности. За место, которое занимает «и.о.», как правило, борется еще несколько человек, так и в случае с Егоровой. Подписав такое решение, судья Егорова сразу испытала на себе сильное давление. Президиум Мосгорсуда вскоре отменил решение городского и Хамовнического судов и отправил дело на новое рассмотрение. Хамовнический суд (судья Сучков) понял, что от него хотят, и отказал в удовлетворении моей жалобы. Сейчас вопрос находится на рассмотрении в Мосгорсуде.

Интересно на все это отреагировал Ельцин. В своей обычной манере – ведь решение судов для него пустой звук.

– Я со Скуратовым все равно работать не буду, – заявил он и добавил: – Несмотря на все судебные решения.

Что же, можно заметить, что Борис Николаевич свое слово сдержал, работать со мною не стал и ушел в отставку.

И вообще, разве возможно, чтобы в Штатах такое в адрес генерального прокурора сказал, допустим, Клинтон! Да его дни в Белом доме были бы просто сочтены.

После обысков, что были проведены у меня, что-то изменилось внутри меня самого, я стал совершенно иным человеком – очень жестким. Это отметили все, кто видел мои телеинтервью. У меня забрали и пресловутые костюмы, все четырнадцать, за которые я заплатил деньги, вернули же только один. Хотя следователь Эльсултанов позвонил, сказал, что через час привезет все, но не привез – запретил Розанов. Экспертиза, как я уже сказал, сделала свое заключение, сказав, что они не фирменные, хотя Паколли утверждал, что заплатил за них 40 тысяч долларов. Впрочем, Минаев, который в Генпрокуратуре уже не работает, снизил цену до 35 тысяч долларов и указал эту сумму в справке, адресованной в Совет Федерации. Опытный портной оценил их по восемьсот долларов за штуку, а экспертиза вообще все оценила в 4 тысячи долларов.

Тринадцатого октября было вынесено очередное решение Совета Федерации, и снова в мою пользу, об этом я расскажу чуть ниже, 15-го я выиграл Мосгорсуд, и у меня появилась возможность выйти на работу.

Но не тут-то было. Меня даже не пропустили на территорию прокуратуры, во двор, который много раз показывали по телевидению. И я вновь подал жалобу в суд, – на этот раз на действия исполняющего обязанности Генпрокурора Устинова и Бродского – человека, отвечающего за охрану…

Много следователей перебывало на моем деле. Кое-кого я упоминал, но сейчас хочу несколько слов сказать о Петре Георгиевиче Трибое. Он пришел в прокуратуру из следственного комитета МВД, получил сложнейшее дело, которое находилось на контроле, – дело по убийству Листьева, и у меня с ним сразу же сложились отличные рабочие отношения. Трибой работал не за страх, а за совесть, сумел толково организовать расследование. Когда меня отстранили, Трибой сказал: «Отстранение Скуратова – крест на деле Листьева». Он понял, что, кроме меня, вряд ли кто рискнет сцепиться с сильными мира сего, с олигархами и власть предержащими.

Интеллигентный Трибой – это некий эталон современного следователя.

Раньше был другой эталон – следователь Исса Костоев, который в свое время «расколол» знаменитого Чикатило. Но сейчас время таких следователей прошло, поскольку любой нажим во время следствия грозит вмешательством адвоката.

Когда мое дело попало к Трибою, то он написал начальнику следственного управления Владимиру Ивановичу Казакову докладную, смысл которой сводился к следующему: «Я отношусь к Скуратову с уважением, подумайте, надо ли давать мне это дело?»

Казаков начертал на докладной записке резолюцию: «Не вижу оснований для отвода». Трибой досконально разобрался в деле и в начале октября 1999 года вынес постановление о признании меня потерпевшим.

Это прозвучало как гром среди ясного неба. Трибой заметил многое из того, чего не заметил Верховный суд России: целый ряд грубых процессуальных нарушений. Он планировал допросить Росинского, но это ему не удалось Росинский все время находился на больничном и его плотно опекала ФСБ. Трибой докопался до многих мелочей, до которых не докопались другие, обнаружил противоречия между показаниями девиц, выяснил, что они были едва ли не силой доставлены в ФСБ. В показаниях одной, например, есть фраза, что ее заявление туда доставил брат. Трибой вызвал брата. Брат начал все отрицать: «Я ничего никуда не доставлял». Устроили очную ставку, и брат закатил сестрице сцену: «Ты во что, дура, меня вмешиваешь! Куда втягиваешь?» Оказалось, он действительно ничего никуда не доставлял.

В конце концов одна из девиц рассказала, как разворачивался механизм сбора заявлений. Оперативник ФСБ нашел ее дома, показал видеопленку, ткнул в одно из изображений и сказал:

– Это ты! Если будешь говорить, что не ты, пожалеешь! При этой сцене, имей в виду, была украдена крупная сумма денег. Тут же пришьем тебе уголовное дело. Поняла?

Трибой сделал свой вывод: «Заявление получено в результате угроз, шантажа и обмана».

Как только Трибой вынес это утверждение наверх, так девочек незамедлительно спрятали, ни одну не удалось найти, а дело у Трибоя вскоре отобрали, отменили постановление о признании меня потерпевшим и опечатали кабинет следователя.

В документах уголовного дела есть данные фонографической экспертизы; даже под давлением эксперты показали, что и на

звуковой записи, и на видеопленке есть признаки склеивания и монтажа, было произведено неоднократное копирование, нарушена непрерывность звучания фонограммы. Идентификация лиц невозможна.

И главный вывод группы экспертов (в эту группу входили Блохин А.С., Михайлов В.Г., Кринов С.Н.): «Предоставленный на исследование видеоряд не соответствует фонограмме».

Единственное, что они подтвердили – речь на фонограмме все-таки моя, хотя артикуляции не соответствует. Это означало, что было записано большое количество моих разговоров, из них были вырезаны отдельные слова и склеены. Вот как это было сделано!

Еще в июле 1999 года Совет Федерации обратился в Конституционный суд с вопросом: соответствует ли Конституции России указ Ельцина об отстранении Генпрокурора от должности и вообще в чью компетенцию это входит?

Конституционный суд долго тянул, не решаясь дать ответ на этот небезопасный вопрос, и в самом конце 1999 года, уже зимой, в два этапа рассмотрел его. Ну что я должен сказать по этому поводу? Впечатление осталось у меня грустное и, я бы сказал, пакостное. Конституционный суд выполнил заказ, как в давние времена выполняли заказы (или заседания) «партии и правительства». В самый канун заседания председатель Конституционного суда Марат Викторович Баглай встретился с Ельциным. И хотя Баглай отрицает, что разговор обо мне шел, в это трудно поверить. Как бы то ни было в результате Ельцин приравнял конституционных судей по своему обеспечению, по льготам и денежному довольствию к вице-премьерам российского правительства. Таким образом, Конституционный суд в своем большинстве оказался куплен, иначе это не назовешь.

Хотя результаты голосования 10 на 8 показали, что не всех судей можно купить. 10 – в пользу позиции президента, 8 – в мою. Плюс еще один голос в мою пользу – заболевшего Николая Трофимовича Ведерникова. Если разобраться, не больно-то большой перевес. Судья Виктор Осипович Лучин, специалист высочайшего уровня и принципиальнейший человек, вообще написал особое мнение, кардинально расходившееся с точкой зрения суда и в пух и прах разбил доводы судьи-докладчика.

Докладчиком была Тамара Георгиевна Морщакова, и этот факт определил очень многое: на судью-докладчика всегда ориентируются члены суда. Морщакова известна как ярый сторонник Ельцина, она не только последовательно поддерживала все его акты, но и была автором концепции скрытых полномочий президента: он, как гарант, дескать, все может, на все имеет право. В своем докладе она проигнорировала даже факт, что такая мера, как отстранение от должности, может быть принята только после предъявления обвинения. А обвинение мне предъявлено не было!. Так как же можно отстранять человека от должности, если на него льют напраслину, бездоказательно обвиняют, – ведь точно так же, как, скажем, в злоупотреблении служебными полномочиями, меня можно было обвинить и в шпионаже в пользу Мадагаскара, и в массовом отстреле тюленей на Чукотке, и в том, что под Красноярском сгорел керосиновый склад. Человека можно снять только за то, что не нравятся его зубы или нос. Это же нонсенс! Абсурд!

Но у нас любой абсурд, если он исходит сверху, обретает форму едва ли не закона.

Дело свое в Конституционном суде я проиграл. Но оно еще не закончено, еще будет несколько дел, и я их обещаю. И дела, связанные с предательством моих бывших товарищей по прокуратуре, и с клеветой, и с шантажом, и со многими другими вещами, о которых я не могу без содрогания думать.

Жаркая осень 99-го

Собственно, осень эта началась весной, плавно перетекла в лето и только потом стала осенью.

Все лето кремлевская администрация пыталась довольно откровенно сломать мне шею, угрожая уголовными преследованиями. Опубликовала уничижительные статьи в газетах и давила через суды – чего только не делала…

Летом в Кремле, в волошинском кабинете сошлись четверо: Усс и Собянин из Совета Федерации, сам Волошин и я. Собрались, конечно, для того, чтобы мирно поговорить, но «мирная инициатива» закончилась ничем: Волошин повел себя агрессивно.

– Не прибегайте к нечистоплотным методам борьбы со мною, – предупредил я. – Моему терпению может прийти конец.

– Это что, угроза?

Собянин и Усс пытались вмешаться, но это было бесполезно.

Вторая попытка навести мирные мосты была предпринята Владиславом Фадеевичем Хижняковым – представителем президента в Совете Федерации. Он, степенно оглаживая свои пышные казацкие усы, довольно дружелюбно выслушал меня, задал несколько вопросов, уточняя «дислокацию», и сказал:

– Я считаю, в вашей позиции есть резоны, я готов довести их до Волошина.

Я понял, что на Волошине эта попытка и закончится. Хотя сам Хижняков мне показался человеком приятным и понимающим.

Тон летней травле задал, конечно, Владимир Владимирович Путин, который, переводя невнятное высказывание Ельцина на русский язык, заявил:

– Позиция Бориса Николаевича по Скуратову не изменилась.

Мне отказали в выезде в Швейцарию – там собралась провести свою конференцию Международная ассоциация криминологов и криминалистов. Мне предложили сделать доклад о коррупции.

Я согласился, но в Швейцарию меня не пустили – долго тянули с выдачей общегражданского паспорта, а когда я отдал его в посольство на визу, паспорт аннулировали. Я спросил, в чем дело.

– Паспорт оформлен неправильно. Есть кое-какие технические погрешности.

– А если я все-таки попробую с ним уехать?

– Вас завернут назад на границе.

Когда я получил второй паспорт, конференция уже закончилась. Я сравнил новый паспорт с ксерокопией того, что у меня изъяли, и никаких различий не обнаружил.

Не выпустили меня из страны, конечно, Демин и Рушайло. Плюс, естественно, МИД.

МИД России разрушил и мою официальную поездку в Швейцарию по приглашению Карлы дель Понте – предупредил МИД Швейцарии, что если Скуратов появится в этой стране как Генпрокурор, то российско-швейцарские отношения сильно ухудшатся, а планирующийся визит Ельцина в Швейцарию будет отменен.

Швейцарский МИД надавил на Карлу дель Понте, та, в конце концов, сообщила мне:

– Я не могу принять вас на государственном уровне, могу принять только как частное лицо.

И от этой поездки в Швейцарию пришлось отказаться.

Параллельно с этим была проведена жесткая линия на выдавливание моих сторонников с их мест, а то и вообще из органов прокуратуры.

Так, Михаила Борисовича Катышева, принципиальнейшего руководителя, отстранили от руководства главным следственным управлением. На его место был поставлен Владимир Иванович Минаев.

Кто такой Минаев?

Я когда-то принимал его на работу – он запросился к нам переводом из московской милиции, где был заместителем начальника следственного комитета. В кабинет ко мне Минаева привел все тот же Розанов – он, оказывается, с Минаевым был дружен. Поговорил я с Владимиром Ивановичем минут десять, не больше, – Розанов охарактеризовал его как блестящего следователя, который украсит любую прокуратуру, – и сказал, что раз Александр Александрович так считает, то пусть оформляет перевод. Не доверять заму по кадрам у меня не было оснований.

Позже выяснилось, что в московской милиции у Минаева сложилась следующая ситуация: специалистом он был не лучшим и ему предложили подыскать новую работу. Он вспомнил о прокуратуре и побежал к Розанову.

Рядом с Катышевым этого человека совершенно не было видно. А сейчас он попал на первые роли – стал начальником управления, которым руководил Михаил Борисович. И начал выполнять черную работу по моей дискредитации. Самым же печальным явилось то, что Кремль, сделав ставку на Минаева, так и не понял: это провал. Жена Минаева неоднократно помогала солнцевским бандитам и была на этом поймана, у следствия есть подозрения, что помогала небезвозмездно, сам же Минаев для неслужебных целей использовал служебную информацию. И этот человек стал главным кремлевским рупором по моему обвинению.

Владимира Ивановича Казакова освободили от должности начальника управления по расследованию особо важных дел, Владимира Дмитриевича Новосадова – от должности начальника отдела по надзору за расследованием особо важных дел, генералов Юрия Муратовича Баграева и Сергея Ивановича Леха – также от своих должностей.

Шла откровенная, ничем не прикрытая чистка, очень похожая на расправу. Расправу за то, что люди были верны закону. Используя закон о предельных сроках службы, Розанов отправил на пенсию Владимира Ивановича Киракозова и Александра Николаевича Омельченко – людей, которые в прокуратуре считались прекрасными специалистами. А ведь можно было их сохранить на контрактной основе. Начали расставлять своих людей и на местах. В Магаданской области сняли с работы прокурора Александра Альфредовича Неерди – давнего противника тамошнего губернатора, в Карелии – Владимира Михайловича Богданова.

Встал вопрос и о Чайке. Он лавировал, часто занимал половинчатую позицию. С одной стороны, послушно выполнял указания Кремля – в частности, по моей травле, а с другой – осторожничал. При нем, например, продолжилось вялое расследование дел по «Мабетексу», по «Андаве»-Аэрофлоту, но даже это вызывало большое недовольство Березовского. БАБ думал, что Чайка не будет продлевать сроки расследования по «Андаве»-Аэрофлоту и вообще прикроет дело, а Чайка продлил эти сроки. Березовский не знал, что Чайка никогда не брал на себя решение – особенно решение вопросов спорных, – поэтому БАБ напрасно рассчитывал на Юрия Яковлевича. БАБу нужен был новый прокурор.

Прекрасный московский журналист Александр Хинштейн, о котором я уже говорил, опубликовал в «МК» материал под названием «Он будет лояльным». В этом материале Хинштейн пишет:

«Как быки реагируют на красное, так олигархи и сановники реагируют на Генеральную прокуратуру.

Парадокс, казалось бы: после отстранения Скуратова, низложения Михаила Катышева прокуратура должна была затаиться и лечь на дно. Ее руководители, заинструктированные Кремлем до слез, делают все, чтобы удержать своих подчиненных от резких движение. И в то же время существует целый ряд уголовных дел, продвижение по которым не дает олигархам-сановникам спокойно уснуть. «Мабетекс», «Андава», «Атолл», аферы на рынке ГКО. Правоохранительная машина похожа на бульдозер. Ее очень трудно завести, раскочегарить. Но уж если она разогналась, остановить еще сложнее… У нас в руках – стенограмма телефонного разговора двух весьма известных людей. Одного зовут Борис Абрамович. Другого – Александр Стальевич. Собственно, в том, что два эти джентльмена поддерживают меж собой близкие (до интимности) отношения, нет никакого секрета. Факт общеизвестный. Помимо тесного сотрудничества в прошлом и настоящем, объединяет их еще одно: оба они до смерти боятся прокуратуры. Точнее, уголовных дел, которые до сих пор расследуются. Из их беседы это видно вполне отчетливо.

«Борис Абрамович: Слушай, там ситуация совсем плохая стала. То есть разбередили такой муравейник, что они все там уже окончательно запутались Все друг про друга все рассказывают.

(Трудно сказать, о каком именно «муравейнике» ведет речь Борис Абрамович. «Муравейников» у него масса. Да и так ли это важно? – *А.Х.)*

Александр Стальевич: Ага.

Б.А.: Ситуация хуже некуда. Я тебе потом все расскажу, но, по-моему, там сейчас ничего не надо делать вообще.

А.С.: Я понял.

Б.А.: Иначе там наживешь – особенно ты – крупные неприятности.

А.С.: Понятно.

Б.А.: Там эту информацию сдал кто-то.

А.С.: По поводу?

Б.А.: По поводу твоего участия. (Участия в чем? Явно не в Обществе охраны памятников. Надеюсь, в ближайшее время это обстоятельство станет нам известно. – *А.Х.)* Ты знаешь это?

А.С.: Хорошо. Ладно, Бог с ним.

Б.А.: Нет, это нормально. Но у меня по твоему поводу был конкретный очень тяжелый разговор, когда мне было сказано: «Я таким образом ничего делать никогда не буду. Не хочу, чтобы этот человек меня снимал и назначал, и буду воевать». (Чем глубже вчитываешься, тем больше возникает загадок. С кем именно встречался Борис Абрамович? Кто собирается на войну? Может быть, Скуратов? – *А.Х.)* Также занимался потом психотерапией в очень тяжелом варианте. Но там, я тебе говорю, все эти клиенты крайне ненадежны. Они все по кругу ходят, друг другу рассказывают. При этом прилепляют собственную информацию к этому. В принципе сюжет в конечном счете нормальный, но я тебе при встрече расскажу.

А.С.: Хорошо.

Б.А.: Там надо просто сейчас все ограничить, иначе неприятности будут серьезные.

А.С.: Хорошо, я понял.

Б.А.: Скажи, пожалуйста: примешь того человека, который приехал, или нет?

А.С.: Какого?

Б.А.: Который приехал – Устинов.

А.С.: Повстречаюсь, просто у меня два часа подряд будут встречи… Единственное: черт его знает – он болтливый или неболтливый?

Б.А: Нет, он будет абсолютно лояльным, будет молчать.

А.С.: Он просто расскажет об этом своему этому (кому-то из особо доверенных людей. – *А.Х.),* а тот растреплет в момент просто.

Б.А.: Нет, я тебе еще раз говорю, нет.

А.С.: Боря, у меня есть уверенность просто, что так произойдет. Просто по факту так происходит каждый раз. Я тебя предупреждал. Ну действительно, каждый раз так происходит…»

Интересно, правда? Вообще, герои наши больше похожи на подпольных цеховиков, которых вот-вот накроет ОБХСС, чем на крупных государственных деятелей. Если смех – главный герой комедии Гоголя «Ревизор», то страх – третий участник их разговора.

Но не это самое главное. Гораздо больше меня, например, интересует, насколько соответствуют действительности те характеристики, которыми награждает Борис Абрамович г-на Устинова. Который – на минуточку исполняет обязанности Генерального прокурора страны.

Да и сама по себе суть разговора – Борис Абрамович просит Александра Стальевича принять Устинова – не может не вызывать удивления. Кто такой Борис Абрамович? И кто такой Владимир Васильевич?..

По большому счету, конечно, и.о. Генерального эта беседа не компрометирует. Собственно, он мог о ней ничего и не знать, и Борис Абрамович решился действовать по собственной инициативе.

Может, это у него такое хобби – проводить людей в присутственные места?

Может, он любит Устинова только потому, что не любит Скуратова? Может, Устинов ему просто нравится?

Все может быть…

Судя по разговору, беседа эта состоялась еще до назначения Устинова и.о. (В противном случае «поводырские» услуги Бориса Абрамовича не понадобились бы.) Деталь немаловажная.

Один знакомый министр рассказывал, что перед утверждением с ним проводили профилактическую беседу. Не беседу даже – торг. (Не буду называть фамилий собеседников, ибо доказать этого никогда не смогу, но одним из них был плохо выбритый бизнесмен, имя которого пишут на рекламных щитах, а другим – некая дама, дочь своего отца.)

Суть торга заключалась в следующем: мы тебя ставим, а ты не делаешь того-то и, напротив, делаешь то-то. Просто и незатейливо, как на колхозном рынке.

Наивно было бы предполагать, что с Владимиром Устиновым подобных разговоров не велось. Как-никак назначили его на должность ключевую и в условиях, приближенных к боевым. От поведения Устинова зависит сегодня судьба Кремля.

Я не знаю, какие именно условия ставили Устинову. Я буду искренне рад, если выяснится, что эти условия он не выполняет и выполнять не собирается.

К сожалению, ряд поступков Устинова свидетельствует об обратном. Это он окончательно задвинул Михаила Катышева, зам. Генерального, в дальний угол, поручив ему курировать приемную и отдел писем.

Это его подчиненные отобрали у самого опытного «важняка» Чуглазова дело «Мабетекса». Это он удалил Чуглазова из Главного следственного управления, назначив своим советником.

Да и обыски у Скуратова наверняка были сделаны с ведома Устинова. Слишком мала вероятность совпадений: стоило только Устинову уехать на Дальний Восток, как тут же начались обыски.

В Кремле рассчитывают, что Устинов будет утвержден полноценным Генеральным прокурором. В Кремле хотят, чтобы его имя не было запятнано никаким скандалом.

«Он будет абсолютно лояльным, он будет молчать», – утверждает Борис Абрамович.

Владимир Васильевич, товарищ и.о. Генерального, неужели это правда? Прошу вас: докажите обратное. Не словами – делами…»

Вот такого прокурора решили сделать генеральным. Комментарии, как говорится, излишни.

Подкосило Чайку и то, что семейство его оказалось связанным с ингушскими бандитами, братьями Оздоевыми, – с ними был дружен сын Чайки Артем. Оздоевы втянули Артема в сомнительные коммерческие операции еще в Иркутске. Не менее опасные связи имелись у Артема и в Москве. Здесь Артем Чайка отдал преступникам Ибрагиму Евлоеву и Хункару Чумакову машину отца с «правительственными» мигалками и спецталоном, запрещающим останавливать и осматривать автомобиль. Евлоев и Чумаков с оружием в руках отправились на этой машине выколачивать деньги. И занимались этим довольно успешно, пока их не задержала милиция.

Мне об этом рассказал Катышев, потом – сам Чайка. Я посочувствовал Чайке, сказал, что надо провести служебное расследование…

Летом 1999-го об этой истории заговорили в полный голос. Чайка почему-то посчитал, что это сделал я, но я к этому не имел никакого отношения. Да и не до того мне было. Уже был готов перевод Чайки в Совет безопасности, первым заместителем секретаря, и Чайка пошел на прием к Путину, поведал о своих заслугах и тот – с разрешения Ельцина, естественно, – вручил Чайке портфель министра юстиции. Пример Чайки – яркий пример: Кремль не оставляет в беде тех, кто помогал ему…

В июне состоялось и заседание антикоррупционной комиссии Совета Федерации, которое вел Королев. Я внес предложение о контроле комиссии над деятельностью Генеральной прокуратуры, так как та все больше и больше подпадала под влияние Кремля, предложил сделать комиссию постоянно действующей, работающей в тесном контакте с такой же комиссией Госдумы…

Обсудили ситуацию и с моей подвешенностью в должности.

– Я готов работать и дальше, – сказал я.

Этим летом мне удалось немного и отдохнуть. В Кисловодском санатории «Красные камни». Хотя обычно я отдыхал в Сочи, на Бочарке-3, но в этот раз меня туда не пустили, отдали мой коттедж Кириенко, и я поехал в Кисловодск. И не жалею об этом.

Во мне к этой поре возник некий комплекс неполноценности – меня все время травили, пытались унизить, поэтому порою невольно возникало ощущение: а ведь все люди относятся ко мне так.

Нет, не так: меня останавливали на улицах, в парке, жали руку, старались поддержать. Это придавало силы. Я понял твердо: народ ко мне относится совсем не так, как относится кремлевская верхушка.

Побывал я и на родине, в Улан-Удэ, на семинаре, который проводил фонд Аденауэра. Там меня вообще встречали как некоего национального героя. Часто спрашивали – особенно много таких вопросов было от журналистов, – буду ли я баллотироваться в Госдуму.

– Это не исключено. Но главное для меня не Госдума, а Генеральная прокуратура…

А кремлевские «горцы» тем временем готовили очередной раунд схватки. Тяжелой артобработкой занялось ОРТ, пальбу открыл Доренко, к нему присоединился Сванидзе. Грязь полилась гуще и пуще прежнего. И тут мне в руки попал один несколько необычный документ, написанный на четырех страницах. Заголовок более чем красноречивый: «Сценарий освобождения Ю.И. Скуратова от занимаемой должности на заседании Совета Федерации 13 октября 1999 года».

Вводная часть гласила: «Третья попытка освобождения Ю.И. Скуратова от занимаемой должности имеет шансы на успех при условии активных и наступательных действий с нашей стороны. Успеху будут способствовать и следующие факторы: общественное мнение сформировалось в целом в пользу отставки Скуратова; Совет Федерации устал от вопроса о Генеральном прокуроре и желает скорее выйти из тупика; общая политическая ситуация (выборы, Чечня) подвигают Совет Федерации к воздержанию от конфронтации».

Кремлевские аналитики очень здорово ошиблись, давая ситуации такой приблизительный анализ; все, как оказалось потом, выглядело несколько иначе.

Была разработана и тактика, несколько отличная от прежней, с новыми деталями. Упор делался, как было указано в этом сценарии, на «уход всеми средствами от темы об уголовном деле Скуратова, о рассмотрении спора о компетенции в

Конституционном суде». А упор – на «бытовщинку» – пленку, девочек, «оскорбление общества»…

В пятом пункте сценария автор предупреждает: «…Не дать втянуть себя в полемику о незаконности заведения уголовного дела на Скуратова, о незаконности его отстранения от должности».

В шестом пункте предполагалось: «Массированная, с подключением всех ресурсов администрации и правительства, работа с членами Совета Федерации для безусловного обеспечения желаемого результата голосования».

Пункт седьмой: «Проведение серьезного разговора со Строевым Е.С. Огромное значение будет иметь то, как он поведет заседание. Нужно добиться, чтобы он последовательно дал возможность выступить В.Ф. Хижнякову, А.А. Розанову, В.В. Устинову…»

Дальше расписывалась последовательность действий по этапам, где была намечена целая программа. Эту часть сценария я процитирую полностью:

«1. В 8.45 в Организационном управлении аппарата Совета Федерации проверить подготовленный для Е.С. Строева сценарий ведения заседания Совета Федерации. Убедиться в том, что в список выступающих по вопросу о Генеральном прокуроре включены В.Ф. Хижняков, А.А. Розанов, В.В. Устинов.

2. После выступления О.П. Королева (о работе комиссии палаты), С.С. Собянина (о позиции комитета), выступают В.Ф. Хижняков (о позиции Президента Российской Федерации), А.А. Розанов (о существе дела по Скуратову), В.В. Устинов (о положении дел в целом в прокуратуре).

3. Отслеживать выступления членов Совета Федерации.

4. В случае присутствия на заседании Совета Федерации Ю.И. Скуратова и его выступления, задаются контрвопросы и проводятся выступления сенаторов Федорова, Титова, Рокецкого, других, а также контрвыступления А.А. Розанова и В.В. Устинова.

5. В случае, если председательствующий на заседании Совета Федерации будет уклоняться от предоставления слова кому-либо из ключевых фигур, то по прямой телефонной связи или публично в зале заседания обратиться к нему с соответствующим требованием.

6. В случае положительного решения Совета Федерации по вопросу об освобождении Ю.И. Скуратова от занимаемой должности, В.Ф. Хижняков благодарит сенаторов за разрешение кризиса власти».

Что делает человек, в руки которого попадает подобный сценарий, где по дням расписано, как его будут уничтожать? Естественно, начинает действовать на опережение.

Я собрал в Интерфаксе пресс-конференцию.

Состояние у «горцев» после этой пресс-конференции было шоковое. На кремлевском холме даже срочно назначили служебное расследование: как секретная бумага попала к Скуратову?

По плану в Совете Федерации должны были выступить губернаторы хозяева областей и потребовать моей отставки: надоело, дескать, жить без прокурора. Розанов звонил на места, в прокуратуры и просил прокуроров уговорить руководителей регионов – пусть поддержат требование президента об отставке мятежного Генпрокурора. За это обещали блага. Дотации. Руцкому пообещали убрать прокурора, с которым тот не сжился – Николая Александровича Ткаченко и освободить из-под стражи Чука и Гека, магаданскому Цветкову – освободить от занимаемой должности прокурора Неерди, в Чувашии – прокурора Русакова. Розанов злоупотреблял служебным положением, он боялся за себя, боялся, что я вернусь в прокуратуру и спрошу, чем он занимался…

За день до заседания Совета Федерации собралась комиссия по борьбе с коррупцией. От прокуратуры присутствовало несколько человек: Устинов, Катышев, Розанов, Кехкеров, Минаев. Поддержал меня только один Катышев. Это был мужественный поступок. Кехкеров предпочел промолчать. Устинов – тоже. Он все возложил на Розанова и Минаева.

В комиссии сидели люди грамотные, в большинстве своем юристы, им раздали справки, где, казалось бы, все было расписано и требовалось только утвердить «сочинение на заданную тему», но члены комиссии «сочинение» не утвердили. Началась разборка, и когда Розанов начал лить на меня в очередной раз грязь, то Королев оборвал его:

– Откуда эта кассета, о которой вы столько говорите? Как она добыта? Каким путем? Она же не может быть предметом обсуждения ни в суде, ни для следствия! Вы что, ее сами снимали?

Розанов замолчал. Придя в себя, попробовал объяснить, но не тут-то было: тык-мык и все – ничего больше Розанов сказать не мог.

– На чем вы тогда строите систему обвинений?

Розанов и на этот вопрос не смог ответить.

Когда пытался что-то говорить я, то Королев оборвал и меня:

– Не втягивайте нас в дискуссию!

В общем, кремлевский номер не прошел: Королева поддержали все члены комиссии, постановили дождаться решения суда (заседание Мосгорсуда было назначено на 15 октября) – пусть суд решит, законно либо незаконно продлены сроки следствия, и потом уж принимать постановление.

Все считали, что в этой ситуации президент вряд ли вынесет на заседание Совета Федерации вопрос о моей отставке.

Но вечером 12 октября он этот вопрос внес. Прошел слух, что 60 сенаторов поставили подписи под письмом о моей отставке.

Ночь я не спал. Любой бы на моем месте не спал… Утром, приехав в Совет Федерации, я узнал, что список сенаторов состоит не из 60, а из 23 фамилий. Кто же подписанты? В основном дотационные губернаторы: Бирюков с Камчатки, Фахрутдинов с Сахалина, Назаров с Чукотки, Гуторов из Ямало-Ненецкого округа, ранее дважды судимый, плюс друзья – Руцкой, Федоров, Аяцков, который всегда успешно колеблется вместе с линией «партии и правительства», дальневосточник Наздратенко…

Совместные усилия администрации президента и руководства прокуратуры дали смешной результат.

23 человека для Совета Федерации – это ничтожно мало. Нужно по меньшей мере человек девяносто.

Я почувствовал себя уверенно.

Началось заседание. Выступили Королев, Платонов, потом Строев вдруг объявил, что дискутировать нет смысла, все ясно и без дискуссий, надо голосовать. Я спустился со своего места вниз. Подошел к председательскому столу:

– Егор Семенович, мне-то слово дайте! Я хочу высказаться.

– У нас здесь не дискуссионный клуб! – довольно резко отозвался Строев.

И тут возник туляк Игорь Иванов, руководитель регламентной группы Совета Федерации.

– Егор Семенович, при освобождении Генерального прокурора от должности выступление Генпрокурора обязательно!

Строев дал мне десять минут, дал нехотя. Пожалуй, именно в этот момент я первый раз в жизни почувствовал себя настоящим политиком. Я уложился в десять минут. Вот что я сказал:

«Уважаемые члены Совета Федерации!

Еще раз поднимаясь на эту трибуну, я хочу сказать: некоторые тут ожидали, что я вновь подам прошение об отставке.

Этого не произойдет.

И дело не только в том, что с моей стороны этот шаг стал бы проявлением крайнего неуважения к Совету Федерации, который ранее уже дважды высказывался за продолжение моей работы. Есть масса и других причин, исключающих для меня заявление об отставке.

Написать такое заявление – значит уступить шантажистам, а по сути преступникам, которые почти всю государственную машину от администрации президента до силовых структур направили в нужное для себя русло и теперь в это русло усиленно пытаются загнать вас, уважаемые члены Совета Федерации. Причем делают это довольно настойчиво. Меняют только подручные средства. Сначала это была видеокассета, как инструмент шантажа, – не вышло. Затем пытались доказать, что я преступник, – не получилось. Сейчас говорят, что я аморальный тип.

Написать заявление – значит согласиться с применяемыми по отношению ко мне методами. Узаконить, если хотите, произвол, вседозволенность кремлевской администрации и президентского окружения. Написать заявление значит создать прецедент для подобной расправы в будущем для любого государственного и политического деятеля. И прежде всего – вас.

Уйти в отставку – значит показать, и прокурорской системе прежде всего, что с прокурором в России можно сделать все что угодно. Что служить закону оказывается себе дороже. Что нужно не бороться с беззаконием и несправедливостью, а уступать им. Повторяю: прошения об отставке, безусловно, не будет. Это моя принципиальная позиция, совпадет она с вашей или нет, понятно, решать вам.

Я глубоко признателен членам комиссии Совета Федерации по борьбе с коррупцией за искреннее желание обстоятельно и объективно во всем разобраться. Достойно глубокого сожаления, что президентская сторона, по сути, проигнорировала взвешенные и правовые, подчеркиваю, подходы, которые рекомендовала комиссия. Безусловно, комиссия еще далеко не реализовала свой потенциал. Общество ждет более детальных ее оценок ситуации с Генеральным прокурором, а главное – ответа на вопрос: как действительно поставить дело борьбы с коррупцией в коридорах власти? Думаю, комиссия имеет все возможности обеспечить политическую поддержку правоохранительным органам, особенно когда на них оказывается серьезное давление. Но даже то, что стало известно комиссии, а в принципе то, что творится и продолжает твориться со мной, происходит

и на ваших глазах, позволяет сделать несколько неутешительных выводов. Основной из них такой: в нашем отечестве, оказывается, возможно все – любая провокация, любой шантаж, нарушение элементарных требований закона, – если этого требуют интересы кремлевского окружения.

Возможно, лучше привести в Кремль подчиненного Генеральному прокурору работника и заставить его, нарушая установленный законом порядок, возбудить уголовное дело… Только в больном воображении можно представить, чтобы нечто подобное, например, происходило на Даунинг-стрит, 10, в Лондоне или в президентской резиденции в Париже! Оказалось возможным втянуть в конфликт во имя политической цели, а по сути спасения от ответственности высокопоставленных фигур, Федеральную службу безопасности, Министерство внутренних дел, подтолкнув эти структуры на использование неправовых методов и средств, фальсификацию материалов, и Генеральную прокуратуру, в очередной раз представивших вам недостоверную, явно тенденциозную справку. Без тени сомнения и колебаний оказалось возможным вовлечь в политику и суд, чтобы дискредитировать судебную власть. Я имею в виду то давление, беспрецедентное, которое оказывалось на коллегию Верховного суда. Можно, оказывается, использовать всю мощь государственного механизма, чтобы раздавить человека, пусть и Генерального прокурора, который осмелился посягнуть на святая святых, хотя я сделал только то, что мне полагалось по должности, по законам.

Вы сами, уважаемые сенаторы, в состоянии судить, насколько в отношении меня последовательно и целенаправленно выдерживалась и выдерживается линия на давление. С этой целью используются средства массовой информации. Планомерные утечки в прессу из сверхсекретного уголовного дела постоянно допускались, манипулировалось общественное сознание, применяются акции устрашения – я имею в виду обыски, отказ в выдаче паспорта для выезда в Швейцарию и т. д. и т. п.

Я хочу разъяснить членам Совета Федерации свою позицию по уголовному делу. Это, извините, вы поймите меня правильно, меня облили грязью, справку раздали всем, а мне, так сказать, постеснялись предоставить слово. Думаю, что сейчас уже ясно всем – попытка привлечь меня к уголовной ответственности полностью провалилась. За полгода бригаде следователей при поддержке МВД и ФСБ так и не удалось найти ни одного, так сказать, приличного факта, чтобы предъявить мне по нему обвинение. Следствие занимается сейчас дотошной проверкой инспирированных спецслужбами газетных публикаций о квартирах и костюмах, не имеющих никаких перспектив, это даже в справке отражено, хотя цель ее, вы знаете, совершенно другая. Все только лишь для того, чтобы продлить неконституционный указ президента.

Я хочу также сказать и о другом, уважаемые члены Совета Федерации. Попытка, опираясь на материалы этого уголовного дела, повлиять на позицию Совета Федерации по меньшей мере некорректна, а по большей – незаконна. Сфабрикованное, незаконченное уголовное дело, а тем более ставшее предметом судебного разбирательства, не может быть основанием для принятия решения Советом Федерации. Ну неужели это не понятно всем? Кроме того, большинству прокуроров и судей совершенно очевидно, что и дело было возбуждено незаконно. Я уж об этом не говорю, поскольку это общеизвестно.

Далее. Я хочу сказать, что это не плод моих фантазий. Почему-то в справке не указано, что есть другое уголовное дело, возбужденное по моему обращению. И я там признан потерпевшим по этому делу. Там добыты данные фактические, которые опровергают этот материал, которые показывают, что показания были получены путем шантажа, угроз и давления. Почему об этом вам, так сказать, не говорится в справке этой?

Далее. Есть, в конце концов, презумпция невиновности, и никакие материалы незаконченного дела, а тем более шитого белыми нитками, не должны приниматься во внимание до судебного решения. Ну и наконец, не следует забывать, что 15-го числа, послезавтра, состоится судебное рассмотрение этого вопроса, которое может положить конец этому уголовному делу. И у меня будут юридические основания для того, чтобы приступить к своим служебным обязанностям. Именно поэтому такая спешка, именно поэтому вас хотят, выкручивая руки, заставить принять соответствующее решение.

Что касается моральной стороны вопроса, о которой здесь в общем-то намекалось и до этого много говорилось. Я хочу вспомнить азы юриспруденции, да и здравого смысла. Недопустимо обвинять человека или делать ему упреки в безнравственности, если он не нарушил закон, а доказательства его безнравственности получены преступным путем.

В принципе, дело уже не во мне. Со мною просто решили расправиться, но ситуация, так сказать, приобрела политическую окраску. Сегодня, уважаемые коллеги, члены Совета Федерации, нужно думать о другом: как спасать остатки правового порядка, как вести борьбу с коррупцией. Однако вместо этого работа правоохранительных органов и спецслужб сознательно парализуется. И это не голословное заявление. Достаточно свести воедино раздробленные, на первый взгляд, события последних месяцев, чтобы убедиться в обоснованности этого вывода. Судите сами: в МВД от должности освобожден начальник следственного комитета Кожевников, переведен на другую работу начальник следственной части Титаров. В ФСБ не у дел оказались замначальника управления экономической контрразведки Пушкаренко, еще один начальник управления по контрразведке и обеспечению стратегических объектов Дедюхин, проводится чистка аппарата ФСБ, а именно по материалам этих подразделений мы возбуждали одни из самых громких уголовных дел. В Генеральной прокуратуре замгенерального Катышев сначала был отстранен от руководства следствием, сейчас переведен на другой участок, не связанный со следствием. Весь главк выведен за штаты, началась массированная чистка. В Главной военной прокуратуре, по сути, расправились с генералом Баграевым. Под него началась чехарда с санкциями. Их стали спешно менять на меры, не связанные с лишением свободы, позволяющие обрабатывать свидетелей, уничтожать доказательства, давить на следствие.

Незаконно прекращено дело в отношении банкира Смоленского, и прокуратура проглотила это. Вернулся в Россию Собчак. А посмотрите, что делается! С видимым удовольствием демонстрируют свое всесилие и неприкасаемость люди из ближнего

президентского окружения, несмотря на поток серьезной информации, опубликованной СМИ об их злоупотреблениях. Зато когда, скажем, появляется бред нашего неуважаемого г-на Доренко на ОРТ в отношении, скажем, якобы связи Лужкова с «Мабетексом», Генеральная прокуратура тут же включается в проверку и начинает работу, что называется, с жаром.

Далее. Отстранен от следствия Георгий Чуглазов, главный следователь по делу «Мабетекса», почти полностью изменен состав швейцарской комиссии, российско-швейцарской, по сотрудничеству. Это ставит под угрозу вообще доверие российской стороне. Сейчас вопрос о доверии один из самых главных. Возник скандал в Bank of New York, встал вопрос о возврате денежных средств, похищенных из России. Но как же к нам будут относиться зарубежные коллеги, без помощи которых эту цель не реализовать, если у нас идет кадровая чехарда с руководителями правоохранительных органов, если они видят творящийся правовой беспредел в отношении Генерального прокурора, если им наглядно демонстрируют, что у нас есть каста неприкасаемых коррупционеров, для которых закон не писан. Сегодня ставится вопрос так: главная причина дестабилизации правоохранительных органов это отсутствие легитимного Генерального прокурора.

Уважаемые члены Совета Федерации, не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, как поверхностна и наивна такая постановка вопроса. Все изложенное выше говорит о том, что наряду с взятием под контроль финансовых ресурсов идет целенаправленный процесс превращения Генеральной прокуратуры, следственных и оперативных подразделений МВД и ФСБ в послушное, управляемое не законом, а волей администрации президента учреждение, которое выполнит любой, подчеркиваю, любой политический заказ, если это понадобится. И с появлением легитимного, но ангажированного администрацией президента Генпрокурора этот процесс будет продолжен еще более ускоренными темпами, потому что для власть предержащих это вопрос жизни и смерти.

И последнее. Уважаемые члены Совета Федерации, на апрельском заседании Совета Федерации, несмотря на весь драматизм моего положения, я в силу необходимости соблюдения следственной тайны и служебной этики не мог в полном объеме сказать вам об истинных причинах желания президента и его администрации любой ценой устранить меня с занимаемой должности. Сейчас, когда информация о возможной причастности президента и его семьи к коррупции, о наличии зарубежных счетов, об использовании в личных целях денежных средств сомнительных коммерсантов, получающих подряды на реконструкцию Кремля, и многое-многое другое стало достоянием не только российской, но и мировой общественности, вам ясно, что в вопросе о моей отставке основным является личный интерес президента и его семьи. Иначе говоря, маски сброшены. Ситуация предельно упростилась. Или мы вместе с вами попытаемся остановить вал коррупции и спасти остатки авторитета нашей страны в мировом обществе, а я готов работать при вашей поддержке, или Совет Федерации пойдет дорогой, намеченной ему кремлевскими коррупционерами. Выбор за вами, уважаемые члены Совета Федерации. Благодарю вас за внимание».

Я почувствовал, что выступил удачно. Как мне потом сказали, эта речь добавила мне примерно 25 голосов.

Даже Лужков, обычно скупой на похвалу, и тот заметил:

– Я впервые слышал речь настоящего Генерального прокурора.

А дальше было голосование. С ошеломляющим результатом: 98 – против отставки, 52 – за отставку, 2 – воздержались.

Реакция Кремля на собственный провал была соответственная: на меня усилили информационный нажим. Доренко, Сванидзе, Шеремет буквально выворачивались наизнанку, стараясь услужить своим хозяевам и утопить меня в грязи. Из пыли вытащили даже Паколли – он тоже появился на телеэкране.

Особое бешенство у кремлевских «горцев» вызвала моя фраза насчет «возможной причастности президента и его семьи к коррупции». Шабдурасулов заявил, что администрация президента обратится в суд. Правда, уже прошло много времени, а она не обратилась в суд до сих пор и не обратится никогда.

На следующий день на Западе прошло сообщение, что «Банк дель Готтардо» подтвердил факт выдачи гарантий президентской семьи по трем карточкам.

Мои коллеги из Генпрокуратуры пригласили меня на допрос: что я имел в виду под словом «семья»?

– Только то, что подразумевает гражданско-правовое понятие: семья это ячейка общества.

– А что вы имели в виду под словом «коррупция»? – заинтересованно спросили коллеги.

– Коррупцию и имел в виду. Деньги на оплату покупок, сделанных семьей Ельцина, поставлял Паколли. За это Паколли получил очень выгодные подряды на ремонт Кремля, его лично приглашал к себе Ельцин, присвоил ему звание заслуженного строителя России… Это и есть коррупция.

Собственно, действительно, зачем я все это говорил? Да затем, чтобы Совет Федерации принимал решение со знанием дела. Ведь Ельцин обратился к сенаторам, руководствуясь не общественными, а личными интересами… А с другой стороны, я еще очень мягко высказался о президентской семье, вставил слово «возможной» – о «возможной причастности президента и его семьи к коррупции»…

15 октября я выиграл судебный процесс. Мосгорсуд признал незаконным решение о продлении сроков следствия, и я через два дня попытался выйти на работу.

На территорию Генпрокуратуры меня не пустили, милиционер, который раньше отдавал мне честь, лишь виновато развел руки в стороны.

– Не имею права!

– Почему?

– Таково указание руководства.

В это время по первому этажу Генпрокуратуры бегал Розанов и всматривался в окна: впустят меня на «подведомственную» ему территорию или нет?

Не пустили. Стало противно. И горько.

К этой поре в прокуратуру приехал Березовский – его пропустили вместе с машиной. Об этом я уже рассказывал.

Милиционер, который задержал меня в проходной, получил месячный оклад, его начальник Бродский, отвечающий за «неприкосновенность» территории, именное оружие, Розанов – орден.

Я же от этого режима не получал ничего. Кроме одного – звание заслуженного юриста. Но эта награда – сугубо профессиональная. И дают ее не за угодничество, не за ложь – совсем за другие вещи.

За что я боролся?

Часто мне задавали вопрос, почему я вздумал бороться против огромной государственной машины, почти не имея шансов на успех? Один известный олигарх сказал мне:

– Неужели вы не понимаете, что Ельцин может сделать с вами что угодно: он – царь!

Я боролся не за себя. Если бы я искал хорошей спокойной жизни, то давным бы давно уехал послом в Финляндию или в Данию либо стал членом Конституционного суда, как мне предлагал Юмашев. На одной из последних встреч люди Ельцина в обмен на мой отказ от борьбы и спокойный уход с должности предлагали пост постоянного спецпредставителя президента по связям с правоохранительными органами зарубежных стран, прекращение уголовного дела и широкую информацию в СМИ, что кассета – поддельная.

Я отказался от предложения.

Ведь поругана была моя честь, поругана честь моей семьи. А честь я обязан защитить. Как обязан и держать удары, какими бы сильными и болезненными они ни были. Дальше. Есть закон, и закон я обязан был защищать. Ведь без соблюдения законности любое государство обречено на гибель. Уступить преступникам я просто не имел права. Если уступил бы шантажу, то показал бы плохой пример своим коллегам, я тогда запятнал бы честь прокурорского работника. А ведь на меня смотрели многие, у многих прокуроров на периферии – была такая же, как у меня, несладкая жизнь.

Конечно же, я допустил ряд просчетов – кое-где мне не хватило воли и твердости. Особенно в начале моей работы. В частности, в ситуации с коробкой из-под ксерокса, но это – наука.

Прокуроры во многих странах мира играют ведущую роль в борьбе с беззаконием. Карла дель Понте показала всему миру, что Швейцария не должна быть только страной банковской тайны, должна быть и страной, которая объявила войну коррупции в международном масштабе. Прокурор Германии Кай Нэм дал команду допросить Гельмута Коля, несмотря на огромнейшую популярность этого человека в стране: раз Коль нарушил закон, значит, должен ответить. Кеннет Стар допрашивал Билла Клинтона. Эти люди стали на сторону закона – закона, а не политической целесообразности.

В России это делать сложнее. Россия пока еще не превратилась в правовое государство.

Много разочарований принесли и мои бывшие друзья. Трусость, желание усидеть в своем кресле и ради этого – готовность пойти на все, в том числе на подлость и предательство, всегдашнее стремление услужить. Не ожидал я этого от своих друзей, которым столько раз помогал… Как они не понимают, что мир не ограничивается, скажем, Покровкой, Лубянкой и Большой Дмитровкой, как же они будут смотреть мне в глаза в будущем?

В то же время радовали встречи с простыми людьми, – в них, и только в них, я находил и нахожу поддержку.

Ныне я пришел к выводу, что обычными правовыми средствами ни оргпреступность, ни коррупцию в России не победить – справиться с ними может только власть – обладая государственной властью, можно этих гадин раздавить.

Лишь власть способна решить, быть России правовому государству или нет. Но если власть сама завязана на преступлениях, как это было при Ельцине, то стать нам правовым государством она не даст никогда.

А власть перехватили преемники Бориса Николаевича Ельцина, те самые, кто пренебрегал законом, хозяйничал в Кремле, как у себя на кухне, был причастен к фабрикациям, к травле неугодных, к информационной лжи, к грязным технологиям выборов.

Режим становится все более и более криминальным.

Отечество в опасности!